

Татяна Зинина

Невольница Его Величества

Annotation

Я была звездой академии, самой одарённой студенткой целительского факультета... но одна встреча изменила всё. И вот уже год, как я приговорена к рабству, считаюсь чужой собственностью, а от меня прежней уже почти ничего не осталось. Когда сестра хозяина вдруг объявила, что забирает меня с собой в академию, я не спешила радоваться, не верила, что меня вообще туда пустят, ведь рабам там находиться запрещено. И уж точно не могла подумать, что встречу там того, кто протянет мне руку помощи, снова перевернёт мою жизнь, заставит ожить покрытое льдом сердце... или окончательно меня уничтожит.

- [Татьяна Зинина](#)
 - [Пролог. Тёмный лес, ведьма и король](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Глава 1. Выигрыш и два интригана](#)
 - [Глава 2. Хозяин, очередь и принцесса](#)
 - [Глава 3. Сестра, предсказание и декан](#)
 - [Глава 4. Столкновение, рабыня и неправильный интерес](#)
 - [Глава 5. Выходные, бойкот и назойливый вергонец](#)
 - [Глава 6. Закат, колдун и дурные воспоминания](#)
 - [Глава 7. Спящая совесть, странности Сиалии и подозрительный интерес](#)
 - [Глава 8. Записка, ворон и колдовское зелье](#)
 - [Глава 9. Анмар, вергонцы и подружки](#)
 - [Глава 10. Хозяин, твари и чудо](#)
 - [Глава 11. Апатия, сделка и предложение](#)
 - [Глава 12. Защитник, принц и король](#)
 - [Глава 13. Крылья, имя и клятва](#)
 - [Глава 14. Суд, артефакт истины и Эниремия](#)
 - [Часть вторая. Крылатая и проклятый](#)
 - [Глава 15. Похитители, крылья и водопад](#)
 - [Глава 16. Послание, ведьма и кот](#)
 - [Глава 17. Ночь, предатели и поиск ритуала](#)

- [Глава 18. Ворон, самозванец и сложные решения](#)
 - [Глава 19. Подготовка, зелье, попытка помочь](#)
 - [Глава 20. Невеста, ведьмы, ритуал](#)
 - [Глава 21. Снег, гость и отчаянный зов](#)
 - [Глава 22. Туман, Сайо и когти](#)
 - [Глава 23. Дракон, прощание и клятва](#)
 - [Глава 24. Дворец, бывший друг и колдовская любовь](#)
 - [Глава 25. Переговоры, враги и возвращение](#)
 - [Часть третья. Целительница и король](#)
 - [Глава 26. Предложение, отказ и согласие](#)
 - [Глава 27. Церемония, побег и танец](#)
 - [Глава 28. Ночной гость, отец и приглашение](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Примечания](#)
-

Татьяна Зинина

Невольница его величества

Пролог. Тёмный лес, ведьма и король

– Ну и зачем ты ко мне пришёл? – прозвучал среди темноты спящего леса скрипучий старческий голос.

Шагающий по узкой тропинке высокий крепкий мужчина остановился и выставил перед собой ладони, показывая, что никакого оружия не принёс и угрозы не представляет.

Да, и она, и он знали, что его очень своеобразный магический дар куда опаснее любых артефактов или клинков, но сам жест демонстрировал мирное намерение поговорить.

– В прошлый раз ты дала мне очень дельный совет, – сказал гость, вглядываясь в темноту, где чётко обрисовался силуэт низенькой худой женщины в длинном платье.

– И ты решил опять обратиться ко мне? – спокойно проговорила она. – Неужели снова назревает война, а я и не в курсе?

– Нет, – ответил мужчина, глядя в чуть светящиеся глаза старой ведьмы. – Но если я не решу проблему, то в скором времени вполне возможен серьёзный конфликт. Поэтому, Гарсиния, я пришёл к тебе.

Она усмехнулась, похромала ближе и остановилась в шаге от него. В сиреновом свете вышедшей из-за туч Гайсы – первой из трёх лун, – её морщинистое лицо казалось совершенно белым. Этой женщине давно минуло триста лет, она считалась старейшей ведьмой Вергонии и знала такие проклятия, от которых было невозможно спастись. И никто в здравом уме не стал бы связываться с ней, но только она одна умела так отчётливо видеть чужие пути.

Мужчина протянул ей руку и сумел не вздрогнуть, когда на его запястье сжались крючковатые ледяные пальцы. За свою насыщенную жизнь он уже успел повидать всякое, сталкивался с ужасными, жуткими вещами, но Гарсиния всё равно неизменно вызывала у него страх. Всему виной были даже не слухи, которых немало ходило вокруг её персоны, а та тёмная давящая аура, от которой невольно замирало сердце.

– Ты, Хельм, сам загнал себя в ловушку, – со смешком произнесла старуха. – Но выход из неё всё же есть. Ведьмы простят тебе неисполненное обещание, только если ты предъявишь им ту, что

предназначена тебе судьбой. Против великого провидения мои сёстры никогда не пойдут.

– Эту особу мне придётся найти среди крылатых. Таков один из пунктов мирного договора, – сообщил молодой король Вергонии. – Ты... видишь её в вероятностях моего будущего? Дай хоть какую-то информацию.

– Дам, – согласилась Гарсиния и, прикрыв глаза, на несколько долгих секунд замолчала. А когда заговорила снова, её голос звучал глухо и зловеще: – Она крылатая... но летать не может. Она щедро одарена магией, но её сила спит. Она связана с мужчиной особыми узами, которые не сломать даже тебе.

– Всё? – чуть раздражённо спросил гость. – Может, у неё есть особые приметы? Да назови хотя бы цвет волос! Возраст! Как мне её искать? Где? Прости, Гарсиния, но у меня есть лишь три месяца, за которые я должен исполнить оставшиеся пункты мирного договора. Иначе айвирцы сами найдут для меня жену, и тогда конфликт с ведьмами мне обеспечен.

– Ты сам себе эту яму вырыл, – насмешливо произнесла женщина, – сам из неё и выбирайся. Я сказала тебе достаточно, остальное ты должен сделать сам. Ищи.

Она отпустила его руку, развернулась и уже почти скрылась за деревьями, когда он не сдержался:

– Гарсиния, дай подсказку! Я готов заплатить ту цену, которую ты назначишь, – резко и серьёзно произнёс Анхельм.

Ведьма остановилась, бросила на него взгляд через плечо и изобразила задумчивость.

– Мир гармоничен, – сказала она. – В нём всё взаимосвязано, и не стоит пытаться обмануть судьбу. Если я сейчас дам тебе ответ, то вместо этой проблемы у тебя появятся две новые, и они могут оказаться намного более сложными. Поэтому, дорогой правнук, я этого делать не буду. Но кое-что всё же скажу, от себя лично. Сосредоточься на этих поисках, каждый день думай о том, как мечтаешь найти свою единственную, и слушай сердце, а не голову. Хотя в твоём случае именно это будет самым сложным.

Луна скрылась за облаками, лес снова накрыла темнота, а ведьма пропала, будто растворилась в ночных тенях. Мысленно выругавшись,

Хельм сбросил с головы капюшон, поднял лицо к небу и медленно выдохнул.

За время этого разговора он успел составить примерный план действий, уже решил, кому поручит поиски, под каким предлогом отправит делегацию в Айвирию, но последняя фраза Гарсинии всё поменяла. Теперь Анхельм понимал, что только он сам сможет найти нужную девушку. Увы, тут одними указаниями не обойдёшься и своё сердце другим не вручишь, чтобы они могли использовать его в качестве компаса.

Что ж, значит, придётся действовать лично, хотя это ещё больше всё усложняет. Открыто рыскать по Айвирии ему никто не позволит, да и его официальный статус будет только мешать. Следовательно, придётся прибегнуть к обратному зелью и помощи сестры.

Когда в его голове сложился новый план, на душе стало намного легче. Да, он знал, что просто не будет, но был готов действовать. Анхельм Вергонский всегда умел отлично просчитывать ходы и продумывать сложные комбинации. И то, что сейчас он оказался в ловушке двух противоположных по смыслу договоров, – это всего лишь расплата за мир, которого в итоге всё же удалось добиться.

Главное, что Гарсиния подтвердила его догадки о том, как выйти из ситуации. А с остальным он справится. По сравнению с тем, что удалось проверить, когда его страна проиграла войну, это всё – сущие мелочи.

Ведьма смотрела на праправнука из-за большого дерева и бесшумно постукивала пальцами по шершавой коре. Да, она могла бы многое сказать Хельму, даже назвать имя той, кого видела в будущем его женой. Вот только в этих видениях он был равнодушен к супруге, а она – совершенно несчастна.

Теперь же он пойдёт по другому пути, где ему придётся не только найти свою суженую, но и получить её прощение. Ведь когда-то Анхельм уже сломал ей жизнь. И возможно, этой девочке всё-таки

удастся растопить ледяное огрубевшее сердце молодого короля,
который давно разучился чувствовать.

Часть первая

Рабыня и верговец

Глава 1. Выигрыш и два интригана

Эбелин

– Эби!

Сиалия ворвалась в кухню весёлым вихрем, едва не запутавшись в длинной белой юбке.

Она заметно пошатнулась, схватилась за край стола, но устояла. Её причёска чуть растрепалась, на щеках сиял румянец, а верхние пуговицы голубой блузки были расстёгнуты. Девушка заправила за ухо светло-пшеничный вьющийся локон, обвела помещение сосредоточенным взглядом и неровной походкой направилась прямо ко мне.

– А у меня для тебя сюрприз, – проговорила Сиа чуть заплетающимся языком. – Даже не так. Сюрпризище! Танцуй, Эби! Твоя мечта сбылась!

Сестра хозяина была пьяна и румяна. Что, в общем-то, не удивительно, ведь сегодня она с подружками отмечала окончание каникул. Уже завтра им всем предстояло отправиться в академию. Порядки там царили строгие, поэтому девушки и решили напоследок от души повеселиться.

Я сидела на табурете у разделочного стола и чистила овощи для предстоящего ужина. Помимо хозяев дома нам предстояло кормить ещё пятнадцать человек, да не обычной едой, а изысканными яствами, потому мы с кухаркой Рисой и её помощницей работали с самого утра без малейших передышек. Совсем недавно закончили с обедом и сразу же занялись ужином.

Сиалия нависла надо мной, довольно хмыкнула и зачем-то потрепала меня за щёку.

– Сидишь тут и не знаешь своего счастья, – сказала она, дыхнув на меня лёгким запахом перегара. – А я, между прочим, совершила настоящий подвиг!

– Что вы имеете в виду, эрни ¹Сиалия? – спросила я, вытирая руки о фартук и поднимаясь на ноги. Сидеть в присутствии хозяев было

запрещено.

– Я выиграла тебя в карты у брата, – самодовольно заявила девушка, расправив плечи. – Завтра ты едешь со мной в академию. Будешь моей личной помощницей. Ну разве это не замечательно?

От такого заявления у меня по спине пробежал холодок. Я поймала сочувствующий взгляд Рисы и тут же опустила глаза.

– Вы уверены, эрни Сиалия? – спросила я, надеясь, что голос не дрогнет. Таким, как я, в этом доме не было дозволено проявлять эмоции. За подобное могли и наказать.

– Уверена, – усмехнулась девушка. – Он отдал мне тебя на полгода, представляешь? Девчонки уже обзавидовались. Ни у кого из них нет личной рабыни, а у меня теперь есть. Ну разве это не замечательно?

Сердце сжалось, к глазам подступили слёзы, но я смогла сдержаться. Мне совсем не хотелось никаких перемен, ведь в моей жизни всё только-только начало налаживаться. Хозяин Ринор всего месяц назад оставил меня в покое и перестал таскать в свою спальню. Его мать определила меня на кухню под начало Рисы, где я, наконец, смогла снова почувствовать себя нормальным человеком, а не безвольной вещью. Даже начала иногда улыбаться... Глупая. Должна была понимать, что это всё временно.

– Когда закончите с ужином, приходи в мою комнату, поможешь собрать вещи, – отдала распоряжение Сиалия. – И свои собери, мы в ближайшие четыре месяца здесь не появимся.

Я покорно кивнула и вновь вытерла о фартук вспотевшие ладони.

– Эй, а почему это ты не рада? – хозяйка подцепила мой подбородок пальцами и приподняла голову, заставляя смотреть ей в глаза.

– Рада, – ответила я.

– Нужно говорить: «Очень рада, хозяйка», – она добавила в голос строгости, но сразу же довольно рассмеялась. – Подумать только, у меня есть личная рабыня! Просто восхитительно!

С этими словами Сиалия развернулась и выпорхнула их кухни.

Мы не смели провожать её взглядами, и лишь когда дверь за ней закрылась, я судорожно выдохнула, а Риса подошла ближе и погладила меня по напряжённой спине.

– Сочувствую, Эбелин, – проговорила она тихо.

Я всхлипнула, но тут же заморгала, стараясь не дать слезам волю, только они всё равно прорвались сквозь ресницы. Кто бы знал, как мне хотелось разрыдаться, но если вдруг это увидит кто-то из хозяев, дело может дойти и до плетей, а у меня и так вся спина в шрамах.

— Зато там не будет эрна Ринора, — тихо добавила Риса, наклонившись к моему уху.

— Но будут другие. Или, думаешь, Сиалия не сможет отдать меня кому-то на ночь? Сможет, ещё как. Риса... — говорить было тяжело, с губ рвались рыдания, и я снова зажмурилась. — Риса, как мне это пережить?

— Ты справишься, милая, — она подалась ближе и крепко меня обняла. — Верь в лучшее. В конце концов, там академия, и правила довольно строгие. Может, всё ещё обойдётся? Сколько осталось до окончания действия твоего приговора?

— Два года, один месяц и три дня, — ответила я. Могла бы и в часах сказать, но решила, что не стоит.

— Уже почти год прошёл. Считай, треть срока миновала, — попыталась приободрить меня Риса. — Главное, что ты жива. А однажды вернёшь свободу и снова сможешь жить, как тебе хочется. Потерпи.

Рисе было около пятидесяти лет, двадцать из которых она проработала на кухне семьи Лермид. Ни мужем, ни детьми она так и не обзавелась, но ко мне относилась, как к родной дочери. С первого дня моего появления здесь эта женщина приняла меня с радушием, помогала, поддерживала. И только при ней я могла позволить себе иногда дать волю слезам. Даже представлять не хочу, сколько выплакала на мягком плече Рисы. Если бы не она, я бы давно тронулась умом.

— Ищи хорошее, — добавила она, возвращаясь к кипящему на плите бульону. — Попадёшь в академию, может, чему новому научишься. Ты ж сильный маг, а там обучают именно таких.

— Маг без магии, — я вздохнула и коснулась пальцами кожаного ошейника с металлической пластиной посередине. Он был на мне с того момента, как почти год назад суд приговорил меня к рабству. С тех пор собственной магии я не чувствовала вообще.

— Но однажды с тебя снимут эту штуковину, и тогда знания точно пригодятся. Постарайся в академии хотя бы доступ к книгам

получить, – добавила Риса.

Я сильно сомневалась, что хозяйка позволит мне посещать библиотеку, но слова старшей подруги зажгли где-то глубоко в душе лёгкий несмелый огонёк надежды. Только...

– Меня туда даже не пустят, – проговорила я, сжав кулаки.

– В библиотеку? – спросила Риса.

– В академию. Я же преступница, осуждённая. Там таким не место. Но, знаешь, если вдруг пустят, будет только хуже.

– Почему? – не понимала женщина.

Я подняла на неё взгляд и, вздохнув, призналась:

– Я училась там. Окончила два курса. И... – сглотнула, – даже представлять не хочу, каково будет вернуться туда... рабыней.

Анхельм

Когда я вошёл в кабинет наследника престола Айвирии, Гервин лишь мазнул по мне равнодушным взглядом. Он не стал подниматься, здороваться, даже не кивнул. Гад ползучий. Хотя я знал, что так будет. Этот самоуверенный хлыщ никогда не упускал ни единого шанса хоть как-то меня унижить, а сейчас я сам дал ему такую возможность.

– Так и будешь молчать? – спросил он, продолжая делать вид, что внимательно изучает документы.

– Доброго дня, ваше высочество, – ответил я нехотя.

– Доброго дня, незнакомый колдун с замашками правителя, – холодно бросил кронпринц и всё же удостоил меня взглядом. – Ну, и какого демона тебе снова понадобилось в моей стране, да ещё и под личиной? Кстати, как физиономию изменил? Наверняка же, использовал обратное зелье?

– Оно самое, – не стал отрицать я. – А в твоей стране я исключительно для того, чтобы навестить сестру.

– Да? Почему же под прикрытием чужой внешности? – Гервин ядовито ухмыльнулся. Мы оба понимали, что я вру, но обоим

правилась эта игра.

Он внимательно рассматривал моё лицо, и я знал, что сейчас обязательно последуют комментарии. Иначе и быть не могло.

– Да уж, смазливости в твоей роже изрядно поубавилось, – сказал он. – Хотя, в целом, ты даже немного на себя похож. Кем ты там нынче называешься? – Он заглянул в документы и сам же ответил на свой вопрос: – Лорд Артиул Версен. Знакомая фамилия.

– Это мой троюродный брат, – ответил я ему.

– Которого, если мне не изменяет память, ты не так давно отправил на каменоломни. Неужели лишь для того, чтобы прикрыться его внешностью?

– За попытку захвата власти, – нехотя сообщил я и, пройдя по кабинету, всё же опустился в удобное кресло.

– Почему не казнил? – Гервин демонстративно переплёл руки перед грудью.

– По своим причинам. Я не лезу во внутренние дела твоей страны, не лезь и ты в мои.

Гервина Дарвида я искренне ненавидел, но при этом уважал. Хотя это у нас с ним было взаимно. Если бы не множество сдерживающих факторов, мы бы с ним с радостью друг от друга избавились, да так, чтобы уж наверняка. Но, тем не менее, были вынуждены друг друга терпеть и даже довольно часто общаться.

– Ты заявился в мой дворец, – холодно напомнил Гервин.

– Хочу проведать сестру и племянницу.

– А почему под личиной?

– Это неофициальный визит, – развёл я руками.

– Но меня всё же решил поставить в известность.

– Да меня к Эниремии без твоего высочайшего позволения просто не пропустят. Ведь Анмара в столице нет.

Гервин коротко кивнул, продолжая внимательно меня рассматривать.

– Твои люди уже месяц рыскают по Айвирии. Собирают информацию, – произнёс он, показывая свою осведомлённость. – Мои агенты присматривают за ними, но пока не вмешиваются. Полагаю, здесь ты именно потому, что тебе от меня что-то нужно. Зная твою натуру, к сестре ты бы легко проник и так.

Правильно мыслишь, гад ползучий. Руки чесались двинуть ему по надменной физиономии, но это мы с ним уже проходили и, увы, тогда я проиграл. Но когда-нибудь отыграюсь, жаль, не сейчас.

– И всё же, что тебе от меня нужно? – Гервин явно чувствовал, что я собираюсь обратиться к нему с просьбой.

Ненавижу просить, предпочитаю просьбам манипуляции или взаимовыгодные сделки. Но сейчас следовало наступить на горло гордости, ведь иначе этот змей будет вставлять мне палки в колёса, а его сейчас лучше держать в союзниках. Если бы не крайний случай, я бы ни за что не стал обращаться к нему, но в данной ситуации именно это было самым правильным ходом.

Месяц поисков так называемой избранницы прошёл, результата не было, время неумолимо утекало, и только по этой причине я сейчас сидел здесь и вынужден был говорить с ненавистным мне Гервином.

По словам старой ведьмы, нужная мне девушка – сильный маг, хоть и без магии, крылатая, но без крыльев. Из этого я сделал вывод, что у неё проблемы с магическими каналами, или же она ещё не успела раскрыть собственный потенциал. Мои ребята искали среди юных особ, изучали картотеки учёта одарённых, составили целый список из тридцати возможных кандидаток. Я успел познакомиться с каждой... но всё время чувствовал, что ишу не там.

Три дня назад в небольшом городке на западе страны я встретился с Анмаром – супругом моей сестры и братом Гервина. Когда-то мы с ним дружили, но война² поставила крест на наших приятельских отношениях. Теперь же мы были вынуждены снова общаться, поэтому я и решил спросить у него совета. Мар мне и сказал, что девушек, у которых проблемы с магией, стоит искать в магической академии Тирона. Тем более, что со дня на день там должен начаться новый учебный год.

Эта идея показалась мне здоровой, а интуиция впервые за время поисков была со мной согласна. Вот только попасть в эту академию для чужака почти нереально. А мне следовало ещё и хорошенько там осмотреться.

– Хочу, чтобы ты дал разрешение мне и десяти моим парням месяц провести в Тиронской академии, – сказал я Гервину. – Будем перенимать опыт, смотреть на организацию учебного процесса...

– Вербовать моих магов, – закончил за меня айвирский кронпринц.

– Нет, – холодно бросил я. – Сам знаешь, как в Вергонии обстоят дела с обучением одарённых. В этом у нас огромный пробел. Я же хочу лично разобраться с ситуацией, потому считаю правильным взять за основу ваши наработки.

Гервин подпёр голову рукой, а на меня посмотрел, как на дурачка.

– Врёшь. Если бы дело обстояло так, ты бы отправил мне официальный запрос. И точно не являлся бы лично.

– Попутно рассчитываю присмотреть супругу, – сказал я ему чистую правду, и при этом мой голос прозвучал равнодушно, будто всё происходящее меня не особо волновало.

Кронпринц Айвирии изобразил лёгкое удивление.

– Неожиданно, – протянул он, снова садясь прямо.

– Наоборот, вполне ожидаемо. У меня два месяца до окончания указанного в мирном договоре срока. Я действительно хочу соблюсти и этот, прямо скажем, неудобный и неприятный мне пункт. Так что твой интерес в моём вопросе тоже присутствует.

– Почему же? Там ведь сказано, что, если не выберешь супругу айвирку³ сам, то женишься на той, которую выберу я. И девушка давно ждёт. Интересная, красивая, подходящая тебе по статусу...

– Но верная только тебе, – закончил я за него и решил чуть надавить. – Помнится, я однажды помог твоей супруге. Она же едва не умерла... и не выкарабкалась бы, если бы не моё вмешательство.

– Ах да, Верита тогда назвала тебя мелочным колдунишкой, – ровным тоном напомнил Гервин. – Как же метко сказано.

Я промолчал. Мог бы ответить многое, да хотя бы принять ту крайне неприятную фразу за оскорбление королевской особы. Но решил опустить этот момент. Достаточно того, что и я, и упомянутая ведьма Верита прекрасно помнили о том инциденте, и своего прощения я ей не давал. Этот козырь пока хранился в моём рукаве, ожидая своего часа. А в том, что однажды такой момент наступит, сомнений у меня не было.

– Ладно, Хельм, будет тебе разрешение, – нехотя согласился Гервин. – Назовём вас дружественной делегацией. Я даже позволю тебе и твоим прихвостням посещать любые лекции и практикумы. Но

вас будет пятеро. И не сомневайся, без присмотра вашу компанию не оставят.

– Благодарю, – выдавил я из себя и даже кивнул. Гордость выкручивала мне руки, но в данной ситуации лучшим решением было поступить именно так.

– За это через год, когда ты, как я надеюсь, всё же разберёшься с системой образования в своей стране, я отправлю в твои академии своих специалистов, – с лёгкой издёвкой проговорил Гервин. – Скажем, двадцать магов. Тебе ведь нужны будут опытные профессора?

И на первый взгляд это могло показаться настоящим подарком. Но я понимал, что истинной целью этих людей станет создание правильного настроения в головах моих студентов. Айвирские учителя легко смогут настроить массы одарённых против моей власти, спровоцировать переворот или даже гражданскую войну.

И, зная я Гервина хуже, точно бы отказался. Но мы с ним, хоть и ненавидели друг друга, но ради мира были готовы на многое. Какой бы сволочью ни был айвирский кронпринц, новых военных действий он точно не желал. А с остальным я разберусь. В конце концов, приставлю к каждому присланному им профессору своего доверенного человека. Да и не помешают нам хорошие преподаватели.

– Согласен, – ответил я.

Он довольно усмехнулся.

– Что ж, в таком случае, сегодня вечером приказ о прибытии вашей делегации будет у ректора. Сохранение твоего инкогнито и в моих интересах, так что о присутствии в делегации правителя соседней страны я никому сообщать не буду. Но и ты води себя соответственно выбранной роли.

– Обойдусь без твоих наставлений, – ответил я и поднялся на ноги. – Дай охране приказ проводить меня к Эниремии.

– Иди, – он сделал царственный жест рукой, но сам вставать не стал. Наслаждался, гад, что сейчас я говорю с ним не как король Вергонии, и всем своим видом подчёркивал, что его статус выше.

Кланяться я не стал. Перетопчется. Достаточно того, что явился к нему как проситель. Самому от себя тошно. Лучше буду считать, что со стороны Гервина это плата за помощь в спасении жизни его супруги, а значит, ещё один долг между нами закрыт.

Глава 2. Хозяин, очередь и принцесса

Эбелин

Я ничего не сказала Сиалии о своих соображениях относительно моего нахождения в академии, да и не стала бы она слушать какую-то рабыню. Поэтому, покорно собрав вещи – и свои, и хозяйки, – рано утром я ждала приказа отправляться в путь.

Конечно, Сиа проспала, что не удивительно после устроенного вчера праздника. Выглядела девушка откровенно помятой, будто этой ночью вовсе не ложилась, но зато платье на ней было новым, выглаженным, с накрахмаленным воротничком, а драгоценные камни на туфельках сияли, как звёзды.

Хозяйка решила взять с собой едва ли не половину гардероба, и, конечно, именно мне пришлось кое-как стаскивать на первый этаж её чемоданы. Хорошо хоть в машину их грузил водитель, а то наш отъезд основательно бы затянулся.

Брат Сиалии, эрн Ринор, наблюдал за этим с откровенной насмешкой, но свои мысли предпочитал не озвучивать. Я то и дело ловила на себе его холодные заинтересованные взгляды и старалась не вздрагивать.

Этот мужчина был моим настоящим хозяином. Он забрал меня из Дома Правосудия сразу после вынесения приговора. Ему тогда даже платить не пришлось, просто во время суда именно он стал нашим с отцом судебным заступником, предоставленным королевским судом. А потом, вместо оплаты за свою работу, предпочёл забрать меня, и ему не отказали.

Тогда я подумала, что мне несказанно повезло. Ринор выглядел на двадцать семь, был довольно симпатичен, красиво одет, причёсан, в нём сразу угадывалась порода. Пока клерки оформляли документы на владение, он вёл себя вежливо и обходительно. У меня даже закралась мысль, что мне очень повезло с хозяином, а в рабстве нет ничего особенно страшного.

Ринор привёз меня в этот особняк, поселил в отдельной комнате в крыле для слуг, представил управляющей и всему обслуживающему персоналу. Мне даже дали работу, назначили горничной. Я тогда так обрадовалась, решила, что три года в должности горничной вполне смогу пережить. А там, может, даже получится восстановиться в академии, продолжить учёбу, получить диплом...

Но в первую же ночь новоиспечённый хозяин наглядно показал, где теперь моё место.

У меня до него не было мужчин, а он видел во мне лишь вещь, которую можно использовать для удовлетворения своей похоти. Я пыталась сопротивляться, но Ринору было достаточно озвучить приказ вслух, чтобы магическая удавка на моей шее начала стягиваться, причиняя невыносимую боль.

И всё равно я не могла смириться. Отказывалась исполнять его гадкие указания, надеялась, что сумею сохранить хоть каплю гордости. Однажды даже дошла до того, что ошейник заставил меня потерять сознание. И тогда хозяин решил действовать иначе и воспитывать покорность во мне старым проверенным способом... с помощью плети.

После очередного такого истязания, он, кажется, сломал меня окончательно. Я больше не сопротивлялась. Покорно выполняла все его приказы и прихоти, от которых меня иногда едва не выворачивало. Да только сам Ринор оказался совсем не рад такому результату. Его интерес ко мне начал спадать, он стал вызывать меня к себе всё реже, а потом меня и вовсе отправили работать на кухню.

С тех пор прошёл месяц, и я сама поразилась тому, что начала оживать. Снова стала чувствовать вкус блюд, замечать, что светит солнце, даже иногда улыбаться. С хозяином почти не сталкивалась, что особенно радовало. Потому сейчас, почувствовав на себе его заинтересованный взгляд, я молилась богине Герде и всем Стихиям, чтобы Ринору не пришло в голову снова приказать мне явиться в его постель.

Да, у меня не было сомнений, что в академию рабыню не пустят. Уверена, хозяин это тоже знал, но не спешил говорить сестре. Наблюдал за её сборами и даже не думал вмешиваться.

— Я навещу тебя через пару недель, — сказал он Сиалии и, бросив на меня вспыхнувший похотью взгляд, добавил: — Береги мою рабыню.

Она мне ещё пригодится.

Меня передёрнуло, в горле встал ком, и я поспешила сильнее согнуть спину и пониже опустить голову. Сейчас я была готова на коленях умолять руководство академии, чтобы мне позволили там остаться. Не важно кем, да хоть уборщицей, дворником, учебным материалом. Согласна на всё. Лишь бы только подальше от Ринора.

Имение Лермидов располагалось довольно далеко от столицы. Если бы нам пришлось ехать весь путь на машине, то дорога заняла бы не меньше суток, но тратить столько времени Сиалия точно не собиралась, и высокая цена за порталный переход её не волновала.

Вообще, наше королевство по большей части располагается в горах, потому и дороги состоят в основном из туннелей и мостов, изобилуют резкими поворотами, крутыми подъёмами и спусками. Насколько я знаю, сеть порталных станций создали всего около пятидесяти лет назад, и с тех пор большая часть состоятельных айвов стала перемещаться между городами именно с их помощью. Но всё же очень многие в стране до сих пор ездят на машинах, да и грузы больших объёмов приходится возить именно так.

До городского порталного комплекса нас с Сиалией довёз водитель. Там он снова помог мне выгрузить чемоданы хозяйки, даже донёс их до арки перехода, ну а дальше идти ему было нельзя.

Не знаю, как мне удалось поднять всё это добро и шагнуть с ним в портал, не иначе, подгоняло воспоминание о взгляде хозяина. Каким-то чудом я справилась, но стоило мне оказаться по другую сторону перехода, как я поняла, что надеялась зря.

– Простите, эрни Лермид, но это невозможно, – заявил дежуривший у портала маг. – Вы не можете провести с собой служанку.

– Это не служанка, а рабыня, – надменно ответила ему девушка. – Считайте её ещё одним элементом моего багажа.

Седовласый мужчина в чёрном костюме поморщился и всё же отрицательно покачал головой.

– Пребывание личного обслуживающего персонала на территории академии запрещено, – отчеканил он холодным тоном.

– Но я не могу без неё! Она нужна мне! Необходима! – заявила Сиалия, скрестив руки на груди. – И почему это парням разрешено

притаскивать с собой на учёбу своих хайти⁴, а я не могу взять рабыню?!

– Это разные вещи, эрни Лермид, – маг ещё пытался говорить спокойно, но взгляд стал колючим. – Присутствие хайти в самом деле необходимо молодым мужчинам, в то время как вы легко обойдётесь без рабыни.

– Не обойдусь! – Сиалия топнула ногой. – Немедленно позовите сюда ректора!

Люди всё прибывали через портал, но пока не могли пройти дальше, ведь для этого требовалась отметка дежурного. Да только он был занят нашей проблемой, которая рисковала в самое ближайшее время перерасти в скандал.

– К вашему сведению, ректор занят, и у него нет возможности разбираться с каждой... истеричной особой, – проговорил дежурный маг, явно выходя из себя.

– Это вы меня называли истеричной особой?! Я буду жаловаться! Ректору, отцу, королю! Всем!

Сиалия уже почти визжала. Люди в очереди на выход нервничали, ведь до начала занятий оставалось совсем немного времени. На другой стороне от прохода появилось несколько человек, желающих покинуть академию через всё тот же злополучный портал, и градус общего напряжения возрос ещё больше.

– Да отправьте её к ректору, пусть разбирается сам! – заявил высокий шатен, который стоял в очереди на выход прямо за нами. – Тут все опаздывают!

– Эрни, – вздохнул маг, устало глядя на Сиалию, – вы сами можете пройти, а вашу рабыню я пропустить не могу. Запрещено.

– Я без неё никуда не пойду! – выпалила Сиа. – Она моя вещь! Запишите её, как багаж, и пропустите уже меня! Вы задерживаете всех!

Не знаю, чем бы это закончилось, но вдруг к дежурному подошла светловолосая стройная девушка в форме академии, за чьей спиной высились двое королевских гвардейцев. Очередь расступилась и притихла, а маг заметно стушевался.

Девушка мазнула взглядом по гордо вскинувшей подбородок Сиалии, посмотрела на меня и повернулась к дежурному:

– Роберт, мне очень срочно нужно попасть во дворец. Не могли бы вы скорее разобраться с ситуацией, – проговорила она спокойным тоном, в котором слышались металлические нотки.

– Конечно, ваше высочество, я сейчас отправлю рабыню с её хозяйкой обратно и настрою для вас переход, – покорно ответил он и принялся вводить нужные цифры на приборе.

– Я никуда не уйду! – решительно заявила Сиа и обратилась к девушке: – Ваше высочество, меня не пропускают с моим имуществом. Это возмутительно!

Судя по всему, перед нами была одна из принцесс. Вероятнее всего, супруга кронпринца ГERVина, на которой он женился всего несколько недель назад. Кажется, её звали Кэтрин⁵, но я не уверена. И, что самое удивительное, на меня она смотрела с сочувствием, которое показалось особенно странным.

– Роберт, пропустите их обеих под мою ответственность, – сказала принцесса. – Запишите девушку как временную гостью, прибывшую для встречи с эрном⁶ Шарридом. Я сама прослежу, чтобы он поскорее разрешил возникший конфликт.

Мужчина кивнул. А что ему ещё оставалось? Повернулся ко мне и равнодушно спросил:

– Твоё имя?

– Эбелин Лиссер, – ответила я дрогнувшим голосом.

Он выписал мне временный пропуск, в котором значилось, что покинуть академию я должна максимум через час. Заверил его магией и только после этого позволил нам пройти.

К моему удивлению, вместо того, чтобы пройти к освободившемуся portalу, принцесса направилась к лестнице, ведущей в административную часть. Охранники последовали за ней, Сиалия вышла следом. А я снова глянула на гору чемоданов и попыталась взвалить их на себя.

– Оставь, – махнул дежурный маг Роберт. – Попрошу ребят отнести их к комнате эрни Лермид. Ты же сломаешься под таким весом.

Я благодарно кивнула и поспешила за хозяйкой.

В академии всё было по-прежнему. С наслаждением вдохнув особый запах этого места, я даже позволила себе мимолётную улыбку, но радоваться не спешила. Ясно же, что сейчас ректор выставит меня

отсюда, возможно, даже вместе с Сиалией. Но лучше пока не буду об этом думать. Ещё неизвестно, получится ли у меня ещё хоть когда-нибудь побывать в этих коридорах.

Шли в молчании. Мимо нас сновали студенты, ходили преподаватели. Я даже увидела несколько знакомых лиц, но поспешила опустить голову. Не хватало ещё, чтобы кто-нибудь меня узнал.

Но когда на третьем этаже принцесса вместо ректората вдруг свернула к залам для собраний, я всё же решила сказать ей об этом. У меня ведь всего час, а потом начнёт давить магия от истёкшего пропуска. Терять драгоценные минуты никак нельзя.

– Прошу прощения, ваше высочество, – тихо проговорила я. – Но кабинет ректора в другой стороне.

Девушка остановилась и обернулась ко мне, за её спиной замерли охранники, а Сиалия недовольно поджала губы. Ещё бы, ведь рабыням не разрешалось заговаривать первыми, тем более, с теми, кто настолько выше по статусу.

– Вы уверены? – спросила принцесса и осмотрелась по сторонам. – Никак не могу запомнить дорогу. Может, проводите?

– Конечно, – кивнула я и развернулась в обратном направлении.

Велико же было моё удивление, когда супруга кронпринца поравнялась со мной и спросила:

– Откуда вы знаете, куда нужно идти? – в её голосе звучал искренний интерес, и я поспешила ответить.

– Училась тут. До приговора, – и опустила голову.

– Правда? А на каком факультете? – спросила она.

– На целительском.

– Интересно. Я тоже поступила на него, на третий курс. У вас есть диплом? Вы очень молодо выглядите.

– Я проучилась только два года, – сообщила ей.

– Вас отчислили?

– Нет, – я горько усмехнулась. – Арестовали. Приговорили к рабству.

– За что?

Ответить на этот вопрос сразу я не смогла, язык просто перестал слушаться. Нет, мне не было запрещено говорить о своём приговоре, просто... не хотелось пугать им принцессу.

К счастью, мы как раз подошли к ректорской приёмной, и необходимость продолжать разговор отпала сама собой.

Секретарём работала всё та же ахна⁷ Руперти – невысокая кудрявая брюнетка лет пятидесяти. Судя по ошарашенному взгляду, она узнала меня. И, видимо, наша компания поразила её настолько, что женщина даже спрашивать не стала, зачем мы явились, а поспешила доложить ректору о приходе принцессы.

Конечно, её высочество приняли сразу. Но разве могло быть иначе? Правда, в кабинет вошли только супруга кронпринца и Сиалия, а мы с охранниками остались ждать в приёмной.

И потянулись минуты.

Я посматривала на висящие на стене часы, наблюдала за стремительным бегом секундной стрелки, и всё больше впадала в отчаяние. Из-за двери в ректорский кабинет не доносилось ни звука, но мне и так было ясно, что там сейчас происходит. Хозяйка требует, наверняка, угрожает, что пожалуется отцу, занимающему должность верховного судьи, ректор пытается избежать скандала, а как ведёт себя принцесса – неизвестно. Я вообще понять не могла, зачем она пошла с нами. Вряд ли лишь из любопытства.

Сиалии не разрешат оставить в академии рабыню, ведь это создало бы прецедент, и уже завтра студенты притащили бы с собой каждый по рабу. Подобное могло стать чем-то вроде моды или показателем статуса. А администрации такое точно не нужно. Следовательно, меня сейчас отправят обратно, и оставалось надеяться, что снова определят на кухню. Боюсь, если хозяин прикажет прийти в его спальню, я просто не выдержу.

Дверь приоткрылась, в приёмную выглянула Сиалия и хмуро приказала мне:

– Эби, зайди.

Зачем? Впрочем, разве это важно? Отказаться ведь всё равно нельзя.

Я вошла в кабинет и, остановившись у двери, низко опустила голову, как и подобает примерной. Но уж никак не ожидала, что ко мне подойдёт сам ректор.

Он встал передо мной, и я кожей почувствовала его негодование.

– Эбелин? Это действительно ты? – произнёс эрн Шаррид.

Я всё же подняла лицо и даже чуть улыбнулась, увидев перед собой явно удивлённого мужчину. С нашей последней встречи Рейом Шаррид почти не изменился. Он был всё таким же худым, невысоким, одежду всё ещё предпочитал исключительно тёмных тонов. А вот его чёрные волосы заметно отросли и доставали почти до плеч, и в них проглядывало несколько седых прядей. В свои семьдесят выглядел ректор максимум на пятьдесят, а из-за крючковатого носа и цепкого взгляда всегда напоминал мне грозного орла.

– Доброго дня, эрн Шаррид. Как поживаете? – спросила я, не в силах скрыть неловкую улыбку.

Я знала его давно, он был приятелем моего отца и раньше частенько навещался в наше имение, поэтому глупо было надеяться, что он меня не узнает.

– Да уж точно лучше, чем ты, – ответил мужчина, хмуро сведя к переносице чёрные густые брови. – И что мне с тобой делать?

– Поступайте, как велят вам правила, – ответила я. А заметив пышущий гневом взгляд Сиалии, снова опустила голову.

– Вы знакомы с этой девушкой? – поинтересовалась у ректора сидящая в кресле принцесса.

Он обернулся к ней и пояснил:

– Эбелин была лучшей ученицей целительского факультета, что не удивительно, ведь её отец – выдающийся лекарь. Самый талантливый хирург из всех, о ком я когда-либо слышал. Он учил дочь с детства. Она в пятнадцать уже ассистировала ему при сложных случаях. А её магия поистине уникальна.

– И как же такая интересная личность оказалась в рабстве? – спросила её высочество, даже без иронии. Скорее, в её голосе звучало сочувствие.

Ректор тяжело вздохнул и отвернулся. Ему тоже было тяжело говорить об этом, хотя он знал правду.

– Предала свою страну, – выпалила Сиалия, довольно усмехнувшись. – Её должны были казнить, но из-за заслуг отца сохранили жизнь. Кстати, её отец нынче тоже раб. Так что теперь у них семейка рабов.

Повисла тяжёлая гнетущая тишина.

Мне стало стыдно: не за слова Сиалии, а за то, как ужасно звучал мой приговор. На самом же деле меня просто сделали крайней, а

виновата я была лишь в том, что хотела помочь раненому. А он в ответ на эту помощь сломал мне жизнь. Великие Стихии, как же я его ненавидела! Если бы моей ненавистью можно было отравить на расстоянии, этот гад давно был бы мёртв.

Но обиднее всего то, что после всех его злодеяний, после уймы подлых поступков и смертей он не просто остался жив, но и живёт припеваючи. Его точно не мучает совесть... совести у него попросту нет, как и души.

– Так вы позволите рабыне остаться при мне? – высокомерным тоном поинтересовалась Сиалия. – Могу пообещать, что не выпущу её из моих комнат. Будет находиться там, как мебель.

Ректор фыркнул и вернулся в своё кресло за массивным столом. Я же почувствовала на себе внимательный взгляд принцессы, но поднять лицо не посмела.

– Пребывание рабов в академии запрещено, – отрезал ректор. – Вам, эрни Лермид, придётся вернуть Эбелин обратно.

И я уже решила, что это конец, но вдруг снова заговорила принцесса:

– Господин ректор, скажите, а можете ли вы позволить Эбелин остаться в качестве ученицы? Конечно, с разрешения её хозяйки.

И она так красноречиво посмотрела на Сиалию, что мне стало смешно.

– Ошейник блокирует магию, – развёл руками эрн Шаррид.

– Знаю, – отмахнулась её высочество. – Но ведь получению теоретических знаний это не помешает.

– Боюсь, не смогу ничем помочь в этом деле, – мужчина медленно покачал головой. – Рабам запрещено обучаться в академии.

– А если в качестве исключения? – с нажимом проговорила супруга кронпринца.

– Это не в моей компетенции, – с сожалением ответил ректор.

Увы, чуда не произошло, не стоило и надеяться. Да, впрочем, я с самого начала знала, что затея Сиалии обречена на провал, но всё равно успела на мгновение поверить в счастливый исход. Зря.

– Но при наличии личного разрешения или даже приказа от его высочества Гервина мы смогли бы что-нибудь придумать, – намекнул эрн Шаррид, обращаясь к принцессе.

И, к моему удивлению, она расплылась в широкой улыбке, а в её глазах появился лукавый блеск, будто ей в самом деле очень хотелось оставить меня в академии.

– Сегодня же всё будет, – пообещала она, вставая, и повернулась к Сиалии: – Вы же не против, чтобы ваша рабыня продолжила учёбу?

Тон был весьма настойчивый, потому Сиа проявила благоразумие и сделала вид, что всем довольна:

– Если это не мешает выполнению её первоочередных обязанностей. Она всё-таки моя рабыня.

При этих словах принцесса поморщилась и вздёрнула подбородок.

– Спасибо, – её высочество высокомерно кивнула Сиалии.

Затем глянула на меня, и на её лице появилась тёплая улыбка.

– Эбелин, встретимся на лекциях, – проговорила принцесса и покинула кабинет.

Глава 3. Сестра, предсказание и декан

Анхельм

В покоях Эниремии царила умиротворяющая тишина. Сестра покачивала на руках засыпающую дочь, малышка уже почти уснула, но продолжала крепко сжимать в маленьком кулачке палец матери.

Я сегодня впервые увидел племянницу, а ведь она появилась на свет несколько недель назад. Забавно, что и Эми, и Мар были уверены, что будет сын, а родилась маленькая белокурая дочка. Девочка, ставшая символом мира между Айвирией и Вергонией.

Теперь для окончательного исполнения условий мирного договора мне следовало жениться на айвирке. Причём изначально на исполнение этого пункта давался год... от которого сейчас осталось чуть больше двух месяцев. Если не найду супругу сам и откажусь от предложенной Гервином кандидатки, по условиям всё того же договора Айвирии отойдут две Вергонские провинции, открывающие выход к морю. А этого допускать никак нельзя.

И я бы женился, да хоть сейчас, можно даже на первой встречной, если бы ситуация не осложнялась одним маленьким нюансом. Во время войны, вконец отчаявшись, я обратился к ведьмам. Они испокон веков жили на востоке Вергонии, в политику не лезли, в войне держали нейтралитет. Но когда я попросил их о помощи, пусть даже скрытой, они согласились... взяв с меня обещание, что я женюсь на ведьме – любой девушке, обладающей ведическим даром.

Вот так я сам загнал себя в ловушку. Но даже сейчас, оглядываясь назад, ни о чём не жалел. Без помощи ведьм от моей страны нечего бы не осталось, а без того неприятного пункта в мирном договоре Гервин наотрез отказывался его подписывать.

Тогда я согласился на это условие, решил, что выкручусь, ведь выход обязательно должен быть. Он и нашёлся, да только теперь мне предстояло за очень короткий срок найти загадочную айвирку, предназначенную мне чуть ли не Отцом Защитником и Девой Заступницей. Тогда и ведьмы смирятся с таким выбором.

Насколько всё стало бы проще, если бы айвирки могли быть ведьмами. Увы, магия айвов никак не сочеталась с ведической. Тут даже искать не стоит.

Эниремия медленно поднялась с кресла, отнесла малышку в детскую и, прикрыв дверь, вернулась ко мне.

— У вас с Маром замечательная дочь, настоящая красавица, — сказал я сестре.

Эни улыбнулась.

— Мар говорит, что она — моя копия, такая же светленькая и хрупкая, — ответила сестра. — А мне кажется, у нашей малышки его глаза.

— Мне нравится её имя. Альвиния.

— Мы зовём её Альва, — Эниремия забралась в кресло с ногами. — Жаль, что ты пришёл, когда она засыпала. Знаешь, я даже не представляю тебя с ребёнком на руках, хотелось бы посмотреть на это.

— Не думаю, Эни, что мне стоит доверять такую малышку. Даже на пару минут, — я покачал головой.

— Уверена, Хельм, однажды из тебя получится хороший отец, — проговорила она и, опустив взгляд, добавила: — Уж точно лучше, чем наш.

Я отвернулся к панорамному окну, выходящему на дворцовый парк, и промолчал. Увы, ответить мне было нечего. Наш отец, ныне покойный король Вергонии, поступил с мамой ужасно, а с Эниремией едва ли не хуже. Из-за его отвращения к айвирам наша страна почти перестала существовать.

Я ненавидел его... но в чём-то понимал. Всю свою жизнь я пытался найти ему оправдание, а если не находил, то придумывал. А однажды поймал себя на том, что сам становлюсь таким же, как он. Только хуже в тысячи раз.

Он пытался перековать жизнь своей дочери ради того, что считал для неё правильным, а я играл жизнью Эниремии ради победы в войне. Хотя ради этой победы я сотворил невозможное, немыслимое... то, за что меня в Айвирии считают настоящим чудовищем.

— А я знала, что ты сегодня придёшь, — проговорила сестра, подарив мне тёплый взгляд и мягкую улыбку. — Чувствовала.

— Как поживает твой дар предвидения? — поинтересовался я, откинувшись на спинку кресла.

– Всё чаще получается заставить его работать по моему желанию. Но спонтанные видения всё равно происходят часто. Кстати, – Эни села ровнее, а в её глазах засияли хитринки. – Вчера вечером я видела интереснейшую картину. Хельм, ты говорил с девушкой, она высказывала тебе много грубых и даже обидных вещей, а потом и вовсе от души треснула по лицу. И, знаешь, что самое поразительное? Ты ей это позволил. Принял и слова, и удар, хотя... знаешь, даже я не рискнула бы отвесить тебе пощёчину.

Я фыркнул.

Помню, как-то в юности меня ударил отец. Именно так, ладонью по лицу. Решил наказать за дерзость и напомнить, где моё место. Это был первый и единственный раз, когда я стерпел подобное, и больше никогда и никому не позволял поднимать на меня руку, а на удар всегда отвечал ударом.

Ни одна девушка не смогла бы треснуть меня по щеке, я бы остановил её, перехватил запястье, даже если бы находился на последнем издыхании. Потому меня особенно удивило видение Эниремии.

– Не представляю, как такое может быть воплощено в жизнь, – я усмехнулся. – А что хоть за девушка? Где это произошло?

– Знаешь, – Эни прикрыла веки, будто пыталась снова прокрутить перед глазами то видение. – Было довольно темно, но вокруг светили фонари и росли высокие деревья. Девушка... симпатичная, длинноволосая брюнетка. Стройная, с тонкими чертами лица и прямым взглядом. Одежда на ней: чёрная юбка чуть ниже колена, светло-серый пиджак...

Эниремия резко распахнула веки, а с её губ сорвалось удивлённое: «О!»

– Это же форма Тиронская академии магии! – воскликнула она, хлопнув в ладоши. – И один из скверов за общежитиями. Но, Анхельм, что тебе там делать?

Я развёл рукам и хищно улыбнулся.

– Буду перенимать опыт в организации учебного процесса в местной академии, – ответил сестре. – Гервин уже подписал разрешение.

– Гервин?! – ошарашенно выпалила она и покачала головой. – Даже не представляю, как он на такое согласился. Хотя теперь

понятно, почему ты явился ко мне под личиной. Если бы не голос, я бы тебя не признала. Ну, и глаза остались прежними.

– Так визит же неофициальный, да и лучше мне в этом городе в ближайшие годы открыто не появляться, – кивнул я и решил сказать то, зачем, собственно, пришёл. – А вообще, Эми, мне нужна твоя помощь. Я должен за два месяца найти жену-айвирку, которая помимо всего прочего предназначена мне чуть ли не богами. Возможно, твой дар подскажет, где её искать и как это сделать поскорее?

– Я попробую, – стушевалась сестра. – Но ты же знаешь, как он работает. Видение может прийти спонтанно.

Тем не менее, она расслабленно откинулась на спинку кресла, прикрыла глаза и попыталась увидеть то, что мне было нужно. Шли минуты, Эни сильнее хмурилась, а результата не было.

– Не вышло, – вздохнула сестрёнка. – Возможно, я получу ответ позже.

– Если что-нибудь увидишь, обязательно сообщи, – попросил я. – Важна каждая мелочь.

– Понимаю, Хельм, – ответила она с нотками вины в голосе. – И обязательно постараюсь тебе помочь.

Эбелин

Сиалия злилась. Она была просто в бешенстве. Шла впереди с гордо расправленными плечами, пыталась изображать леди, но шаг чеканила, словно солдат на плацу. Хозяйка рассекала толпу студентов, не обращая внимания на то, как люди шарахаются от неё в разные стороны. Я едва поспевала за ней, и это ещё хорошо, что мне не пришлось тащить все её многочисленные чемоданы.

Кулаки Сии были крепко сжаты, будто она собиралась кинуться в драку, и всё же пока у неё получалось держать свой гнев под контролем. Я понимала причины её ярости, ведь ей фактически приказали разрешить мне учиться. Да не кто-нибудь, а сама принцесса

Кэтрин, супруга наследника престола. Ослушаться её – значит – ослушаться его, а он такого никому не спустит.

Уверена, Сиалия тысячу раз пожалела, что вообще решила притащить меня в академию. Но уже ничего не исправить. Ведь даже если она прямо сейчас отправит меня обратно в имение, то уже завтра у принцессы могут возникнуть вопросы, куда же я делась и всё ли со мной в порядке. Это привлечёт к семье Лермид внимание его высочества, чего бы Сиалии точно не хотелось.

В общем, выбора ей не оставили, оттого она и бесилась. И не нужно быть пророком, чтобы понять, на ком она выместит свою злобу.

– Сиа, привет! А мы тебя искали. Скоро первое занятие, – остановить пышущую гневом Сиалию могли только её подружки. А может, они просто не поняли, что их драгоценная Сиа дико зла.

Две рыжеволосые близняшки Дайвиш часто гостили в имении семьи Лермид. Вчера они тоже присутствовали на празднике, поэтому по мне просто мазнули взглядами, не придав моему присутствию особого значения.

– Почему ты такая хмурая? – спросила её то ли Белия, то ли Нелия. Я их никогда даже не пыталась различать.

– Да так, – отмахнулась Сиа. – Идите, мне нужно надеть форму. Постараюсь успеть на лекцию.

И, обойдя подруг, направилась дальше. Правда, шла она теперь хоть и быстро, но уже не казалась такой сердитой. А когда, миновав аллею между корпусами, мы с ней вошли в женское общежитие, Сиалия вдруг резко остановилась у одной из зеркальных колонн и уставилась на наши с ней отражения. Мне едва удалось вовремя притормозить, а то врезалась бы прямо в спину хозяйки.

Осмотревшись по сторонам, я улыбнулась от окутавшей сердце ностальгии по временам беззаботного студенчества и тоже глянула в зеркало.

Оно было узким, но высоким, и сейчас в нём отражались две девушки – разные, как небо и земля. Светловолосая, пышногрудая Сия, со своими игривыми кудряшками и в длинном голубом платье казалась сказочной феей, воздушной и возвышенной. А стоящая за её спиной черноволосая худая особа в серой накидке с глубоким капюшоном больше напоминала злую сгорбленную колдунью из мрачных сказок. Когда-то я была совсем другой, живой, яркой, увлечённой учёбой.

Меня окружали друзья, подружки, в сердце жила тайная, но взаимная любовь, а впереди ждало большое будущее.

Тогда моей осанке могла бы позавидовать и королева. Увы, рабам полагалось всегда смотреть в пол, а расправленные плечи моему хозяину казались признаком гордыни и неповиновения. За год я привыкла ходить, согнувшись, поэтому сейчас, на фоне сияющей Сиалии, выглядела особенно убого.

А вот Сие явно понравилось наше с ней общее отражение. Она чуть повела плечиком, тряхнула кудрями и, подмигнув своему зеркальному двойнику, пошла дальше. Кажется, даже её злость испарилась, хотя радоваться точно пока не стоило.

Комната эрни Лермид находилась на третьем этаже, точнее, не комната, а целые апартаменты, состоящие из гостиной и двух спален. Обычно в таких студенты жили по двое, но я знала, что Сия ещё в прошлом году настояла на том, чтобы соседок к ней не подселяли.

— Моя комната справа, ты будешь жить в той, что слева, — бросила хозяйка, пересекая гостиную. — Быстрее, помоги мне переодеться. Не желаю опаздывать в первый же день.

Я вошла за ней. Поспешила расстегнуть на её платье все крючки, развязать ленты. Пока Сия избавлялась от своего наряда, я нашла в одном из её чемоданов туфельки, юбку, форменный пиджак и разложила вещи на кровати.

— Знаешь, а даже хорошо, что ты когда-то тут училась, да ещё и была лучшей, — вдруг сказала хозяйка, застёгивая пуговицы на белоснежной блузке. — Значит, сможешь делать за меня задания.

— Я училась на целительском, а вы — на общей магии, — ответила я, глядя в пол. — Не думаю, что смогу правильно выполнять то, чего не изучала.

— Изучишь и будешь делать всё на отлично. Иначе, Эби, никакой тебе учёбы. Запру в комнате, как и собиралась изначально, — Сиалия усмехнулась и, подойдя ближе, подцепила мой подбородок пальцами. — И я бы просто приказала тебе, но... боюсь, в таком случае пострадает качество выполненных тобой работ. Потому, давай поступим иначе. Хочешь учиться — придётся делать это за нас двоих. Ну, и исполнять обязанности моей личной горничной, служанки, камеристки. Согласна?

— Согласна, — ответила я. Да и был ли у меня выбор?

– Вот и замечательно.

Хозяйка накинула на плечи светло-серый пиджак, поправила складки на форменной юбке и пошла к выходу.

– Пока не вернусь, сиди в своей комнате. Всё равно до получения особого разрешения от принца Гervина ты находишься здесь незаконно.

Сказав это, она выпорхнула за дверь, а я осталась. Несколько минут просто стояла на месте, не в силах поверить, что всё в самом деле обернулось такой невероятной удачей. Богиня Герда и Великие Стихии, я ведь и вправду в академии. Что это, если не чудо?

Да, учиться придётся много, тем более что магией я себе помочь никак не смогу, но... я справлюсь! Как ни крути, а это в тысячи раз лучше, чем помогать на кухне, и в миллиарды, триллионы раз приятнее, чем проводить ночи в хозяйской постели.

Сиа вернулась только вечером. Не стучась (зачем стучаться в комнату к рабыне?), открыла дверь, окинула меня, стоящую у окна, насмешливым взглядом и лениво бросила:

– Ректор просил тебя к нему зайти. Иди, разрешаю. Только не задерживайся, мне уже сегодня задали уйму работ.

Весь день я провела в четырёх стенах. Конечно, хозяйка забыла, что рабыне нужно что-то есть и пить, но это не удивительно. Да и в столовой академии имели право питаться только студенты и работники, а я пока ни к тем, ни к другим не относилась.

В кабинет ректора шла очень быстро. Обитатели общежития провожали меня настороженными взглядами, что не удивительно, ведь в своём рабском плаще и капюшоне я выглядела здесь совершенно неуместным элементом.

До приёмной добралась всего минут за пять. Секретаря на месте не оказалось, но меня встретил лично эрн Шаррид.

– Хозяйка сказала, что вы меня вызывали, – проговорила я.

Ректор поморщился и жестом пригласил меня в кабинет. А там нас уже ждали несколько профессоров и эрн Вислоу – мой бывший

куратор и декан факультета целительства.

– Эбелин... – прошептал он, вставая.

Даже сделал шаг вперёд, раскинул руки в намерении обнять, но сам себя остановил. В нашей стране никому не дозволяется без разрешения прикасаться к чужим рабам, а здесь и сейчас было слишком много свидетелей.

– Мне доставили приказ принца ГERVина о твоём зачислении на третий курс, – с широкой улыбкой сообщил эрн Шаррид. – Больше никаких указаний в этом документе нет, следовательно, остальные вопросы, касающиеся твоего обучения, мы вольны решать на своё усмотрение. И мы решили...

– Ты будешь посещать теоретические дисциплины, а на практических присутствовать в качестве наблюдателя, – нетерпеливо проговорил эрн Вислоу.

Я с благодарностью посмотрела на него. Он ободряюще мне улыбнулся и сунул руки в карманы брюк, будто боялся, что иначе не удержится и всё-таки сгребёт меня в объятия.

Кастел Вислоу всегда был для меня больше, чем деканом, больше, чем наставником. Когда-то я даже умудрилась влюбиться в этого молодого, амбициозного профессора. Знаю, что он тоже относился ко мне с теплом, но границ мы никогда не переходили.

Когда я поступила на первый курс, он уже работал в академии рядовым преподавателем целительных заклинаний, и именно его назначили куратором нашей группы. Ему тогда было всего тридцать, значит, сейчас тридцать три, но внешне он выглядел моложе лет на пять. Его тёмные волосы вились мелкими кудряшками, карие глаза сияли теплом, а сильное тренированное тело выдавало бывшего военного.

А ведь в то злополучное лето он звал меня поехать на практику вместе с ним: Кастела пригласили в один из приграничных гарнизонов, помогать раненым. Но я тогда отказалась, заявив, что уже пообещала отцу поработать месяцы каникул в замке Айнс. Папа был против моего приезда, говорил, что там опасно. Но я не поверила. Какая опасность может грозить целителю в неприступной крепости, да ещё и по нашу сторону границы?

Глупая была. Наивная. И не представляла, какими подлыми могут оказаться приятные на первый взгляд люди.

Я собиралась вернуться в академию, как только закончатся каникулы, но в последний день лета привезли десятерых раненых, и я осталась, чтобы помочь отцу с их лечением. Написала Кастелу письмо, что задержусь в крепости ещё на неделю, но потом обязательно нагоню пропущенный материал.

Увы... всё сложилось иначе, и в академию я вернулась только сейчас, да ещё и в рабском ошейнике.

– Вот твоё расписание, – профессор Вислоу протянул мне бумагу. – Форму и всё остальное получишь у коменданта общежития. Учебники возьмёшь в библиотеке.

– Эби, – позвал меня ректор. – Каждому, кто попытается заявить тебе, что рабыне не место в академии, отвечай, что учишься здесь по личному приказу принца Гервина. Это быстро заткнёт рты даже самым ретивым поборникам правил.

Я кивнула, крепче сжала в руках расписание и покинула кабинет. Профессора явно собрались здесь не для того, чтобы на меня посмотреть, у них наверняка какое-то незапланированное совещание. Так что мешать им не сто́ит.

Но когда я миновала приёмную и вышла в коридор, меня догнал Кастел.

– Эби, – он коснулся моего плеча.

А стоило мне обернуться, и декан всё же не сдержался и крепко меня обнял.

– Ты так изменилась, – тихо проговорил он, чуть отстранившись, но при этом продолжая держать меня за плечи. – Эби... скажи, я могу тебе хоть чем-то помочь? Видеть тебя такой... ужасно.

– Я настолько плохо выгляжу? – спросила я с горьким равнодушием.

Понимала ведь, что именно он имеет в виду. Раньше Эбелин Лиссер была совсем другой. Яркой, гордой, всеми любимой. Я знала о своём таланте, осознавала собственную ценность, была настоящей звездой академии, её жемчужиной. Состояла в приятельских отношениях с так называемой элитой нашего учебного заведения. Ещё бы: эрни, одарённый маг, синеглазая красавица, как меня называли.

А теперь от всего этого осталась лишь пустая оболочка с обрывками души.

– Ты очень красивая, Эби. Просто... – Кас запнулся.

– Просто рабство, профессор Вислоу, никого не красит, – ответила, отступив на шаг.

Его руки упали, потеряв опору, я отошла назад и продолжила путь по коридору.

– Ты всегда можешь прийти ко мне... по любому вопросу, – услышала за спиной его голос, но отвечать ничего не стала.

Ещё ниже опустила плечи, накинута на голову капюшон и сморгнула навернувшиеся слёзы. Нет уж, лучше не надеяться на кого-то, не рассчитывать, что кто-то придёт и спасёт. Если в это верить, то потом будет только больнее.

Вечер я провела за учебниками по общей магии. Благо, училась Сиа только на втором курсе, и сложных дисциплин у неё пока не было. Доклад по истории магии я написала играючи и даже с удовольствием, успела за год рабства соскучиться по книгам и учёбе. Расчёт формулы двойного щита покорился мне за полчаса, а с рунологией пришлось повозиться подольше.

Зато перед всем этим я успела получить форму, книги, поужинать в столовой. И без рабского балахона на меня уже мало кто обращал внимание. Ну, сидит невзрачная сторбленная девчонка в уголке, что в ней может быть интересного? Ошейник я спрятала, распустив волосы. Они укрыли плечи чёрным водопадом, спускаясь до самой талии, потому увидеть рабскую побрякушку можно было, только если смотреть на меня прямо. Да и в целом, в сочетании с формой, артефакт на шее выглядел таким своеобразным украшением.

Сиалия была довольна, что домашние задания делает не она. Какое-то время сидела рядом со мной, а потом просто ушла болтать с подружками. Без её пристального внимания работать стало намного легче, закончила я быстро и до отбоя даже успела собрать сумку и сходить в душ.

Этой ночью впервые со дня ареста я засыпала с лёгким сердцем. Да, завтрашний день мог принести что угодно, ждать хорошего не стоило, но... мне всё равно хотелось надеяться на лучшее. Само моё

возвращение в академию – уже чудо. Даже если меня не примут другие студенты и преподаватели, я всё равно буду учиться, буду цепляться за призрачный шанс, который мне дала жизнь, и сделаю всё возможное, чтобы провести здесь всё оставшееся время рабского срока.

Глава 4. Столкновение, рабыня и неправильный интерес

Анхельм

В Тиронской академии я бывал неоднократно, даже как-то жил здесь пару недель. На лекции не ходил, но в спаррингах на мечах участвовал часто. Помню, тогда никто из студентов так и не смог меня одолеть, ну, а тренеру я, честно говоря, специально поддался. Не хотел, чтобы в глазах учеников он выглядел проигравшим, ещё и молодому вергонцу.

Да, жизнь немало меня помотала, я давно и навоевался, и набегался по лесам, а от интриг иногда начинало подташнивать. Но такова уж моя жизнь, другой нет, значит нечего и жаловаться.

Наша делегация прибыла в академию утром, и первым делом нас отвели к ректору. Эрн Шаррид лично поведал нам об общей организации учебного процесса и даже провёл короткий инструктаж. Как и предполагалось, нам разрешили посещать любые лекции, но попросили не мешать ходу занятий, настоятельно рекомендовали держаться вместе и не ходить без охраны, которую нам выделил благодетель Гервин.

Нас было пятеро, охранников – тоже. То есть его хитромудрое высочество попросту приставил к каждому из нас соглядатая. Хотя иного не стоило и ожидать. Уверен, эти бравые ребята будут докладывать кронпринцу о каждом нашем шаге, каждом разговоре, а уж Гер, тварь венценосная, сумеет правильно распорядиться этой информацией.

А ещё, не сомневаюсь, до тех девушек, которых Гервин видел моими потенциальными невестами, уже донесли нужную информацию, а значит, стоит ждать скорых знакомств и быть начеку.

После долгой экскурсии по корпусам и полигонам академии нас всё же отпустили в выделенные в общежитии апартаменты. Проводили до комнат, оказавшихся самыми обычными, как у других студентов, и

всё-таки оставили в покое. Провожатые удалились, конвой занял посты в коридоре, и до самого вечера мы остались предоставлены сами себе.

Моих ребят поселили по двое, мне же достались трёхкомнатные апартаменты, состоящие из гостиной, двух спален и просторной ванной. Светло, просторно, уютно... Осталось сделать так, чтобы тут стало ещё и безопасно.

Я как раз закончил установку охранных плетений на все стены, двери и окна, когда ко мне постучался Четтер.

– И что дальше? – спросил друг, усаживаясь на стоящий в гостиной диван. – Ты уверен, что стоит искать именно здесь?

Напротив дивана – два кресла, между ними – чайный стол. Да и вообще обстановка была вполне приятной, но не шикарной, что даже радовало. От обилия позолоты, лепнины, изысканных гобеленов и картин меня ещё в родном дворце передёргивало, а избавиться от всего этого кричащего великолепия пока не доходили руки.

– Не знаю, – честно ответил я, остановившись у окна, за которым раскинулся небольшой парк. – Для начала, наша задача – влиться в студенческое общество и при этом изображать интерес к организации учебного процесса.

– Хельм, ты понимаешь, что нас тут не примут, а может, даже попытаются навредить? – бросил Чет, резким жестом убрав от лица рыжую чёлку. – Война закончилась меньше года назад. Мы – вергонцы, а значит, для всех местных – враги. Те, кто убивал их родных, устраивал диверсии и, в конце концов, захватил в плен их королеву! Думаю, нам пригодится охрана, приставленная Гервином.

– Вот вы и ходите под охраной, – ответил я ему.

Четтер тяжело вздохнул и посмотрел на меня с усталостью старца.

– Будешь нарываться, – утвердительно произнёс он.

Мы были знакомы много лет, выросли вместе, потом вместе воевали: сначала в армии Вергонии, потом в партизанских отрядах. И Четтер Гайсли действительно знал меня, как облупленного. Но, несмотря ни на что, мы оставались близкими друзьями.

– Буду, – ответил я, хотя ответа и не требовалось. – На долгие и осторожные действия у меня нет времени. Поэтому придётся действовать в лоб.

– Как всегда, – кивнул он и, откинувшись на спинку дивана, прикрыл глаза. – Скажи, это когда-нибудь закончится? И вроде, боевые действия в прошлом, мирный договор подписан, теперь можно выдыхать и жить спокойно. Но не получается. Во дворце – жадные до власти интриганы, за пределами дворца – хитрецы и лицемеры. Нам давно нужно налаживать мирную жизнь в наших городах, а мы снова и снова ввязываемся в новые авантюры.

– Ты мог не ехать со мной, – ответил я.

– Не мог, – он сел прямо. – Ты, Хельм, умный, хитрый, изворотливый, но даже тебе нужен рядом тот, кто может вовремя прийти на помощь или хотя бы образумить. А здесь чужая страна. Кругом враги.

– Между нашими странами официально подписан мирный договор, – напомнил я.

– А ты выйди сейчас на улицу без личины, открой этим милым студентикам своё лицо. Знаешь, что будет? Они разорвут тебя голыми руками. Ты для них олицетворение зла и коварства.

– Не я развязал войну, – бросил я холодно. – Но именно мне пришлось совершить невозможное, чтобы её остановить. И я не буду жалеть ни об одном из своих поступков, ведь в итоге они вернули Вергонии огромные территории, которые мы проиграли в боях. Да, страна лишилась северных и западных провинций, но это достойная плата за мир. И давай не будем об этом. Пойду лучше, прогуляюсь.

Чет покачал головой, но говорить ничего не стал. У всех моих ребят, приехавших в академию, были сигнальные артефакты. Если кто-то из нас попадёт в беду, остальные сразу узнают и придут на помощь. Поэтому я был уверен, что, даже если окажусь в патовой ситуации, всегда смогу вызвать своих.

Перед тем, как выйти в коридор, шепнул заклинание отвода глаз. Оно у меня выходило идеально, и никто из охранников не заметил ни того, как открылась дверь, ни того, что я ушел. Смешно, но магам был доступен только отражающий полог, который всё равно можно было распознать по изменяющемуся, чуть дрожащему пространству. Отводом глаз пользовались лишь ведьмы и колдуны. А мне очень повезло наряду с магическим даром получить ещё и колдовской.

Хотя, по сути, это был один дар, пусть и очень своеобразный. Я мог создавать плетения, как маг, но при этом творить заклинания и

черпать силу из природы, как колдун. Но о своих способностях особо не распространялся.

Судя по времени, сейчас заканчивалось третье занятие. Скоро прозвучит сигнал, и коридоры заполнят студенты, а многие сразу направятся в столовую. Там-то я за ними и понаблюдаю.

Я остановился чуть в стороне от аллеи, ведущей от учебных корпусов, и ещё раз обновил заклинание. Так меня никто не заметит, зато я смогу рассмотреть всех.

Вскоре на дорожке начали появляться парни и девушки в форме академии. Они выходили группками: одни смеялись, другие спокойно беседовали, третьи молчали. Я вглядывался в лица молодых айвирок, слушал интуицию, но ни ощущал никакого отклика. Все они были для меня совершенно одинаково неинтересными. Неподходящими. Не теми. Возможно, для того, чтобы мнение изменилось, нужно пообщаться поближе? Но время поджимало.

И тут мой взгляд зацепился за сторбленную фигурку черноволосой девушки. Она быстро шла вперёд, ловко огибая группки студентов, и так крепко сжимала ручки своей потёртой старой сумки, будто больше всего боялась её потерять. Брюнетка явно спешила, хотя со стороны казалось, будто она попросту от кого-то убегает.

И мне стало интересно.

Я сделал несколько шагов вперёд, встал так, чтобы оказаться у неё на пути, и, когда она подошла на расстояние нескольких шагов, развеял заклинание отвода глаз.

Девушка влетела напрямик в меня, у неё не было ни единого шанса избежать нашего столкновения. Я же поспешил поймать покачнувшуюся особу за талию, помог ей удержаться на ногах.

Едва почувствовав, что может стоять нормально, она испуганно отпрянула и тут же тихо сказала:

– Простите.

Студентка была невысокой, стройной и очень напряжённой. Даже не глянула на того, в кого врезалась, наоборот, опустила лицо ещё ниже и сжалась, будто ожидала удара. Спустя несколько мгновений она обогнула меня и быстро направилась дальше. Я проводил её взглядом и решил запомнить ауру, коль уж не получилось рассмотреть лицо. Энергетическое поле брюнетки выглядело странно: в нём преобладали тёмно-синий и тёмно-фиолетовый, местами виднелись

прожилки золотого и бело-голубого, и всё это казалось затянутым серым туманом.

Отпустить её? Ну уж нет.

Я догнал девушку в нескольких десятках метров от входа в общежитие. Поравнялся с ней, подстроился под её шаг и сказал:

– Прости, что встал на твоём пути.

Она не остановилась, но молча кивнула и ещё сильнее опустила голову. Хотя куда ещё ниже-то? В таком положении она могла видеть только носки своих туфель.

– Чувствую себя очень виноватым перед тобой и хотел бы загладить вину, – добавил я, шагая рядом с ней. – Разреши пригласить тебя на ужин.

Девушка резко качнула головой в отрицательном жесте и пошла ещё быстрее. Да почему она так спешит? До входа оставалось совсем немного, поэтому пришлось всё же остановить странную незнакомку. Я поймал её за руку, осторожно сжал. Девушка дёрнулась, пытаясь освободиться, но быстро прекратила эти попытки.

– Не обижай меня отказом. Пожалуйста, – проговорил я так мягко, насколько вообще был способен.

Брюнетка снова попыталась вырваться, но, когда не получилось, тихо попросила:

– Отпустите.

Это прозвучало сдавленно, почти как шёпот. Но в одном слове было столько горечи, что я сдался.

– Извини, если напугал, – сказал я, возвращая ей свободу. – Просто... ты так спешила. А мне очень хочется загладить вину.

– Вы не виноваты. Это я в вас врезалась, – проговорила она чуть громче, но лица так и не подняла. – Простите. Мне лучше уйти.

– Хотя бы скажи мне своё имя, – попросил я, стараясь сделать тон умоляющим. Не уверен, что получилось.

Девушка снова отрицательно помотала головой, попятившись назад. И вдруг рядом с нами остановилась эффектная пышногрудая блондинка. Она недовольно глянула на мою незнакомку и раздражённо поджала губы.

– Эбелин, – холодно процедила обладательница золотистых кудрей. – Немедленно иди в комнату, и чтобы не выходила до ужина. И я запрещаю тебе разговаривать с другими студентами. Это приказ.

Моя незнакомка вздрогнула, заметно сжалась, а по её ауре, словно чернила, разлилась тьма.

– Слушаюсь, хозяйка, – хрипло и очень тихо проговорила она и пошла ко входу в общежитие.

Блондинка бросила на меня холодный взгляд и, ничего не сказав, ушла в сторону столовой.

Я же так и остался на месте, осмысливая произошедшее.

И вдруг поймал себя на мысли, что, попадись мне сейчас Гервин, я бы дал ему в морду. Почему именно ему? Да по той простой причине, что однажды он очень долго доказывал мне, что рабство в Айвирии – не зло, а необходимость. Все айвы рождаются свободными, а стать рабом можно лишь по решению суда.

Но что могла совершить эта забитая тихая девчонка, чтобы получить рабский ошейник? И почему её судьбой распоряжаются не уполномоченные органы, а какая-то напыщенная аристократка?

Очень хотелось прямо сейчас снова пойти за рабыней, снять с неё демонов ошейник, вот только... я в чужой стране. Если сделаю это, Гервин лично проводит меня до портала и отправит в Вергонию, а на поисках невестушки можно будет ставить крест.

Ладно, разберусь. Жизнь давно научила меня, что, если не действовать сгоряча, а тщательно обдумать ситуацию, то можно найти немало лазеек для её разрешения. Да и сдалась мне эта сломанная девчонка! Видно же, что там от личности уже одни ошмётки. Может, и вовсе не стоит лезть? В конце концов, если она рабыня, значит, заслужила такое наказание по законам своей страны.

Во время войны наших солдат, попавших в плен к айвам, тоже приговаривали к рабству. Но все они жили и работали в шахтах, да и то недолго. После подписания мирного договора произошёл полный обмен пленными. Но про рабство они потом рассказали немало.

Так вот, каждый раб носил ошейник, – считай, артефакт подавления магии и воли, связанный с определённым айвом – хозяином. Этот хозяин мог отдавать любые приказы своему рабу, а если тот отказывался выполнять, побрякушка на его шее сжималась, доставляя невыносимую боль. Она могла и убить, поэтому строптивых рабов старались воспитывать иными способами. Ребята рассказывали, что их несколько дней морили голодом, а некоторых ещё и били

плетью. Неужели эта черноволосая тощая девчонка тоже через это прошла?

Почему я опять о ней думаю?!

Всё, хватит. Не до неё сейчас. Лучше пройду по академии и загляну в столовую. Присмотрюсь к девушкам, может, с кем-нибудь познакомлюсь. Попробую влиться в студенческую жизнь. Да, сейчас это самый правильный ход.

Эбелин

Так как один год я пропустила, теперь меня зачислили к тем, кто во время моей учёбы был на курс младше. В то время, когда я уже блистала в академии, они считались зелёными первокурсниками. Многие из этих ребят тогда смотрели на меня, как на божество. Теперь я появилась в их группе, но совсем в другом статусе.

На первой лекции всё было ещё спокойно – одноклассники то ли не поняли, что я – та самая Эбелин Лиссер, то ли не поверили. Но уже во время перерыва ко мне подошли староста и две её подружки. Не знаю, какой изначально была цель их прихода, но...

– Мили, да на ней рабский ошейник! – ошарашенно выпалила она из девчонок, чьего имени я не знала.

– Не может быть, – отмахнулась староста, а я опустила голову ниже, спрятавшись за распущенными волосами. – В академию никак не могли принять рабыню, да ещё и сразу на третий курс.

Она не сомневалась в правильности своих слов. Да я и сама ещё вчера утверждала, что такое попросту невозможно, но это всё-таки случилось.

– Эбелин, прости Айту, она глупости говорит, – доброжелательным тоном проговорила староста. – Давай знакомиться. Я Милинда Хорр, это Хайса и Айта.

Очень хотелось уйти или сделать хоть что-то, чтобы избежать унижения, которое обязательно последует после моего ответа. Но

оттягивать неизбежное было бессмысленно. Всё равно скоро все узнают правду.

Утром я собиралась повязать поверх ошейника платок, но Сиа запретила. Она позволила мне оставить волосы распущенными, да и то лишь потому, что я просто не успела их заплести в косу. Сейчас они скрывали большую часть лица, не позволяя увидеть побрякушку на шее, но... это лишь временная мера.

Собравшись с силами, я подняла голову и посмотрела в глаза Милинде. В той, прошлой моей жизни мы с ней не были лично знакомы, но друг о друге слышали. Поэтому она не могла меня не узнать. Сначала посмотрела мне в глаза, улыбнулась шире, а потом увидела ошейник... и улыбка пропала с миловидного лица девушки, будто её кто-то грубо стёр.

Староста сглотнула и сделала шаг назад. Обе её подружки и вовсе отскочили, будто находиться рядом со мной было опасно или противно.

– Рабыня! – выкрикнула темноволосая пухленькая девушка, показывая на меня пальцем. – Я же говорила! Это рабский ошейник!

И началось! Одногоруппники повскакивали с мест, обступили меня, как какую-то опасную диковинку, но пока молчали. Все смотрели на ошейник, кто-то даже рискнул ткнуть в меня пальцем, но тут же получил отповедь от своего товарища:

– Законы забыл?! Нельзя трогать чужое имущество!

И эта фраза стала тем спусковым крючком, после которого заговорили все разом.

– Кто позволил рабыне учиться в академии?! – кричали одни.

– Что она вообще здесь забыла? – возмущались вторые.

– Она опасна для общества! – заявляли третьи.

И неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы не вошедший преподаватель, которым, к моему счастью, оказался профессор Вислоу. Он быстро разогнал по местам столпившихся вокруг меня студентов и сам сообщил им, что приказ о моём обучении подписан лично принцем Гервином. А все, кто не согласен, или у кого есть претензии, могут смело обращаться прямо к его высочеству.

Дураков не нашлось. Будущие целители притихли и сделали вид, что сосредоточены исключительно на лекции, но всё время занятия я чувствовала на себе чужие пристальные взгляды.

Следующим в расписании стоял семинар всё у того же Кастела Вислоу, во время перерыва он остался в аудитории, так что никто из одноклассников не рискнул ко мне подойти. Но когда после окончания занятия профессор ушёл... я вдруг осознала, что должна срочно бежать. Очень спешила собрать тетради, учебники, но всё равно не успела.

В этот раз меня обступили шестеро студентов: трое парней и три девочки. Они смотрели насупленно, злобно; первым заговорил высокий шатен.

– Подумать только, с нами учится рабыня, – сказал он, скрестив руки на груди.

– Это не просто рабыня, Шоун, это же сама Эбелин Лиссер. Красотка, самая одарённая девушка в академии, целитель с таким даром, каких не видывал свет... – начал картинно распинаться полноватый блондин. А потом усмехнулся и добавил: – Была. А теперь перед нами просто рабыня, которой, непонятно за какие заслуги, разрешили учиться в академии.

– А я её помню! – воскликнула черноволосая невысокая девушка с короткой стрижкой. – Точно! Ты сказал, Дайр, и я вспомнила. Её же называли «Лучезарная Эби». Задавака и выпендрёжница. Ха, правильно тебя Стихии покарали.

Выйдя из ступора, я продолжила собирать вещи в сумку, а потом просто шагнула вперёд, надеясь, что они не посмеют меня останавливать. Все шестеро дружно отшатнулись, видимо, побоялись, что я могу до кого-то из них дотронуться. Зато мне удалось, наконец, убраться из аудитории.

Быстро шагая по коридору, я то и дело слышала за спиной: «рабыня», «преступница», «чужая подстилка», «так ей и надо». А может, мне это просто слышалось в шелесте чужих голосов? Но в столовую я всё равно идти не рискнула. Сыта по горло чужим презрением, боюсь, просто не смогу ничего съесть.

На улице на меня никто не обращал внимания, я опустила голову ниже, вцепилась в сумку и шла так быстро, как только могла. Видимо, поэтому и столкнулась с кем-то.

Конечно, я буркнула извинение, попыталась уйти, так этот тип догнал, пристал с расспросами, хотел познакомиться и никак не желал понимать, что знакомиться с ним не намерены.

Когда появилась Сиа, я, к собственному удивлению, вздохнула с облегчением. Пусть приказывает, пусть демонстрирует всем моё место, это хотя бы понятно. А её запрету говорить с другими студентами я даже обрадовалась. Она ведь ещё и добавила, что это приказ, а значит, теперь я просто не смогу никому ничего сказать. Вот и отлично, не придётся придумывать ответы на вопросы, которые рано или поздно обязательно будут заданы. Все же знают, что рабами становятся за преступления, и многие захотят выяснить, как именно я получила свой ошейник.

Но теперь всё. Никаких незнакомцев, никаких ответов, никакого общения. Только учёба.

Надеюсь, скоро на меня просто перестанут обращать внимание. Осталось как-то дожить до этого момента и не сойти с ума.

Глава 5. Выходные, бойкот и назойливый вергонец

Первая неделя в академии прошла для меня, как в тумане. Я ходила на лекции, выполняла задания за себя и за Сиалию, посещала столовую, но...

На занятиях я всегда садилась на задние ряды, подальше от остальных. В столовой выбирала самые дальние столики и всячески старалась оставаться незаметной. Меня всё ещё пытались цеплять, говорили гадости, ни капли не стесняясь, при мне же обсуждали мою рабскую персону. А я делала вид, что ничего не слышу. Всё равно никак не могла ответить, ведь Сиа приказала не разговаривать со студентами.

Те, кого я когда-то считала друзьями и подругами, сами старались держаться от меня подальше. Динара Кимтер, с которой я два года жила в одной комнате, при встрече просто отвела взгляд и сделала вид, будто никогда меня не знала. Ребята из моей старой группы иногда поглядывали с интересом, но подходить не спешили. Некоторые преподаватели старательно игнорировали моё присутствие на лекциях, но постепенно смирились и они.

К счастью, тему появления рабыни в академии довольно быстро заменили другие, более интересные события. К примеру, с нами теперь училась новоявленная супруга кронпринца ГERVина – та самая принцесса Кэтрин, благодаря которой мне и позволили здесь остаться. Официально она числилась в нашей группе, но на лекции приходила за эту неделю всего несколько раз.

Однажды она села рядом со мной, попыталась заговорить, задавала вопросы, а я просто молчала. Пришлось даже написать на вырванном из тетради листе, что хозяйка приказом запретила мне общаться со студентами. Когда эрни Кэтрин прочитала это, на её симпатичном лице отразился настоящий гнев. Но мы обе понимали, что в данном случае помочь она ничем не может, да и так уже немало помогла.

После того случая её высочество больше со мной не заговаривала, но при встрече всегда здоровалась, а я отвечала ей улыбкой и кивком.

Можно сказать, что именно она стала для меня главным светлым лучиком в этой академии.

Вторым обсуждаемым событием среди студентов стал приезд вергонской делегации. Эта новость оказалась столь невероятной, что поразила даже меня. Сиа же и вовсе причитала целый вечер.

– Твари! Да как они вообще посмели явиться в нашу академию?! – возмущалась она, вышагивая по нашей с ней гостиной. – А куда смотрит король?! Сначала позволил учиться вергонской принцессе, признав её хайти своего младшего сына. Потом разрешил принцу взять её в жёны. Но делегация из Вергонии – это уже перебор! По академии ходят пятеро молодых вергонцев, заявляются к нам на лекции, едят с нами в одной столовой, живут в нашем общежитии! А ведь все они воевали! Убивали наших воинов! Участвовали в диверсиях! А теперь ещё и вынюхивают наши секреты!

В кои-то веки я была с ней согласна, ведь, помогая отцу в замке Айнс, успела насмотреться такого, что почти перестала нормально спать. Вергонцы не щадили наших солдат, не брезговали применять разрывные артефакты, отравляющие вещества, и бить всегда старались наверняка. Да, шла война, и айвирцы тоже покалечили немало врагов. Но всё равно считали важным сохранять им жизни.

Под госпиталь было переоборудовано всё северное крыло замка, мы работали, даже не думая о выходных. Отец не делал различий между нашими бойцами и вражескими пленниками, лечил всех одинаково хорошо, выкладывался по полной программе, и меня учил тому же.

Я даже не думала возражать, со всей искренностью и участием помогала всем пациентам. Не сомневалась, что поступаю правильно. Увы, именно это в итоге меня и сгубило, ведь вергонцы всех нас считали врагами, даже тех, кто их лечил. А понятия совести и чести для них и вовсе не существовало.

Я понимала, что глупо из-за ужасного поступка нескольких человек ненавидеть всех жителей Вергонии. Но и относиться к ним хорошо больше не собиралась.

К нам на лекции вергонцы тоже несколько раз заглядывали, приходили вдвоём или втроём, садились отдельно, подальше от студентов, и что-то записывали в блокноты. Я на них не смотрела, делала вид, что их нет, хотя так поступали почти все наши. Нет,

официально никто не запрещал нам общаться с представителями их делегации, но, хоть война и закончилась почти год назад, для нас они все равно оставались врагами.

В пятницу вечером Сиалия долго прихорашивалась, выбирала платье, крутилась перед зеркалом, а потом пришла ко мне. Я как раз заканчивала делать её задания и собиралась приступить к своим.

– Скажи, какое выбрать: зелёное или розовое? – спросила она, прикладывая к себе два наряда.

– Зелёное больше идёт к вашим глазам, – ответила я, встав напротив девушки. По правилам, сидеть в присутствии хозяйки можно было только с её разрешения. – А розовое делает вас особенно милой.

– Значит, зелёное, – бросила она и уже направилась к двери, но вдруг обернулась. – Я уйду. Вернусь завтра. Может, даже послезавтра. Я уже приказом запретила тебе покидать территорию академии, так что не знаю, что ещё приказать. Как закончишь с моими заданиями, поменяй постельное бельё и полотенца. Грязные отнеси в прачечную, чистые получи у коменданта. Потом можешь отдыхать. Должны же даже у рабынь хоть иногда быть выходные?

С этими словами она выпорхнула из моей комнаты, а я ошарашенно уставилась на закрытую дверь. Выходные? Серьёзно?

На губах сама собой расцвела робкая улыбка, а в душе вспыхнула искорка надежды. Могла ли хозяйка так странно пошутить? Могла, конечно, но...

Сиалия не была жестокой, мне даже начало казаться, что в академию она меня забрала, чтобы помочь. Да, иногда она творила странные вещи, любила танцы, посиделки с подругами и парнями, часто возвращалась после них пьяной и растрёпанной. Учёба же и вовсе не казалась ей чем-то важным. Сиа не скрывала, что диплом ей вряд ли когда-нибудь пригодится, ведь сразу после его получения девушку выдадут замуж. Наверное, именно поэтому она и спешила насладиться свободой и развлечениями сейчас, пока ещё может.

Закончив с домашними заданиями, я выполнила оставшиеся поручения хозяйки и вдруг поняла, что не представляю, что делать дальше. Я так давно не была предоставлена сама себе. Всегда боялась, что, если вдруг кто-то из семьи хозяина увидит, что я прохлаждаюсь, то меня обязательно накажут. А теперь, впервые за одиннадцать месяцев рабства, у меня появилось свободное время.

Побродив немного по комнате, я основательно задумалась: а чего мне сейчас хочется? И так ярко представила себе, как сижу на одинокой лавочке, скрытой за деревьями на обрыве за полигонами, читаю книгу и наслаждаюсь закатом, что чуть не расплакалась. Не колеблясь ни секунды, решительно поднялась и пошла в библиотеку.

Когда через полчаса я подходила к той самой лавочке, о которой, кстати, в академии знали единицы, солнце уже коснулось макушек гор. Вокруг царила приятная тишина, осенний вечер радовал теплом и лёгким ветерком, и в моей душе впервые за долгое время было спокойно. Да, это лишь иллюзия свободы, редкий момент, когда можно остаться наедине с собой и природой, делать, что вздумается. Но я всё равно была очень благодарна Сие и Великим Стихиям за эти бесценные мгновения.

– Очень интересное место, – прозвучал рядом смутно знакомый мужской голос.

Я вздрогнула, повернулась на звук и увидела у ближайшего дерева молодого вергонца. Судя по голосу, именно он несколько дней назад пытался пригласить меня на ужин, после того, как я в него врезалась. Тогда, если честно, я даже не глянула на его лицо, зато сейчас рассмотрела вполне отчётливо.

Высокий, крепкий, жилистый. Волосы – соломенного оттенка, отросшие настолько, что прикрывают уши и сзади достают до шеи. Черты лица правильные, но не особенно приятные. Нос крупноват, губы – тонкие, брови вразлёт. Но стоило посмотреть ему в глаза, и меня будто окатило волной ледяного воздуха. Я никогда не встречала людей с таким колючим, холодным взглядом. Казалось, он пробирал до костей, видел всю мою подноготную, включая прошлое и будущее, и был способен убить за мгновение.

– Можно посидеть с тобой? – спросил вергонец, но дожидаться ответа не стал.

Сел на лавочку справа от меня и с одухотворённым видом уставился на закат. Я отодвинулась подальше, сделала вид, что никого не замечаю, и тоже устремила взгляд к заходящему солнцу.

Некоторое время мы так и сидели в тишине. Не знаю, о чём думал вергонец, а я любовалась оранжевыми всполохами на темнеющем небе, разглядывала облака причудливых форм и старалась насладиться этим восхитительным моментом.

– Часто сюда приходишь? – поинтересовался парень.

Я отрицательно покачала головой, но к нему не повернулась.

– А я уже в третий раз, – продолжил чужак. – Хорошее здесь место. Мне его однажды друг показал... несколько лет назад. Он тогда тут учился, но в прошлом году получил диплом.

Я не ответила, да и не собиралась с ним говорить. Мне стоило уйти, но так хотелось продлить момент мнимой свободы.

– Эбелин, я правильно запомнил твоё имя? – спросил приставучий вергонец.

Реагировать не стала. Пусть уже поймёт, что мне неприятно его общество, и оставит меня тут одну.

– Красивое имя. Я буду звать тебя Элин.

Ещё и имя моё странно сократил! Ему делать больше нечего, кроме как тут сидеть?

– А я Артиу́л. Можешь звать меня Арт.

Взгляд его голубых глаз пробирал меня до костей. У этого парня была такая энергетика, от которой хотелось закрыться, спрятаться, сбежать. Но я упрямо оставалась на месте, сама не понимаю, почему.

– И каково быть единственной рабыней в академии? – проговорил он. А когда я снова промолчала, ответил сам: – Полагаю, неприятно. Я вообще не понимаю, почему в Айвирии не упразднят рабство. Это пережиток тёмного прошлого, ни в одной стране мира подобного давно нет. А тут – есть. Знаю, что рабом становятся по решению суда, и мне безумно интересно, что могла натворить столь безобидная с виду девушка, как ты.

Я всё-таки встала, даже сделала несколько шагов к тропинке, ведущей обратно к учебным корпусам, но вергонец вдруг поймал меня за запястье. Сжал несильно, но довольно крепко.

– Подожди, – сказал он, резко выдохнув. – Элин, не убегай. Я не хотел тебя обидеть. Да и вообще, это мне стоит уйти, ведь ты первая заняла это место. Но... может, всё-таки останешься? Ведь говорить тебе запрещено только со студентами, я же слышал тот приказ. Или тебе приказали не вести беседы с вергонцами?

– Лучше бы приказали, – вырвалось у меня, а Артиул расплылся в довольной улыбке. Дожал, гад. Вынудил ответить.

– У тебя красивый голос, – проговорил он, продолжая лучезарно улыбаться. – И очень милое личико. Не уходи. Мы с тобой в этой

академии оба – изгой. Со мной не желают общаться, потому что я вергонец, а с тобой – потому что ты рабыня. Видишь, как хорошо, что мы встретились.

– Так вы же здесь не один вергонец, – ответила я. – Беседуйте со своими.

– Им известно об этой академии столько же, сколько и мне. А ты, как я успел выяснить, учишься на третьем курсе. Значит, до этого момента провела тут, как минимум, два года.

Он всё-таки отпустил мою руку, но уходить я теперь не торопилась.

– К тому же, любому человеку нужно нормальное общение, а тебе его явно не хватает, – продолжил Артиул.

Вергонец смотрел на меня прямо, пристально, а я машинально отметила, что у него очень красивые глаза – небесно-голубые, глубокие, умные, пусть и холодные.

– Поверь, Элин, я не самый плохой собеседник. И тоже с радостью расскажу тебе что-нибудь из того, чего ты не знаешь.

С одной стороны, хотелось остаться, ведь я действительно истосковалась по простым разговорам на равных, но с другой... прошлая моя попытка общения с вергонцем закончилась катастрофой. А этот тип чем-то напоминал того гада: фигурой, цветом глаз, немножко голосом. Может, родственник? Не удивлюсь.

– Простите, но я всё же вернусь в общежитие, – сказала я, заставив себя быть вежливой, и направилась к тропинке.

– Но почему? – в этот раз он не стал меня удерживать, зато в голосе слышалось искренне недоумение.

Я хотела промолчать, должна была просто уйти, но чувство забытой свободы слишком опьянило, и удержаться от ответа не получилось.

– Потому что рабыней я стала по вине вергонцев. Точнее, одного, конкретного, – слетело с моих губ горькое признание.

– Кого?! – он спросил это с таким решительным интересом, будто был готов лично покарать виновного, причём прямо сейчас.

В голубых глазах блеснула сталь, и мне снова стало не по себе. Наверняка этот человек имеет довольно высокий статус в своей стране. Возможно, даже обладает какой-то властью. Готова поспорить,

у него есть титул и должность при дворе, иначе его не отправили бы в нашу академию перенимать опыт.

– Скажи имя, и я добьюсь справедливости, – Арт сжал пальцы в кулак. – Обещаю.

Даже стало смешно, как он станет выполнять это обещание.

– Не стоит разбрасываться словами, – я горько улыбнулась и покачала головой. – А виноват в моём аресте лично ваш драгоценный король. Его демоново величество Анхельм Вергонский.

Последнего говорить не стоило, но эти воспоминания всегда будили во мне что-то тёмное, низменное. Даже не ненависть, а куда более глубокое чувство. Оно имело привкус полыни и отравляло меня хуже любого яда. Оно убивало во мне все остатки той яркой, любознательной, открытой девушки, которой я когда-то была.

Артиул ничего не ответил, но его лицо будто закаменело. Он всё ещё смотрел на меня, и под его острым взглядом я невольно поёжилась.

Дождаться ответа или какой-то реакции не стала. Молча развернулась и ушла по узкой тропинке. И лишь через несколько минут, когда проходила мимо пустого полигона боевых магов, всё-таки посмотрела назад. За мной никто не шёл, никто не думал меня догонять. Но это и к лучшему.

Да, в одном Арт прав, мне очень хотелось простого общения. И всё же я оттолкнула того, кто, несмотря на рабский статус, увидел во мне обычную девушку. Но не стоит жалеть, ведь ясно же, что ничего, кроме иллюзий и новых проблем, разговоры с ним мне бы не принесли. И лучше просто забыть об этой глупой мимолётной встрече.

Анхельм

Студенты академии единодушно объявили нам бойкот. Они нас будто и вовсе не видели, не слышали, никак нами не интересовались. И если мои парни просто приняли такие правила и всю ситуацию,

продолжая общаться только с преподавателями, то меня подобное положение не устраивало. В конце концов, я приехал сюда с определённой целью и пока не продвинулся к ней ни на шаг.

Даже возникла мысль снова выпить оборотное зелье, прикинуться студентом-айвом. Но у нас с ними всё же слишком разная магия, да и крылья мне никакое колдовство не даст. Так что оставалось искать способ заслужить симпатию студенток и продолжать к ним присматриваться.

Позавчера ночью мы с Холтером проникли в местный лазарет, точнее, в кабинет главного целителя. Там хранились журналы с данными по состоянию физического и магического здоровья студентов. Меня интересовали девушки, у которых есть проблемы с магией и крыльями. Спустя два часа поисков я обнаружил отдельную папку, где хранились данные именно по таким особам.

Их оказалось всего три, но в моём случае это можно было считать замечательным результатом.

Первую звали Полита Конт. Первокурсница, с факультета общей магии. У девушки были врождённые проблемы с даром и крыльями, ей никак не удавалось раскрыть магические каналы, но к учёбе её всё равно допустили.

Второй оказалась Мирта Сарнит с пятого курса целительского. Во время войны она выгорела, спасая жизни пациентам. Искра дара в ней ещё осталась, но ни создавать плетения, ни призывать крылья она больше не могла.

Читая о ней, я подумал, что нужно бы попробовать помочь. Кстати, это могло бы стать поводом завязать общение. Надо повнимательней присмотреться к этой девушке.

Третьей подходящей кандидатурой была Марика Вонтер с боевого факультета. Её дар тоже выгорел во время войны, но она участвовала в боях. Кто вообще позволил девушке лезть в пекло военных действий?! Впрочем, в моих отрядах тоже встречались женщины, но их было очень мало.

Изучив документы этих трёх студенток, я вернул всё на место, и мы с Холтером покинули кабинет, никем не замеченные. Нет, здесь имелись и хорошая магическая защита, и довольно серьёзные замки, но... для колдуна с моим опытом это всё мелочи. Я мог проникнуть

куда угодно, даже во дворец айвирского короля. Что, кстати, особенно бесило Гервина, но сделать с этим он ничего не мог.

Следующий день я провёл, наблюдая за тремя wybranными девушками, попытался познакомиться с каждой, но не получилось. Две первых просто меня игнорировали, а третья и вовсе корректно послала куда подальше.

Сегодня решил зайти с другой стороны и обратился к главному целителю, намекнув, что имею некоторый опыт в вопросах восстановления работы магических каналов и готов попробовать помочь тем, у кого с ними проблемы. Эрн Сирен, оказавшийся айвом в почтенном возрасте, сначала заявил, что они сами умеют разбираться с такими проблемами. Но после обеда прислал записку, в которой просил меня завтра утром подойти в его кабинет.

Это было хоть маленькой, но всё же победой, к тому же мне самому стало интересно изучить данную проблему. Ведь в случае успеха получится завоевать расположение студентов, что уже само по себе прорыв.

Остаток дня я занимался документами, которые для меня каждое утро передавали из моей столицы. Ведь одно дело – оставить страну на несколько недель без постоянного присутствия короля, и совсем другое – забросить работу. Этого я никак не мог себе позволить, там и так без меня всё рисковало развалиться.

Да, Тирон и Харсайд сейчас соединило порталное сообщение, и я мог хоть каждый день прыгать в свой дворец, но... не делала этого по своим причинам. Среди высших чинов Совета появились крысы, и, чем больше я отсутствовал, тем вольготней они себя вели, тем больше совершали ошибок. И когда этих ошибок станет достаточно для того, чтобы вывести моих врагов на чистую воду, я начну действовать.

Из полученных сегодня донесений выходило, что крыс гораздо больше, чем казалось ранее, и что без меня в моей столице зреет самый настоящий заговор. Конечно, имея список тварей, можно было бы просто отдать всех под суд, но среди них было слишком много людей, которых просто так с игровой доски не скинешь. Убрав их, я рисковал нарваться на гражданскую войну, а моё королевство это сейчас попросту добьёт.

Ситуацию требовалось обдумать, рассмотреть с разных сторон, найти наиболее правильный выход. Для этого мне были необходимы

тишина и природа, а на территории Тиронской академии имелось одно уникальное место – лавочка на обрыве, с которой открывался восхитительный вид на горы, особенно, на закате.

Этот закуток мне однажды показал Анмар. Было это в те далёкие времена, когда о войне между нашими странами никто даже не мог подумать. Именно тогда мы с младшим айвирским принцем крепко сдружились, увы, судьба развела нас по разные стороны боевых действий. А потом вывернула всё так, что теперь он женат на моей младшей сестре.

Когда я дошёл до той лавочки и увидел там черноволосую студентку, то остановился в недоумении. Девушка сидела, расслабленно откинувшись на спинку деревянной скамейки, и наблюдала за уходящим за горизонт солнцем. Признаться, я не сразу её узнал, а когда понял, кто именно передо мной, то откровенно удивился.

Сейчас она выглядела иначе, – совсем не такой забитой, как при нашей прошлой встрече. Её милое личико казалось одухотворённым, взгляд синих глаз был обращён вперёд, и даже в ауре стало больше золотых всполохов. Лёгкий ветерок шевелил выбившиеся из толстой косы прядки у лица, а тонкие пальцы сжимали край форменного пиджака.

Ещё после нашего первого столкновения я был настолько поражён самим фактом, что в академии учится рабыня, что поручил парням выяснить подробности. Узнать пока удалось немного, да и то из слухов, что ходили среди студентов. Из них я понял, что учится девочка на третьем курсе целительского факультета, а попала сюда по личному приказу ГERVина.

Развеяв заклинание отвода глаз, я всё-таки заговорил с ней, только отвечать она не спешила. Поначалу я подумал, что даже рабыня участвует в общем заговоре молчания против нас. Но потом выяснилось, что всё не так, у этой студентки есть личные причины ненавидеть вергонцев. И в своём рабстве она винит... меня.

Когда она ушла, я ещё долго сидел на лавочке и думал. Солнце село, на небе возшла первая и самая большая луна – Гайса, окрасив небо в оттенки фиолетового. Ближе к полуночи должна была выйти золотистая Фейра. Перед рассветом обычно появлялась самая малая из трёх лун – Зойра, а Гайса к этому времени обычно уже пряталась.

В Вергонии существует поверье, что тот, кому удастся увидеть одновременно все три луны, может загадать желание, которое обязательно исполнится. Раньше я не верил в это, считал сказками, ведь подобного никогда не случалось. Но когда война с Айвирией была почти проиграна, а враги уверенно подбирались к Харсайду, я отчаялся настолько, что был готов поверить во что угодно.

Спать ночами всё равно не получалось, да и о каком сне речь, когда моя страна почти перестала существовать? И однажды, возвращаясь под утро после очередного военного совета, я вдруг осознал, что на небе сияют все три спутника, и чуть не споткнулся. В тот момент я желал только одного, и хотел этого настолько сильно, что не постеснялся даже сказать вслух. Да, я адекватно оценивал, что войну нам уже не выиграть, и загадал, чтобы после её окончания нам остались хотя бы южные и центральные части страны.

Я понимал, что глупо загадывать такое желание, когда враги, считай, за воротами, и им осталось завоевать только восток, но всё равно заставил себя поверить в чудо. И чудо произошло, но сотворили его я и мои соратники.

Мысли снова вернулись к черноволосой рабыне, которая была уверена, что в её бедах виноват лично король Вергонии. Я даже попытался вспомнить, не видел ли её раньше, но... память молчала. Личико у неё, конечно, миленькое, глаза выразительные, если бы мы встречались, я бы её запомнил. И всё же вряд ли Элин соврала. По крайней мере, она сама явно уверена, что сталкивалась с Анхельмом.

Надо выяснить, за что её приговорили к рабству, и какое я имею отношение к её приговору. Но за этим стоит обратиться к Анмару. Да, так и поступлю.

Глава 6. Закат, колдун и дурные воспоминания

Эбелин

Ночью Сиа не вернулась. Отсутствовала она и весь следующий день, что с каждой минутой радовало меня всё больше. Чтобы занять себя хоть чем-то, я убрала в наших комнатах, сделала все имеющиеся у Сии задания на следующую учебную неделю, почитала свои учебники на несколько тем вперёд и к вечеру уже просто не могла и дальше оставаться в четырёх стенах.

Выходить было немного боязно, да и не хотелось встречаться с другими студентами. Но когда подошло время заката, я всё же решилась. Надела форму, распустила волосы, чтобы спрятать ошейник, и пошла к любимой лавочке на обрыве.

Увы, к моему приходу она оказалась занята. Едва заметив, что там кто-то сидит, я сразу развернулась и решительно направилась обратно. Но вдруг меня окликнули.

– Элин, не уходи, – сказал мой вчерашний знакомый вергонец. – Тут хватит места нам обоим.

Я остановилась. Понимала, что не должна говорить с ним, что его общество не принесёт мне ничего, кроме новых неприятностей, но...

– Закат сегодня обещает быть очень красивым, – добавил Арт. – Неужели ты откажешься насладиться этим зрелищем из-за моего присутствия?

Меня одолевали сомнения. С одной стороны, возвращаться в пустую комнату не было никакого желания, да и... мне, действительно, хотелось остаться. Но с другой – очень пугали возможные последствия. Я боялась новых обвинений, разбирательств, наказаний. Понимала, что, если Сиа узнает о моих встречах с вергонцем, она может отправить меня обратно в имение, и это в лучшем случае. А если эта информация дойдёт до её брата, то прошлые наказания покажутся мне цветочками.

– Элин, – Артиул поднялся с лавочки и подошёл ближе, и я всё же обернулась. – Боишься меня?

– Не вас, – призналась я, опустив взгляд, и покачала головой. – Но боюсь.

– Понимаю, – он кивнул и сунул руки в карманы чёрных брюк.

Этим вечером вергонец был без камзола, лишь в светло-голубой рубашке, которая очень шла к его глазам. Его светлые волосы растрепал ветер, который в этот вечер разгулялся сильнее, чем вчера. И эта растрёпанность добавляла образу вергонца простоты.

– А я сегодня полдня провёл в лекарском крыле, – словно между прочим сообщил Арт. – Предложил эрну Сирену свою помощь с теми пациентами, у кого сложности с магическими каналами. Он сначала отказался, но потом всё же решил показать мне одного парня. Его зовут Дартон Корн, с пятого курса, и каналы у него не просто выжжены, а ещё и изорваны.

– Такое не восстановить, – я подняла на него взгляд и снова покачала головой. – Удивительно, что Дартону вообще разрешили продолжить учёбу.

– Ты ошибаешься, – вергонец самодовольно усмехнулся. – Восстановить можно, хоть это и непросто. Каналы нужно соединить и на какое-то время запечатать, при этом пациента следует погрузить в глубокий сон, дабы энергии не циркулировали и не травмировали хрупкие энергетические оболочки. Именно это я сегодня и сделал. Сейчас парень спит и проведёт в таком состоянии минимум сутки. А потом нужно будет потихоньку увеличивать ток магии по каналам, главное, не спешить, иначе вся работа пойдёт насмарку.

– Вы целитель? – спросила я удивлённо.

Он развёл руками.

– Нет. Точнее, не совсем. Просто имею богатый опыт в разных областях, в своё время пришлось учиться всему понемногу. Как таковой, узкой специализации у меня нет, но восстанавливать энергетические каналы у выгоревших магов мне приходилось неоднократно.

– Как же вы их сращивали? – мне и впрямь стало безумно интересно, даже страх отступил. – Я как-то пыталась, искала способы, перечитала уйму книг, но везде писали, что разорванный энергетический канал восстановить нельзя.

– Расскажу, если останешься здесь, пока не сядет солнце, – улыбнулся Артиул, а в его глазах блеснула хитринка. – Кстати, это моя

страшная тайна. Но тебе я готов признаться.

– Не нужно, – я позволила себе усмешку. – Я рабыня. Если мне прикажут выдать все ваши секреты, у меня не останется выхода: либо ответить правду, либо ошейник меня убьёт.

Вергонец перестал улыбаться, а во взгляде его появилась досада, граничащая с жалостью.

– И всё же я расскажу тебе. Надеюсь, специально болтать об этом ты не станешь, – ответил он.

– Глупо, – вырвалось у меня. – Неужели компания рабыни сто́ит такого риска?

– Сто́ит, – он качнулся с пятки на носок. – Оставайся. Кстати, если кто-то узнает о нашей встрече и попробует тебя наказать, можешь смело заявить, что выводывала секреты у врага.

Он сказал это с лёгкой усмешкой, которая показалась мне хоть и холодной, но не опасной. И тогда я решилась.

– Ладно. Пусть будет так. Останусь, – проговорила я, поражаясь своей смелости. – Но только ради науки. Мне, действительно, очень интересно, каким образом можно срастить каналы.

Я обошла вергонца и, сев с краю лавочки, с наслаждением вдохнула вечерний воздух, а Арт разместился с другой стороны, оставив между нами довольно больше расстояние.

Закат сегодня и в самом деле оказался особенно красивым. В его красках играли переливы алого, оранжевого, даже фиолетового. Эти оттенки сияли в редких облаках и отражались на макушках гор, наполняя мою душу светом и теплом.

И я откровенно наслаждалась красотой заходящего солнца... ровно до тех пор, пока не заметила, что мой сосед по лавочке с интересом смотрит не на небо, а на меня.

Бросила на него несколько укоризненных взглядов, надеясь, что он устыдится своего слишком пристального внимания к моей персоне и отвернётся, но разглядывать моё лицо ему почему-то было интереснее, чем наблюдать за тем, как светило прячется за макушками гор.

– Ты пропустишь всё самое интересное, – проговорила я и даже рукой указала в сторону заката.

Вергонец улыбнулся, причём открыто и, кажется, искренне.

– Мне приятно, что ты перестала «выкать», – заметил он. – А закат сегодня хоть и интересный, но смотреть на тебя мне нравится больше. Ты красивая, Элин.

– Не надо, – на меня после этих слов будто опустилась огромная тяжёлая туча, даже великолепие природы перестало радовать.

– Но это правда, – возразил вергонец.

– Я рабыня. Тень. Преступница. Вот что ты должен видеть в первую очередь, – печально напомнила я ему. – И не смотри на меня, как на девушку. Развлечёшься со мной у тебя не выйдет, хозяин ещё в первые дни отдал мне приказ, что...

Я оборвала сама себя. Конечно, я помнила дословно, что он тогда сказал, но повторить это вслух никак не могла. Слишком грязно звучали те слова, слишком отвратительно было применять их к себе.

– Ты всё неправильно поняла, Элин, – твёрдо и уверенно проговорил Арт. – Я просто люблю тебя. Когда ты смотришь на закат, то становишься совсем другой. Лицо расслабляется, кожа сияет, губы не кривятся в горькой усмешке, в глазах – покой. Это и вправду очень красиво. И не думай обо мне плохо, я просто хочу с тобой подружиться. Без подтекстов и развлечений в том смысле, который ты вложила в это слово. И... даже думать не хочу, что именно приказал тебе хозяин. Но, получается, та блондинка не первая твоя хозяйка?

– Она младшая сестра моего хозяина, – ответила я, снова повернувшись к разгорающемуся закату. И зачем-то решила пояснить: – После суда меня забрал эрн Ринор Лермид. Даже не купил, а получил бесплатно. Официально, как горничную. А на самом деле... сам понимаешь, зачем ему понадобилась безвольная девушка.

Я не смотрела на Арта, но чувствовала, как насколько он сердит. Думала, сейчас он просто уйдёт, ведь одно дело вести беседы с рабыней, а другое – с рабыней, которую использовали для постельных утех. Для любого мужчины я теперь падшая, испорченная, недостойная. И это, увы, не изменится даже после того, как срок моего приговора подойдёт к концу. Такое клеймо не смыть, не стереть, не выжечь. Оно останется со мной навсегда.

– Он не имел права так поступать. Закон вашей страны запрещает насилие над рабами, это даже мне известно, – наконец, проговорил Артиул.

А я горько усмехнулась.

– Ну да, официально всё так, – мой голос звучал ровно и почти безразлично. – А на деле в том же законе сказано, что, добиваясь послушания, хозяин имеет право воспитывать раба, не нанося при этом тяжкого вреда здоровью. Согласись, очень обтекаемая формулировка.

В этот раз Арт молчал дольше. Солнце уже полностью скрылось за горами, хотя вокруг пока ещё было довольно светло. Но совсем скоро на мир опустятся сумерки, и мне придётся возвращаться обратно к себе в комнату. Ох, надеюсь, Сиа ещё не пришла.

– Так, и в чём секрет сращивания каналов? – напомнила я причину, по которой вообще осталась сегодня здесь.

Хмурый вергонец поднял на меня взгляд и изобразил лёгкую улыбку.

– Ошибка магов в том, что они пытаются скреплять каналы так же, как создают плетения, – пустился в объяснения он. – А там куда более тонкая работа, когда нужно пустить по каналу ниточку силы, но не касаясь, а направляя её мысленным приказом. Только так каналы скрепятся, и дальше всё будет зависеть от того, хватит ли у пациента его внутренней энергии на восстановление.

– Мысленным приказом? – повторила я в недоумении. – Не заклинанием, не формулой?

– Вот именно, – он посмотрел на меня со странной гордостью, будто был рад, что я этим заинтересовалась.

– Подожди, – я заправила за уши мешающие длинные пряди и развернулась к Арту. – Поясни пожалуйста, что ты имеешь в виду.

– Магам, Элин, такое недоступно. Но я имею несколько другой дар, – его улыбка стала лукавой. Он тоже сел ко мне вполоборота и даже придвинулся чуть ближе, всего на ладонь, но расстояние между нами всё ещё оставалось достаточно большим.

Я смотрела на него, видела, как пляшут в голубых глазах озорные искорки, и не могла поверить собственной догадке. Но стал бы он врать? Такими вещами в наше время шутить попросту опасно. Ведь, если я права, то передо мной не просто враг Айвирии, а один из тех, кто был повинен в самых больших потерях с нашей стороны. Кто создавал самые страшные ловушки для солдат, кто устраивал ужаснейшие диверсии... кто в итоге захватил наш дворец.

– Тш-ш-ш, – он выставил перед собой ладони и даже отклонился чуть назад, показывая, что опасности не представляет. – Не пугайся. Всё хорошо. Я всё тот же Арт, которым был минуту назад, когда ты не знала о моём даре. И да, по глазам вижу, что тебе хочется скорее убежать. Но не надо. Элин, я не настолько опасен, как тебе может показаться.

– Ты колдун, – прошептала я, не решаясь сказать это громче. Вдруг кто-то может услышать.

– Да, – подтвердил вергонец, удерживая мой взгляд своим. – Колдун. И ваш кронпринц, который подписал нам разрешение изучить работу академии, осведомлён о моих талантах. Нас таких тут двое. А во всей Вергонии лишь пятнадцать. Колдунов боятся, потому что не знают, чего от нас можно ожидать. Но мы умеем контролировать свой дар, не сомневайся в этом.

Он говорил спокойно, объясняя мне всё, как маленькой девочке, а я слушала внимательно, впитывала каждое слово. Ведь о колдунах, действительно, было известно очень мало. Они владели особым видом дара, созданную ими защиту было невозможно преодолеть, во время войны они использовали зелье, пары которого отравили сотни айвов. Наши солдаты впадали в сон и постепенно угасали, из них просто уходила жизнь, спасти получалось единицы.

Именно это зелье убило всю охрану заключённых в замке Айнс. Я тоже была там в ту ночь и единственная осталась в живых... за что до сих пор расплачиваюсь.

– Скажи, – сердце сжалось от горестных воспоминаний, но не спросить я не могла. Это было для меня слишком важно. – Скажи, Арт, ты был в замке Айнс, когда там в плену находился ваш король Анхельм? Когда, при побеге, он и его прихвостни усыпили демоновым зельем всех солдат... оставив невредимой лишь дочь старшего лекаря?

Он не спешил говорить. Смотрел на меня своими глубокими голубыми глазами, в которых мне сейчас виделась настоящая бездна, и молчал. Это и было самым красноречивым ответом.

Больше я не могла находиться рядом с ним. С лавочки вскочила так резко, что едва не упала. Прощаться не стала, как и смотреть на этого негодяя, на чьей совести были жизни целого отряда айвов и наши с отцом сломанные судьбы.

Ни окликать меня, ни догонять Артиул не стал, но я всё равно шла так быстро, как только могла. А миновав лесную часть парка, и вовсе побежала. Но даже когда оказалась в своей комнате в общежитии, всё равно никак не могла успокоиться. Перед глазами снова и снова вставали картинки лежащих в коридорах солдат, которых никак не получалось разбудить, и грозное лицо следователя, объявившего меня предательницей своей страны. Ведь именно я сняла магическую защиту с палаты-камеры, где лежал раненый Анхельм, именно в моих руках обнаружили ключи от замка на его ошейнике.

Какой же я тогда была глупой – настоящей доверчивой душой. Отец предупреждал меня, чтобы не лезла к пленённому принцу вражеской страны, не жалела этого вергонца, предупреждал, что он очень опасен даже со скованным даром и с дырой в груди после удара клинком. Но я, идиотка, всё равно старалась его лечить. Видела перед собой очень симпатичного, даже милого молодого мужчину, сама приносила ему бульон, воду, поила с ложечки целебными зельями, перевязывала рану.

До сих пор не понимаю, что меня дёрнуло в ту роковую ночь отправиться к нему в камеру. Я просто проснулась с навязчивой мыслью, что ему стало хуже, что срочно нужна моя помощь. Мне казалось, меня ведёт интуиция, которой обладают только самые одарённые целители. Я даже решила, что смогла установить с пациентом особую связь, позволяющую издали чувствовать его состояние.

А когда пришла к нему... он в самом деле тяжело дышал, почти задыхался. И тогда, забыв приковать его руки к металлическим дугам постели, я расстегнула его ошейник, ведь с ним моя магия хуже воздействовала на пациента. А едва замок открылся, тот, кто секунду назад изображал умирающего, поднялся, перехватил мои руки и, шепнув пару непонятных слов, отправил меня в царство снов.

Проснулась я на полу. Дверь камеры-палаты была распахнута, а надо мной стоял хмурый айв в чёрной форме и с суровым лицом – военный следователь Асфер. Сначала он даже обрадовался, что я очнулась, ведь никого другого разбудить так и не смогли. Вся охрана подземелий, где держали пленников, была погружена в странный сон. Ни вергонского принца, ни других арестованных нигде не было.

Я рассказала всё, предельно честно ответила на все вопросы, призналась, что часто занималась лечением Анхельма, что пошла к нему ночью, чтобы проверить его состояние. По сути, я не сделала ничего плохого... но именно меня обвинили в пособничестве вергонцам, в предательстве своей страны и чуть ли не в организации побега. Особо разбираться никто не стал; и меня, и отца отправили под арест. Причём папу – лишь за то, что он позволил мне – недоучке и гражданскому лицу, –входить в палату к столь важному пленнику.

И только на суде я узнала, что в ту злополучную ночь наших солдат усыпили особым зельем, после которого без противоядия выжить очень сложно, и лишь меня оставили невредимой. А через несколько дней после того случая Анхельм с соратниками-колдунами захватили королевский дворец, взяли в плен королеву и выставили ультиматум с требованиями закончить войну и вернуть Вергонии часть территорий.

Учитывая всё это, можно сказать, что мой приговор был не таким уж и суровым. Ведь, если бы не я и не моя доверчивость, этого всего не случилось бы. Меня должны были казнить, но папа взял часть вины на себя и заявил, что разделит со мной наказание. Тогда нас обоих приговорили к трём годам рабства. Его отправили отрабатывать наказание в госпиталь, а меня заполучил Ринор Лермид, исполнявший на суде обязанности нашего судебного заступника.

Вот такая история.

Да, после тех событий прошёл год, но я до сих пор не могла спокойно вспоминать ни замок Айнс, ни вергонцев, ни ставшего королём принца Анхельма. А при упоминании колдунов меня начинало мелко трясти, и вряд ли это хоть когда-то изменится.

Глава 7. Спящая совесть, странности Сиалии и подозрительный интерес

Анхельм

Послание от Анмара я получил поздним вечером. В большом конверте лежала копия приговора Эбелин Лиссер и сложенный пополам лист, где твёрдым размашистым почерком моего зятя было написано:

«Не знаю, зачем тебе понадобилась эта информация, но в проснувшуюся совесть я не верю. Понимаю, что ты тогда почему-то оставил девочку в живых, не стал травить, как наших солдат, но её в итоге сделали крайней. Зная тебя, могу с уверенностью сказать, что у неё не было шансов не стать участницей задуманной тобой игры. Ты использовал её, и она уже год расплачивается за это. Впереди ещё два. Доволен?»

Между строк явно ощущалась злость, с которой Мар это писал. И у него было право злиться, ведь тогда же я подставил и его, причём так, что бедолагу едва самого не арестовали. Нет, судить принца никто бы не позволил, король Сергиус просто изгнал его из семьи и запретил покидать территорию академии. Но в итоге Анмар больше всех и выиграл, получив то, о чём и мечтать не мог – мою сестру, да ещё и на законных основаниях. Но я для него всё равно остался коварным злодеем и бессовестным манипулятором.

Приговор я изучил внимательно, перечитал дважды. Когда в первый раз увидел фразы «признаётся виновной» и «приговаривается к казни», в моей давно очерстевшей душе что-то треснуло. И только осознание того, что Эбелин сейчас жива, позволило читать дальше. Наказание ей смягчили, заменив тремя годами рабства. Судя по датам, прошёл уже почти год.

Теперь стало ясно, почему именно меня она считает виноватым в её аресте. По сути, так и есть. Тут не возразишь.

Мучила ли меня совесть? Хм. Нет. Муки совести – это сожаление о сделанном, а я не мог сказать, что сожалею. Если бы вдруг вернулся

назад, всё равно поступил бы так же. Не стал бы травить ту, что помогала мне, искренне беспокоилась. Забрать её с собой я бы тоже не смог. Да и куда? Зачем? Использовать вместо дочки целителя кого-то другого? Так никто иной для моего плана не подходил.

Нет, тогда на карте стояли судьба и будущее Вергонии. За свою страну я был готов отдать что угодно, включая собственную жизнь. Играл по-крупному, рисковал всем, и у меня тогда уже не осталось возможности повернуть назад.

Зато сейчас мне вполне по силам если не изменить положение Эбелин, то хотя бы сделать её жизнь не такой беспросветной. Сам бы выкупил девочку, если бы это было возможно, но законы Айвирии запрещают продажу рабов жителям других стран. Значит, придётся действовать иначе.

Я написал Мару ответ, вышел в коридор и вручил послание дежурившему у моей двери охраннику. Тот принял и пообещал утром передать его высочеству.

Впрочем, не сомневаюсь, что сначала письмо попадёт к старшему из айвирских принцев. Как он поступит? Тут несложно предугадать. Вероятнее всего, выкупит Эби сам, лишь бы она не досталась мне. К тому же, он и так уже поучаствовал в её судьбе, разрешив учиться в академии, так что следующий его шаг вполне предсказуем. Обижать Эбелин он не станет – при всей своей напускной жестокости Гервин часто проявляет мягкость. Поэтому за судьбу девочки можно больше не переживать.

По правде говоря, я совсем забыл, как выглядела та целительница, которую мне пришлось использовать при побеге из замка Айнс. Помнил лишь, что она была молоденькой, черноволосой и смотрела на меня с теплом, лёгким страхом и явным интересом. Хотя я тогда чувствовал себя крайне паршиво, меня почти всё время держали в состоянии целительского сна. Не знаю, сколько дней это продолжалось, но когда в моей голове окончательно прояснилось, я первым делом послал зов своим ребятам, которые ждали сигнала неподалёку от замка.

Почувствовав их слабый ответ, сразу попытался настроиться на юную целительницу. Мысленно звал её, просил прийти, умолял о помощи – для такого колдовства почти не требовалось внешних энергий, только собственный внутренний резерв, который полностью

не закрыть никаким ошейником. И девушка откликнулась, почувствовала мой посыл – для этого её симпатии ко мне оказалось вполне достаточно. Ну, а проверить остальное оказалось уже несложно.

Тогда, идя по коридорам замка, я отправлял в каждого встречного слабое сонное заклинание, чтобы никто не поднял шум раньше времени. Это безобидное колдовство, которым можно было бы и ограничиться, но... цель моего пленения заключалась не в этом. Я ведь специально тогда подставился под клинок Анмара, просчитал, как он поступит дальше, и добился, чего хотел.

Я сам открыл для своих людей дверь в подземелья замка, остальную работу они сделали без меня. И всё же... тогда я приказал им только одно: не трогать девчонку. Мой приказ они выполнили беспрекословно.

Именно после того фееричного побега в Айвирии узнали о нашем новом оружии – том самом зелье, чьи пары усыпляли навечно. Я дал айвирцам несколько дней осмыслить риски... и, захватив их дворец, получил очень правильную реакцию и крайне сговорчивого ГERVина, ведь он уже знал, какими будут последствия, если мы с ним не договоримся.

Да, с одной стороны, те мои действия можно назвать жестокими... но именно они в итоге привели к завершению войны, в которой ежедневно гибло немало и людей, и айвов. Поэтому... я ни о чём не жалею.

Эбелин

Сиалия вернулась только в понедельник утром. Влетела в гостиную, глянула на часы и обречённо застонала.

– Мне нельзя опаздывать! Первым стоит семинар по истории магии. Ты доделала мой доклад?! – выпалила она, уставившись на меня с тревогой.

– Конечно, хозяйка, – ответила я, поклонившись. – Он лежит на столе в вашей спальне. Остальные задания тоже выполнены.

– Умница! – она едва не подпрыгнула на месте и, ринувшись ко мне, неожиданно обняла. – Ты моё истинное спасение. Эби, как же хорошо, что тебе разрешили тут учиться.

Она умчалась в свою комнату, а я осталась в гостиной, ошарашенная тем, что сейчас произошло. Сиалия меня обняла? Правда? Это не игра воображения? Нет, она всегда отличалась эмоциональностью и склонностью к странным порывам, но никогда раньше не проявляла ко мне ничего подобного.

Сиа собралась быстро, всего через пять минут она вышла в гостиную и выглядела при этом, как образцовая студентка. Волосы завязала в низкий хвост, оставив несколько локонов у лица, рубашку застегнула до последней пуговицы и даже успела нанести лёгкий макияж.

– Идём, – сказала она, махнув мне рукой. – Позавтракаем вместе. Мои девочки вряд ли вообще смогут сегодня присутствовать на лекциях, а в столовой их точно не будет.

С хозяйкой явно творилось что-то странное. Конечно, я пошла с ней, да и не имела права ослушаться. Хорошо, что к этому моменту уже успела надеть форму и собрать в сумку тетради и учебники. Иначе потом пришлось бы возвращаться, ведь Сиа не стала бы меня ждать.

Сначала я, как и подобает рабыне, шла позади хозяйки. Но она вдруг остановилась, взяла меня под руку и спокойно повела дальше.

– Я тут поспрашивала про тебя у ребят со старших курсов, – сказала Сиалия приглушённым тоном. – Да ты, оказывается, была тут известной личностью. Чуть ли не звездой. Говорят, с деканом встречалась втайне ото всех. Это правда?

– Между нами ничего не было, – ответила я, опустив голову.

Ясно теперь, в чём причина её странного внимания. Просто захотелось подтверждения сплетен и пикантной истории с подробностями. Впрочем, ей было бы достаточно приказать, и я сама бы всё рассказала.

– Вот и я так сказала, – одобрительно ответила Сиалия. – Знаю же, что братцу моему ты нетронутой досталась. Слышала, как он хвастался своему закадычному другу, Филту, что заполучил настоящий подарок Стихий.

Отвечать я не стала, да и не требовалось от меня ответа. А Сиа, к моему удивлению, потупила взгляд, будто бы даже виновато. Но мне

наверняка просто показалось.

До самой столовой она больше ничего не говорила, но при этом продолжала идти рядом, держась за мой локоть. На раздаче Сиалия взяла два подноса, один из которых поставила передо мной, второй забрала себе. Я выбрала кашу, чай и булочку, а хозяйка зачем-то добавила к моим блюдам ещё пирожное и яблоко. Но окончательно меня добило её приглашение сесть за одни столик. И это точно был не приказ.

С ней происходило что-то непонятное, но спросить я не могла – рабы первыми с хозяевами не заговаривают. А сама Сия ничего объяснять не спешила.

Ели в тишине, причём за соседними столиками тоже царило ошеломлённое молчание. Ведь все в академии знали, что я – рабыня Сиалии, и тот факт, что сейчас мы сидели за одним столом, казался странным не только мне.

– Слушай, Эби, – негромко заговорила хозяйка, чуть подавшись вперёд. – Я отменяю отданный тебе приказ не разговаривать с другими студентами. Общайся, с кем хочешь. А ещё... пусть у тебя вечерами будет свободное время. Скажем, с восьми до десяти. Можешь в эти два часа делать, что вздумается, но, конечно, в пределах академии. Приказ не покидать её территорию я отменять не стану.

В последней фразе я снова узнала привычную Сиалию, и даже на душе стало немного легче. А то она начала меня пугать.

– Благодарю, хозяйка, – ответила я, низко склонив голову.

– И называй меня Сиа. Особенно при посторонних, – шёпотом добавила она. А потом всё же пояснила: – Не представляешь, как много я вчера слышала гадостей о себе. Оказалось, что в академии меня за глаза называют тиранкой, угнетательницей и жестокой тварью. Представляешь? И не кто-то один, а многие. Зато ты в глазах окружающих не преступница, а бедная несчастная жертва. Когда я всё это узнала, захотела сразу отправить тебя обратно в имение. Но ты мне и вправду очень помогаешь с учёбой. Так что останешься здесь. И будем делать вид, что мы с тобой лучшие подружки.

Великие Стихии, час от часу не легче!

К счастью, с завтраком мы закончили быстро. Из столовой хозяйка помчалась на свой семинар. Меня же в коридоре перехватил младший целитель из лекарского крыла – Бранс Долн, и попросил

отправиться с ним на осмотр. Этого требовали правила академии, так что возможности отказаться у меня не было.

Дальше всё проходило стандартно. Он привёл меня в смотровой кабинет, некоторое время расспрашивал о самочувствии, потом провёл быструю диагностику с помощью магии и, когда я уже решила, что могу уйти, вдруг попросил раздеться.

Нет, я понимала, что это тоже необходимость, что передо мной целитель, и следить за состоянием здоровья студентов – его работа. Но... от одной мысли, что придётся оказаться голой перед мужчиной, у меня начали дрожать руки.

Я пыталась успокоить себя, мысленно уговаривала не переживать, но даже пуговицы на форменной блузке смогла расстегнуть далеко не сразу. А когда дело дошло до юбки – и вовсе застыла изваянием.

– Ну чего ты? Стесняешься? – спросил ахен⁸ Долн. – Брось, ты же сама целитель. Я просто должен осмотреть кожные покровы. Не все болезни можно выявить заклинанием. Должна знать.

– Знаю, – ответила я, кое-как выговорив это слово.

Он встал передо мной, посмотрел в глаза и ободряюще улыбнулся.

– Не бойся меня. Я к тебе даже не притронусь. Только посмотрю и отпущу.

На вид ему было лет сорок, в тёплых карих глазах отражалось лишь участие, наверное, поэтому я всё-таки смогла себя пересилить. Сняла юбку, быстро избавилась от белья и, выпрямившись, сжала кулаки.

Я старалась держаться, но чувствовать на себе чужой взгляд было слишком тяжело.

Каждый раз, когда хозяин вызывал меня в свою спальню, он приказывал раздеться перед ним и потом оставлял стоять так, пока он налюбуется. Ему нравилось смотреть на меня –такую: покорную, беспомощную, абсолютно голую. Бывали дни, когда он запрещал мне одеваться, держал в своих покоях, как статую. Несколько раз показывал друзьям.

Я боялась, что однажды он отдаст меня кому-нибудь из них. Позволит им развлекаться с его игрушкой. Но, к счастью, этого не произошло. Ринор оказался слишком жаден и ни с кем мной не делился. Мне же и от того, что он делал со мной сам, хотелось

прыгнуть с крыши в пропасть. Увы, даже такого права я была лишена. Первым делом любому рабу всегда приказывают не вредить себе и хозяину.

– Одевайся, Эбелин, – наконец, сказал ахен Долн, а в его голосе слышалось неодобрение. – Можешь идти.

Бельё я натянула на себя за секунды, форму надела ещё быстрее, и только когда покинула лекарское крыло, смогла вздохнуть чуть спокойнее.

Да уж, не думала я, что простой осмотр станет для меня таким жутким испытанием. А ведь там не случилось ничего ужасного, всё, действительно, прошло по стандартной схеме. И раньше, ещё до рабства, я относилась к этому легко. Но теперь...

Теперь вряд ли хоть когда-нибудь смогу без страха раздеться перед мужчиной, пусть даже целителем. О замужестве в моём случае даже думать бессмысленно. Ведь ни один айв никогда не возьмёт в жёны бывшую рабыню.

Анхельм

Утром из Харсайда прислали новую пачку документов и донесений, с которыми пришлось разбираться несколько часов. Так что в лекарское крыло я отправился ближе к обеду. Хотел проверить состояние своего вчерашнего пациента, ну и заодно предложить помощь в других сложных случаях. Но когда при моём появлении эрн Сирен не просто встал из-за стола, но ещё и вдруг сжал меня в крепких объятиях, я откровенно опешил.

– Мальчик мой, – с восторгом в голосе обратился он ко мне, а смотрел и вовсе как на ожившее божество.

А ведь буквально вчера вёл себя подчёркнуто холодно, обращался на «вы» и всем своим видом демонстрировал, насколько я ему неприятен.

– Дартон Корн идёт на поправку! – сообщил этот пожилой подхалим. – Каналы стабильны, мы продолжаем держать парня в целительском сне, как ты и сказал. Но уже виден прогресс.

Мужчина отстранился, но продолжал сжимать мои плечи.

– Не знаю, как ты это сделал, да и не важно. Главное, что помог. И я буду очень благодарен, если попробуешь помочь и остальным.

– Я согласен, – ответил ему, отступив на шаг назад. – Но хотелось бы сначала изучить их истории. Для меня это тоже своего рода эксперимент. Я рад, что всё получилось, и что пациенту стало лучше. Но есть ли у вас девушки с подобными проблемами? Знаю, что у айвинок восполнение использованной энергии происходит медленнее, чем у мужчин.

– Это так, – кивнул главный целитель. – Из-за этого восстановление повреждённых каналов у них проходит сложнее.

– Поэтому и хочу сначала попробовать помочь девушкам, – я изобразил вовлеченность и участие. Даже сам поверил, что меня это волнует, и эрн Сирен не усомнился в моей искренности.

– Конечно, так и поступим, – поспешил ответить целитель. – Присаживайся, сейчас найду их истории.

Некоторое время он перебирал папки на стеллажах, которыми этот кабинет был заставлен, как библиотека. Я бы мог подсказать, где именно лежат разыскиваемые им документы, но не стал совершать такую глупость. Вместо этого принялся рассматривать лежащие на столе бумаги. И с удивлением заметил на верхней картонной папке надпись: Эбелин Лиссер.

Удержаться оказалось невозможно. Обернувшись на эрна Сирена, я удостоверился, что он пока ищет не там, чуть сдвинулся в сторону, закрывая ему обзор собственной спиной, и открыл документ. Сверху лежал листок стандартного медицинского осмотра, судя по дате – сегодняшний.

Так, возраст – 21 год. Уровень дара – десятка, направление – целительское. А ниже подпись: «Дар закрыт артефактом сдерживания, крылья не проявляются по той же причине, каналы статичны».

И в моей голове словно щёлкнул переключатель, активирующий прозрение. А в мыслях будто наяву зазвучал голос ведьмы Гарсинии: **«Она крылатая... но летать не может. Она щедро одарена магией,**

но её сила спит. Она связана с мужчиной особыми узами, которые не сломать даже тебе». Так может, та, кого я ищу – рабыня?

Или же и вовсе сама Эбелин?

Возможно ли это?

Теоретически, да.

Так, думаем дальше. Гарсиния сказала, чтобы я прислушивался к себе. Как она там выразилась? Слушай сердце, а не голову? Это сложно, потому что совершенно лишено логики. И всё же что-то меня дёрнуло выйти на аллею и встать именно так, чтобы Элин в меня врезалась. Зачем-то я потом пошёл за ней. Заговорил. Да и на лавочку вчера вечером явился в надежде, что она тоже придёт.

Это было порывом, который не имел особого объяснения. Но оставим необъяснимое и перейдём к более весомым доводам. А здесь он всего один: из всех девушек в этой академии я обратил внимание только на одну. Других видел, разглядывал, иногда даже любовался ими, а отвернувшись, мгновенно забывал о том, как они вообще выглядят. Зато Элин и сейчас мог описать довольно подробно.

– Нашёл, наконец, – вырвал меня из раздумий голос эрна Сорита.

Я лишь успел закрыть папку Эбелин, как поверх неё тут же легли три другие.

– Вот. Тут всё собрано. Изучай, смотри. А как выберешь кого-нибудь из них, я сразу распоряжусь, чтобы позвали.

– Зовите любую, на своё усмотрение, – сказал я, притянув к себе папки... и нижнюю, лишнюю, тоже прихватил, будто бы случайно. – Могу я почитать здесь?

– Конечно, мальчик мой, конечно, – поспешил заверить целитель. – У меня сейчас как раз лекция у пятого курса, так что не буду тебе мешать. А потом сразу приведу к тебе пациентку.

Он глянул на верхнюю папку, прочитал имя и сказал:

– Марику Вонтер. Она с пятого курса боевого факультета. Очень хорошая талантливая девушка. Отважная, серьёзная. Ей обязательно нужно помочь.

Я несколько раз кивнул, а энтузиазм изображал ровно до того момента, пока за целителем не закрылась дверь. Но стоило мне остаться одному, и поверх других папок сразу легла нижняя, а мой взгляд снова забегал по строчкам.

Информации было много, кое-какие фразы остались для меня непонятными, а некоторые неприятно царапнули по огрубевшей душе. «Двадцать восемь выпуклых рубцов продолговатой формы, предположительно, полученных от ударов плетью, – писал неизвестный мне лекарь. – Расположены преимущественно на спине, в меньшей степени на животе и бёдрах. Общее состояние организма – ослабленное, в наличии энергетическое и психическое истощение, велика вероятность нервного срыва. Рекомендован отдых, полноценное питание, постельный режим, витамины, снятие ограничителя магии».

Эта писанина едва не вывела меня из себя, ведь все: и тот, кто проводил осмотр, и тот, кому он потом отдал заключение, – понимали, что никто с Эбелин ошейник не снимет. Никто не станет обеспечивать её отдыхом, витаминами и прочим. Потому что она – чужая рабыня, для всех этих людей – просто осуждённая преступница или даже вещь. И, по местным законам, о сохранности этой вещи должен заботиться исключительно её хозяин.

Я всё-таки дочитал заключение и с трудом удержался, чтобы его не скомкать. Ведь, помимо всего прочего, из-за очень высокого уровня дара запертая в девушке магия начала выжигать её собственные магические каналы, считай, уничтожать организм изнутри. Если в самое ближайшее время не снять с неё ошейник, то изменения станут необратимыми.

Дальнейший план сложился в голове сам собой, и я едва удержался от того, чтобы не начать претворять его в жизнь. Нужно было всего лишь поймать хозяина Эбелин и заставить его снять с неё ошейник. Всё.

Но что потом? Дипломатический скандал? Но даже если моё вмешательство останется в тайне, кем станет Эбелин? Беглой рабыней? Нет, не выход. Значит, нужно искать другой.

Если Мар исполнит мою просьбу и сам выкупит Элин, то найти решение станет чуть проще. Но вряд ли это случится сегодня. А после прочтения заключения ждать я не мог.

Снять ошейник самому? Хм, нужно подумать. Впрочем, вряд ли это просто, наверняка, у рабского артефакта есть особенная защита. Да и хозяин обязательно почувствует, если раб вдруг избавится от этой

побрякушки. Нужна информация, а лучше – артефактор, причём айв, или хотя бы подходящие книги.

Увы, сначала придётся ещё немного поработать целителем, ну и познакомиться с первой девушкой из списка. Вдруг я сделал неправильные выводы, и именно она окажется той, кого мы уже месяц разыскиваем? Но даже при таком раскладе проблему Элин нужно решать.

Может, во мне действительно заговорила внезапно воскресшая совесть, или дело в самом обычном мужском интересе? Неважно. Главное, что я действительно хочу ей помочь, а значит, помогу.

Глава 8. Записка, ворон и колдовское зелье

Эбелин

День проходил спокойно. Однокурсники старались меня не замечать, я тихо писала лекции, на практикумах стояла в уголочке и молча наблюдала за остальными. В обед снова села одна за отдалённый стол за колонной и надеялась, что всё и дальше пойдёт без происшествий.

Когда я выходила из столовой, случайно столкнулась с черноволосым парнем из вергонской делегации. Он тут же отступил, извинился и направился дальше. А я с искренним удивлением почувствовала, что в кармане моего форменного пиджака что-то есть.

Там оказался небольшой конверт, запечатанный магией. Причём настроена эта печать была именно на меня. Вскрывать послание на аллее я не стала. Дошла до аудитории, заняла привычное место в последнем ряду, подготовилась к занятию и только тогда достала конверт.

Внутри лежал сложенный маленький лист, исписанный крупным витиеватым почерком.

«Доброго дня, Элин», – гласила первая строчка.

Мои подозрения о личности автора мгновенно подтвердились. «Элин» меня назвал только один человек – Артиул. И почему он никак не желает оставить меня в покое?

«Я понимаю, что говорить со мной при посторонних ты не можешь. А после того, как закончилась наша прошлая встреча, вряд ли снова придёшь любоваться закатом. Поэтому хочу объясниться в письме.

Да, я колдун и действительно участвовал в диверсии в замке Айнс. Мне очень жаль, что то происшествие обернулось для тебя неприятностями. Но тогда шла война, а мы должны были освободить нашего короля любой ценой.

Если хочешь, мы поговорим об этом. Я покаюсь и всё тебе расскажу.

Но сейчас речь о другом. Мне стало известно, что из-за долгого ношения рабского артефакта страдают твои магические каналы. Знаю, что снять это демоново украшение нельзя, но могу попробовать ослабить его действие, хотя бы ненадолго. Приходи на закате сама знаешь, куда. Я в самом деле хочу тебе помочь».

Подписи не было, хотя и так ясно, кто это написал. Да и ни с кем я тут больше не общалась. Понятия не имею, зачем он вообще ко мне прицепился.

Письмо я порвала на мелкие кусочки и в таком виде бросила в сумку. Нельзя, чтобы кто-нибудь узнал содержание этого послания. Мало того, что Арт в нём признаётся, что он колдун, участвовавший в диверсиях, так ещё и изъявляет желание ослабить действие рабского артефакта. Это прямое нарушение закона, за которое его сразу отправят прочь из Айвирии.

Дурак! Зачем так рисковать? А если бы мне пришло в голову показать эту записку кому-то?

Хотя, может, это именно я глупая? Вот и показала бы. Да хотя бы ректору отнесла, а он бы уже передал ценную улику куда надо. Следовало сделать именно так. Заодно избавилась бы от назойливого внимания вергонца.

Но если в начале лекции я ещё злилась – на себя, на Арта, на обстоятельства, – то к концу занятия успокоилась и начала мыслить рационально.

Про магические каналы он написал верно, да я и сама знала, что, если внутреннюю энергию мага запереть надолго, она начнёт сама себя жечь. Отец когда-то рассказывал, что рабы с сильным магическим даром уже через два года полностью выгорали. А меня приговорили к трём. И что тогда останется от моей магии?

Чем больше я об этом думала, тем страшнее становилось. Удивительно, что раньше о таком исходе даже не вспоминала. Наверное, моя психика просто закрыла от меня эту информацию, иначе я давно сошла бы с ума. Ведь одно дело – пережить три года рабства, и совсем другое – навсегда лишиться магии.

Арт написал, что хочет помочь, и теперь его слова стали казаться мне едва ли не единственным возможным выходом. Ведь хозяин ни за что не снимет с меня ошейник, чтобы дать магии хотя бы немного

воли. А если я рискну попросить об этом, станет только хуже. И как же быть?

В итоге к концу лекции я уже чётко знала, что обязательно пойду вечером на встречу с колдуном. Тем более, что Сия очень удачно даровала мне два часа личного времени как раз на закате. Какое приятное совпадение.

И в это совпадение я верила ровно до того момента, пока не вошла после ужина в нашу с Сиалией гостиную. А войдя, едва не оступилась и испуганно попятилась назад, ведь моя хозяйка самозабвенно целовалась на диване с черноволосым парнем.

Я бы ушла, сбежала, чтобы не вызвать своим появлением гнев Сии, но вдруг брюнет отстранился от Сиалии, поднял голову и посмотрел прямо на меня. Тут неладное заметила и хозяйка, села ровнее, повернулась ко мне, и в её глазах вспыхнуло раздражение.

— Пойдём в комнату, — обратился к ней гость, мягко погладив по щеке. — Продолжим наш разговор там. А то, мне кажется, тема осталась не до конца раскрыта. Не стоит ещё больше смущать твою впечатлительную соседку.

Взгляд Сиалии мигом смягчился. Она улыбнулась брюнету и, поднявшись с дивана, призывно повела плечом. Парень плавно и грациозно встал на ноги, обнял девушку за талию и увёл.

Лишь когда они скрылись в спальне Сии, я снова смогла нормально дышать, а голова заработала нормально. Закрыв за собой дверь своей комнаты, я растерянно села на кровать и уставилась на выкрашенную в бежевый цвет стену.

Нет, в целом, Сиалия всегда была не особенно разборчива в связях, и в увиденной мной ситуации нет ничего удивительного, кроме одного момента: её гостем оказался тот самый вергонец, после столкновения с которым сегодня я обнаружила в кармане записку.

Мог ли Арт попросить товарища занять на вечер мою хозяйку, чтобы ничего не мешало мне прийти на встречу с ним? Наверное, мог, но для чего ему это — оставалось для меня загадкой. Можно, конечно, придумать несколько возможных вариантов, но лучше пойти и спросить в лоб. Да, так и поступлю.

К месту встречи я отправилась за полчаса до заката. Рассчитывала немного посидеть одна, собраться с мыслями, ещё раз обдумать ситуацию, понять, не совершаю ли новую ошибку. Ведь в прошлый раз моя жизнь рухнула именно из-за одного вергонца, а теперь меня снова куда-то втягивает другой.

Но к моему приходу Арт уже был на месте. Сидел, глядя на вечернее небо, и о чём-то сосредоточенно размышлял. На моё появление никак не отреагировал, не шелохнулся, даже когда я села рядом, не отвлёкся от созерцания лазурной синевы с белыми барашками облаков.

Поначалу его взгляд казался мне просто задумчивым, но спустя минуту я начала подозревать неладное. Может, его кто-то сковал магией? Но чем я могу помочь?

Посидев так ещё немного, я всё же решилась, коснулась его плеча, чуть толкнула, но Арт вдруг перехватил меня за запястье.

– Сейчас, Элин, ещё минуту, – сказал он строгим, но отстранённым тоном.

Мою руку он не отпустил, а я не стала пытаться вырваться. Но коль уж странный вергонец может говорить, значит, всё с ним в порядке. Подожду.

Моё внимание привлекла тёмная точка, появившаяся из-за очередного облака. Она становилась всё больше, и вскоре стало понятно, что это птица. Она стремительно приближалась, летела очень быстро, будто собиралась атаковать. Сделала круг над лавочкой и мягко приземлилась прямоком на выставленную Артиулом руку.

Я испуганно отшатнулась, продолжая смотреть на грозное пернатое создание. Птица оказалась чёрным вороном с такими же чёрными глазами и длинным клювом. Она вцепилась лапами в предплечье вергонца и глянула на меня с явной угрозой.

– Молодец, – проговорил Арт, погладив ворона по сложенным крыльям, и только теперь повернулся ко мне. – Не бойся, Элин, он тебя не тронет.

– Это твой ручной ворон? – спросила я, с недоверием разглядывая пернатого гостя. И лишь сейчас заметила, что к его лапке привязан маленький стеклянный флакон с розовой жидкостью.

– Это Хран, мой фамильяр, – ответил Арт. – Я попросил его кое-что мне принести.

– Он летел из самой Вергонии? – выпалила я удивлённо.

– Нет. От границы. Но это всё равно далеко.

Артиул осторожно отвязал бутылочку от ноги птицы, погладил своего фамильяра по спине и что-то шепнул. Ворон взмахнул крыльями, поднялся в воздух и неожиданно пропал.

– Я отправил его в мою комнату в общежитии. Ему нужны еда и отдых, – пояснил вергонец, видя моё недоумение. – Рад, что ты решилась прийти. И давай не будем терять времени. Не уверен, что получится полностью нейтрализовать действие твоего ошейника, но попробовать сто́ит.

Он достал из кармана белый платок и внимательно посмотрел мне в глаза. Я честно старалась спрятать страх, не показать, что меня пугает и он, и вся эта непонятная ситуация, но, когда Арт протянул руку к моей шее, всё равно вздрогнула.

– Боишься, – сделал он верный вывод.

– Не понимаю, – ответила я правду. – Зачем тебе это? Почему вообще связался с рабыней? Для чего решил мне помочь?

– Ответ: «Просто так», тебя устроит? – спросил он спокойным тоном.

Я отрицательно помотала головой.

– Не верю в бескорыстие вергонского колдуна, – бросила, глядя ему в глаза. – Мне вообще с тобой встречаться опасно. Если кто-то увидит нас вместе, это может обернуться до меня чем угодно, вплоть до нового приговора.

– И всё же ты пришла, – он развёл руками. – Почему?

– Не хочу лишиться дара. А ты пока единственный, кто вообще подумал о том, что мои каналы могут перегореть. Другим всё равно. Не знаю, как ты собрался действовать, но я должна хотя бы это узнать. Лично мне не известно ни одного способа хотя бы ослабить действие ошейника, а если его с меня попробует снять кто-нибудь, кроме хозяина, артефакт сожмётся, убивая.

– Это я уже выяснил, – кивнул Арт. – Поэтому снимать не буду, не бойся. Но кое-что хочу предложить. Это, – он указал на бутылочку в своей руке, – уникальное зелье, полностью нейтрализующее любую магию. Я хочу смочить им платок и обмотать твой ошейник. В теории,

артефакт просто перестанет работать. Но на практике никто подобного не делал.

– Ошейник может отреагировать на это, как на попытку от него избавиться. И тогда...

– Тогда я сразу верну всё, как было, – поспешил заверить Артиул. – Не позволю этой штуке тебя убить. Но доверишься ли мне ты?

– Всё равно не понимаю, в чём твой интерес? – этот вопрос не давал мне покоя.

– Может... я чувствую себя виноватым перед тобой? – предположил он, не отпуская моего взгляда. – За то, какими последствиями для тебя обернулась наша диверсия в замке Айнс.

– Лично ты ничего плохого мне не сделал, – ответила я, отвернувшись в сторону разгорающегося заката. – Тогда ведь и вправду шла война. Ты спасал своего принца. Некоронованного короля. Исполнял свой долг. Ты не виноват передо мной, Арт.

– Даже так? Неожиданно, – усмехнулся он, но как-то по-доброму. – Но Анхельма ты всё-таки считаешь виноватым.

– Да, – я заправила за уши несколько прядей у лица, которыми играл ветер, и попыталась собраться с мыслями. – Арт, я его лечила, помогала скорее поправиться. Не знаю, почему, но переживала за него, как ни за одного другого пациента. В тот момент мне было его очень жаль, я будто чувствовала, как ему тяжело, и даже не столько физически, сколько морально. А он... воспользовался моей глупой симпатией, моей идиотской доверчивостью. Изобразил приступ, а когда я сняла с него ограничители магии, просто лишил меня сознания и сбежал. Едва я очнулась в его камере-палате, меня сразу обвинили в предательстве. И казнили бы... если бы не вмешательство отца, который разделил со мной наказание. Сейчас он тоже раб, хотя ничем этого не заслужил... кроме того, что вырастил слишком глупую и доверчивую дочь.

Арт смотрел на меня, я кожей чувствовала его взгляд, но поворачиваться не решалась. И так сказала слишком много, говорила излишне эмоционально, а увидеть его реакцию на свои слова попросту боялась. Что ему сломанная жизнь какой-то айвирской целительницы, когда на кону стояла свобода правителя?

– Давай попробуем обмануть ошейник, – предложил он спокойным тоном. – А если тебе нужны объяснения причин моих действий, считай, что я искупаю вину его величества.

– Его величеству плевать, – сказала я, сжав кулаки.

– Не плевать, – строго ответил Арт. – Я сообщил ему о тебе, и он пообещал сделать всё возможное, чтобы ты стала свободной. Он помнит твою доброту, Элин. Он очень тебе благодарен. И выкупил бы, вернул бы свободу, но это запрещено законами Айвирии. Сейчас он ищет лазейку и, не сомневайся, найдёт.

– Ты так хорошо знаешь Анхельма Вергонского? – спросила я, ошеломленная его признаниями, и даже повернулась, чтобы увидеть ответ в его глазах.

– Лучше многих, – кивнул Арт, сжимая в пальцах белый платок. – Клянусь, Элин, он хочет помочь.

Я с сомнением покачала головой и, сжав губы, отвернулась. В слова Арта не верилось совсем. Они звучали для меня сказкой, шуткой, чем-то поистине нереальным. Да и какое дело королю может быть до рабыни? Я – лишь мелкий незначительный эпизод в его жизни, глупая девчонка, через которую он перешагнул и пошёл дальше покорять свои великие вершины.

Артиул осторожно коснулся моих сжатых в кулак пальцев. Обнял их своей большой тёплой ладонью. Я вздрогнула, привычно попыталась отшатнуться, освободиться, но он мягко удержал.

– Скажи, Элин, чем ты готова заплатить за то, чтобы снова стать свободной? Причём на законных основаниях? – спросил он вкрадчивым тоном.

– Через два года закончится срок моего наказания, – ответила я, не глядя на него. – Постараюсь перетерпеть.

– Но твоя магия к тому времени перегорит, – напомнил он. – Готова жить без неё?

Я не стала отвечать.

– Элин, я обязательно постараюсь тебе помочь. Понимаю, что сейчас ты мне не веришь, мы ещё слишком мало знакомы, но...

– Зачем я тебе? – спросила я, посмотрев на него с вызовом. – Скажи правду.

У него были очень красивые глаза: голубые, глубокие, затягивающие, поистине колдовские. Глядя в них, я отчётливо

понимала, что передо мной сложный, серьёзный и опасный человек. И всё же продолжала сидеть рядом с ним, разговаривать, даже рассказала правду о том, за что получила приговор. Хотя сама не понимала, почему это сделала.

— А если я скажу, что ты меня заинтересовала, согласишься? — поинтересовался он, раскрыв мой сжатый кулак и погладив центр ладони. — Просто в толпе студенток, которых тут около сотни, я увидел только тебя. Ты вызываешь у меня странный, непонятный мне самому интерес. Я хочу тебя узнать и хочу тебе помочь. Это правда.

Я сглотнула, а пальцы сами собой вцепились в руку вергонца. Врал ли он? Вряд ли. Слишком искренне звучали его слова, слишком открыт был взгляд. Видимо, ему и впрямь оказалась интересна рабыня, непонятно как оказавшаяся в академии. Скорее всего, я со своим запертым даром для него что-то вроде диковинки, с которой можно провести эксперимент. Горько... но зато похоже на правду.

— Давай попробуем твой способ с платком, — вздохнула я, отпустив его и убрав руку. — Даже если ничего не выйдет, я хотя бы смогу сама себе сказать, что сделала всё возможное.

Вергонец улыбнулся, а его взгляд потеплел.

— Ты интересная, Элин. И чем-то напоминаешь мне меня самого. Даже упав в бездну, всё равно стараешься подняться.

— Ты ошибаешься, я не борец, — ответила я честно. — Была уверена, что хозяин сломал меня. Мне не хотелось ничего: ни есть, ни говорить, ни жить. Поверь, всего месяц назад я была скорее тенью, чем девушкой. Тогда меня отправили работать на кухню, и я сама не знаю, почему снова начала оживать.

— Месяц назад, говоришь... — задумчиво протянул он. — Интересно. А хочешь ещё немного правды? Примерно в то же время одна очень старая ведьма предсказала мне, что я должен найти девушку, айвируку. Сильного мага, но без магии, крылатую, но без крыльев, связанную с другим мужчиной так, что даже мне будет сложно эти узы разорвать. И вот передо мной ты.

Сначала его слова меня озадачили, а потом мои губы растянулись в горестной усмешке.

— Теперь я поняла, почему ты со мной возишься, — проговорила тихо, и в голосе против воли прозвучала горечь. — А ведьма сказала, зачем тебе эта девушка?

– Сказала, и я отвечу тебе. Но после того, как мы проведём эксперимент с твоим ошейником, – чказал он загадочным тоном. – Давай уже попробуем, а то скоро закат, за ним – отбой. А тебя вряд ли хозяйка отпустила надолго.

– Хорошо. Давай. Я готова.

Арт откупорил флакон, смочил зельем тонкий платок и попросил меня сесть ближе. Потом осторожно, через ткань, взялся за ошейник и начал подсовывать под него платок. Касания тёплых пальцев к шее резко контрастировали с холодом мокрого платка, и, как я ни старалась оставаться спокойной и безучастной, но всё равно вздрагивала.

Лицо Арта оказалось слишком близко к моему. Я могла рассмотреть каждую его ресничку. Волосы у моего лица шевелило его лёгкое дыхание, и такая близость очень волновала. Мой взгляд сам собой упал на сжатые мужские губы, и возникла неожиданная мысль о том, что мне впервые не хочется шарахнуться от мужчины.

Я настолько сосредоточилась на разглядывании вергонца, что умудрилась пропустить момент, когда он закончил обматывать платок вокруг ошейника.

– Так, а теперь самое важное, – сказал он, встретившись со мной взглядами. – Зелье активируется заклинанием. Готова?

– Да, – выдохнула, чувствуя, как быстро бьётся в груди сердце.

– Альферс, – шепнул колдун, а я зажмурилась.

Ожидала, что сейчас произойдёт что-то страшное. Ошейник сожмётся, грянет гром, прибегут солдаты... но ничего не произошло. Только дышать стало легче, будто с меня сняли туго зашнурованный корсет. А потом... я почувствовала магию.

Она потекла ко мне, как тонкий ручеек. Понеслась по венам вместе с кровью, окутала, словно мягкой шалью, и стало так хорошо, что закружилась голова.

– Ну как? Чувствуешь что-нибудь? – нетерпеливо спросил вергонец, опустив руки на мои плечи.

В его глазах стояли волнение и сомнение. Он явно был готов в любой момент сорвать с ошейника платок и всё же пока ждал моего ответа.

Но вместо слов я медленно вдохнула, прикрыла глаза и попыталась призвать крылья. Даже почувствовала, как они начали

разворачиваться под тканью на спине... только мне не хватило сил раскрыть их.

– Не торопись, – строго произнёс Арт. – Не всё сразу, Элин. Крыльям нужно много магии, а в тебе сейчас крупницы. Твои каналы давно не пропускали через себя энергию, они уже начали разрушаться, им необходимо время на восстановление. Главное, что у нас получилось.

– Получилось, – прошептала я, не в силах до конца поверить в такое чудо. – Это... невероятно. Так легко дышится. Я... словно снова стала собой.

Он улыбнулся и, едва касаясь, погладил меня по щеке.

– Увы, это лишь временная мера. Действия зелья хватит надолго, но если твоя хозяйка увидит намотанный на ошейник платок, то может всё испортить. Лучше использовать его только здесь и со мной. К тому же, твой хозяин может почувствовать, что артефакт не работает. Поэтому, чтобы свести риск к минимуму, давай договоримся, что он будет у меня. Хорошо?

– Конечно, – я была настолько поражена и воодушевлена, что сейчас согласилась бы на что угодно. – Это невероятно, Арт! Прости, что не верила тебе.

– А если я обнаглею и поцелую тебя, что ты сделаешь? – спросил он, вдруг подавшись ближе.

Теперь наши лица разделяло расстояние не больше ладони. Но сейчас, когда до возможного поцелуя остался один маленький шаг, я вдруг вспомнила Ринора – его мокрые губы, противные прикосновения, гадкие приказы, и поспешила отодвинуться от Арта.

– Я не могу. Прости. Не получится, – сказала я, опустив плечи и понутив голову.

Не знаю, что он подумал обо мне в этот момент, но говорить ничего не стал. Сам сел ровно, откинулся на спинку скамейки и обратил взгляд к горящему алым закату.

Некоторое время мы сидели в тишине. Слушали лёгкий шум ветра, редкие переклички птиц, шелест листьев на деревьях. Иногда до нас долетали громкие возгласы студентов с ближайшего полигона, но я не боялась, что кто-нибудь сюда придёт. Это место было особенным, о нём знали в академии единицы, да и те предпочитали другие, более

интересные, закутки, – ту же крышу, к примеру. А здесь для молодых магов было слишком спокойно и скучно.

– Ты говорила об отце, но ни разу не упомянула мать, – неожиданно сказал Артиул. – Она жива?

– Она ушла от папы, когда мне было десять, – сейчас, после всего случившегося в моей жизни, говорить об этом стало просто, а ведь когда-то столь личная тема казалась мне тяжёлой и болезненной. – Полюбила ханийского посла и попросила супруга отпустить её. Папа не стал держать, позволил ей уехать, но с тем условием, что она больше никогда не вернётся в Айвирию. И мама согласилась. Когда уходила, долго плакала, обнимала меня, умоляла отца позволить мне поехать с ней. Но папа отказал. Сейчас она живёт в Хайфе, у неё двое сыновей. Она пишет мне каждый месяц. Точнее... писала, до приговора. Потом я не получила больше ни одного письма.

Арт кивнул и посмотрел с пониманием. Я думала, он начнёт осуждать её поступок, как сделал бы любой мужчина, но Артиул удивил.

– По правде говоря, у нас похожие истории. Только моя закончилась намного печальнее, – проговорил он. – Мама вышла замуж за отца, потому что так решили её родители. Они разорвали её помолвку с любимым, кстати, айвом, и выдали за другого. Она смирилась, привыкла, родила меня, сестру. А однажды, спустя годы, встретила того своего первого возлюбленного, и чувства вспыхнули с новой силой. Она просила супруга её отпустить, умоляла, была готова пойти на что угодно, но он просто запер её в спальне. И однажды... в приступе слепой ревности... убил. С тех пор отец возненавидел айвов и Айвирию.

– Это ужасно! – воскликнула я. – Как он мог так с ней поступить?! Настолько ненавидел?

– Слишком сильно любил... по его словам, – пожал плечами Арт и тяжело вздохнул.

– Мне жаль, – сказала я, коснувшись его сжатой в кулак руки. – Ты прав, история моих родителей закончилась намного лучше.

– Однажды я явился к любовнику матери. Не знаю, что хотел: убить, наказать, обвинить? Но когда увидел его, то решил просто выслушать. А потом ушёл... – он усмехнулся, – напился, подрался со студентами этой самой академии, попал за решётку. А вытащил меня

оттуда из жалости ваш принц Анмар. И, что самое странное, мы с ним даже подружиться умудрились. Жаль, ненадолго.

– Поругались? – спросила я.

– Нет. Война развела в разные стороны, – он чуть помолчал и потом попросил: – Ты ведь училась тут до рабства? Расскажи, как жила раньше.

И я рассказала. О том, как ещё до поступления помогала отцу в клинике, перечитала все книги по целительству в его личной библиотеке. О своём даре, который привёл в восторг приёмную комиссию при поступлении. О том, как легко мне давалась учёба, как я полюбила академию, как обожала практические занятия. И даже о том, как решила провести все каникулы в замке Айнс, куда на время военных действий отправился работать отец.

Артиул слушал с искренним интересом, будто ему действительно было важно больше узнать обо мне. Улыбался вместе со мной, смеялся, когда я вспоминала забавные случаи. Но когда речь зашла о той моей злополучной практике в замке, он отвёл взгляд.

– Сожалею, что ты тогда пострадала, – проговорил Арт, глядя вперёд, где на фоне темнеющего неба чернели макушки гор. – Я думал, как тебе помочь. Увы, вариантов тут немного. Попросил Анмара выкупить тебя у хозяина.

– Ринор меня не продаст, – я опустила голову, а начавшее оживать сердце снова сковало льдом. – Никому. Даже принцу.

– Ну, это смотря как надавить, – ответил Артиул, и в голосе его прозвучала холодная усмешка. – Не переживай, здесь я сам разберусь. Но это всё равно будет лишь временной мерой. Моя цель – твоё помилование.

Я удивлённо распахнула глаза и уставилась на Арта, как на полоумного.

– Это невозможно, – ответила, осознав, что он говорит вполне серьёзно. – Просто так меня не имеет права помиловать даже король. Для подобного нужен пересмотр дела, а его могут инициировать только в том случае, если откроются новые важные обстоятельства.

Арт понимающе кивнул и задумчиво поджал губы.

– Показаний Анхельма Вергонского должно быть достаточно, – проговорил он негромко.

– Пф, – вырвалось у меня. – Шутишь?

– Нет, – Арт посмотрел на меня очень серьезно. – Добуду. Надеюсь, судей устроит письменный вариант, заверенный подписью и королевской печатью.

– Арт... я... Да он в жизни на это не согласится! – у меня просто не нашлось слов. Поверить в это было слишком сложно.

– Считай, уже согласился и всё написал. Осталось правильно всё организовать, – Артиул явно уже всё для себя решил и не собирался отказываться от этого решения.

Я смотрела на него и не уставала поражаться. Казалось, для Арта вообще не было ничего невозможного. Для него будто бы не существовало неразрешимых проблем. Это или самоуверенность, или глупость, но он будто не сомневался, что обязательно со всем справится.

И всё же именно этот странный вергонец нашёл способ обойти действие рабского артефакта, чем поразил меня до глубины души. Я начала воспринимать Артиула иначе:– не как врага и чужака, а как того, кто действительно желает мне помочь.

Не знаю, получится ли у него осуществить задуманное, но я очень хочу верить в лучшее. Ведь впервые с момента вынесения приговора у меня появилась надежда.

Глава 9. Анмар, вергонцы и подружки

Анхельм

– Он мне отказал, – сообщил Анмар, и я даже не удивился, этого следовало ожидать.

Ребята собрали для меня досье на Ринора Лермида, который был далеко не простым аристократом. Он приходился старшим сыном верховному судье, работал судебным заступником и прекрасно знал законы своей страны. А по этим законам никто не мог заставить хозяина продать раба, оказание давления строжайше запрещалось.

– Я предложил ему крупную сумму, – продолжил Мар. – Намекнул, что буду очень благодарен, если он согласится. Но он ответил категорическим отказом.

Мы с младшим айвирским принцем встретились в маленьком сквере в пригороде Тирона. Мар прислал записку, и я сразу сорвался к нему. В глубине души надеялся, что ему удалось договориться с хозяином Эбелин, но при этом понимал, насколько это маловероятно.

Сегодня супруг Эниремии оделся неприметно, на голову накинул глубокий капюшон плаща, но часть лица оставалась открыта, и мой взгляд постоянно цеплялся за безобразный шрам на его щеке. Анмар был молод, но за двадцать шесть прожитых лет жизнь потрепала его едва ли сильнее, чем меня самого. Он больше других пострадал от ненависти моего отца к айвам. Можно сказать, Мар не просто чудом выжил, а буквально вернулся из-за грани, чтобы отомстить. И с тех пор его белоснежные крылья стали чёрными.

– Хельм, не знаю, зачем тебе понадобилась эта рабыня, но рекомендую отступить, – сказал Анмар, садясь на кованую лавочку под раскидистой елью.

– Не получится. Более того, Мар, я намерен увезти Эбелин в Вергонию, – ответил я. – Поэтому хочу инициировать пересмотр её дела. И здесь мне тоже понадобится твоя помощь.

У меня почти не осталось сомнений, что старая ведьма Гарсиния в своём предсказании говорила именно об Элин. За прошедший месяц я

встречал немало подходящих айвирок, но ни одна не вызвала у меня каких-то особенных эмоций. А вот Эбелин заинтересовала. Было в ней что-то цепляющее, притягивающее. Хотя каких-то особенных чувств к ней я не испытывал.

Но Гарсиния и не говорила, что я должен влюбиться без памяти. Лишь сообщила о девушке, предназначенной мне судьбой. Конечно, хотелось бы получить подтверждение правильности находки, но я пока не представлял, как это сделать.

– Гервин знает о твоём к ней интересе и о ваших с ней встречах, – сообщил Анмар.

– Это было ожидаемо, – ответил я, нахмурившись. – Но спасибо за информацию. Поможешь с пересмотром дела? Я написал свои показания, всё заверил. Девочка действительно не виновата. Если понадобится, подтверждаю это под действием вашего артефакта истины.

– Сделаю, – кивнул Мар. – Эниремия сказала, что ты ищешь жену. Неужели решил остановить выбор на рабыне?

– А почему нет? – я ухмыльнулся и сунул руки в карманы брюк. – Запретить мне никто не сможет. В мирном договоре указано, что я должен жениться на айвирке без каких-либо дополнительных уточнений.

– Но пока она рабыня, это невозможно, – покачал головой Анмар.

– Поэтому мне и нужен пересмотр её дела. Причём, как можно скорее. Иначе, Мар, я увезу её так.

Он хорошо меня знал и не мог не понимать, что это не пустые слова. Да, увезу, как-нибудь избавлю от ошейника, женюсь на ней по всем правилам, со всеми ритуалами, и тогда уже никто не сможет её забрать. Но лучше постараться сделать всё правильно и по закону... пока у нас ещё есть на это время.

– Хельм, давай без крайностей, – напряжённым тоном попросил Анмар. – Подумай о сестре. Каждая твоя выходка сказывается на ней. Эниремия и так в народе не принимают, опять же, из-за тебя. Айвы ещё слишком хорошо помнят войну и то, что у них отобрали честно завоёванные территории. Да, Гервин не желает нового конфликта, но твоё поведение может быть расценено как плевок в лицо всему нашему королевству.

– Просто помоги скорее организовать пересмотр дела, – ответил я с нажимом. – Тогда всё обойдётся.

– А ты поищи себе другую невесту, – раздражённо бросил Мар. – На всякий случай. Хочешь, познакомлю с хорошей девушкой?

– Мне нужна именно эта, – заявил я холодным тоном, – и я её получу. А войны не будет, Мар. Уж точно не сейчас. Обе наши страны к ней не готовы и нацелены на мир.

Он не стал отвечать, но смотрел на меня, словно на опасное хладнокровное чудовище. Возможно, жалел, что не убил, когда у него была такая возможность. Я ведь попал в замок Айнс как раз после того, как Анмар вонзил свой клинок мне в грудь. Можно сказать, что он тоже отчасти виноват в приговоре, вынесенном Эбелин. А ещё его бесило, что тогда я сыграл им, как пешкой... и продолжаю играть до сих пор.

– Иногда я тебя боюсь, – вдруг сказал супруг моей сестрёнки. – Ты, Хельм, страшен именно в своей отчаянной непредсказуемости.

– Страшен тот зверь, которому нечего терять, – пожал я плечами.

– За тобой Вергония, – с упрёком напомнил Мар. – Страна, в которой ты король.

– И я действую исключительно в её интересах. Поверь, я давно разучился думать о себе и своих желаниях. И Эбелин в качестве супруги правителя нужна именно Вергонии. Будь моя воля, я бы женился на совершенно другой девушке. Благо, принцесс в соседних королевствах хватает. Но обстоятельства сложились иначе.

Он покачал головой.

– Я очень рад, что удалось спасти от тебя Эниремию, – проговорил младший принц Айвирии. – Не понимаю, почему, но даже после всего, что ты сделал, она всё равно продолжает считать тебя самым родным и близким человеком. Любит тебя безоговорочно.

– Она моя родная сестра. Я тоже её люблю, Мар, как умею. Но для неё давно самым близким стал ты... точнее, вы с Альвинией. Знаю, что, если бы не Эниремия, ты бы даже разговаривать со мной не стал. Но так уж вышло, что мы с тобой теперь родственники, и я рассчитываю на твою помощь.

– Я помогу, – бросил он, отводя взгляд. – Дело пересмотрят в самое ближайшее время.

Сказав это, Мар поднялся с лавочки, оттолкнулся ногами и, не прощаясь, взмыл вверх. Тёмное ночное небо быстро скрыло чернокрылого айва, а я остался в сквере один.

Эбелин

Следующим утром Сиалия снова отправилась в столовую вместе со мной, но на сей раз повела не за отдельный столик, а туда, где сидели её закадычные подружки-близняшки. На моё появление те отреагировали равнодушно – просто мазнули по мне взглядами и перестали обращать внимание, куда больше их интересовала Сия.

– Скажи, ты правда встречаешься с тем черноволосым вергонцем? – негромко, но взволнованно спросила её одна из рыжих сестёр. – Как ты решилась? Отец же тебя приберёт, когда узнает.

– Не думаю, что папе есть до этого дело, – отмахнулась Сиалия. – А с Холтером мы просто проводим вместе время... к обоюдному удовольствию.

– Но он же враг нашей страны! – воскликнула вторая из близняшек, правда, тут же притихла и продолжила уже гораздо более спокойным тоном: – Как ты можешь?

– В первую очередь, он молодой и очень интересный мужчина, – самодовольно ответила Сиа. – К тому же, говорят, что один из вергонцев теперь помогает нашим целителям с особенно сложными случаями. Восстановил каналы боевика с пятого курса, теперь оказывает помощь другим. Разве враги так себя ведут?

Близняшки одинаково насупились, но ничего не ответили, демонстративно приступив к еде. Сия же обвела столовую взглядом и, ухмыльнувшись, сказала:

– Но, гляньте, не только я с вергонцем подружилась. Вижу, их, наконец, приняли.

Сиалия кивнула в сторону, и мы все уставились в нужном направлении. А там за большим столом сидели пятеро вергонцев в компании наших студентов с боевого. Они все что-то активно обсуждали, смеялись и врагами точно не выглядели.

Я посмотрела на Арта, сидящего между тем самым Холтом и рыжеволосым худым вергонцем. Будто бы почувствовав мой взгляд, Артиул тоже посмотрел на меня, но тут же отвернулся, не став никак демонстрировать наше знакомство – не кивнул, не подмигнул, не улыбнулся. Да, я понимала, что он поступает правильно, но мою душу всё равно неприятно кольнуло обидой.

– Надолго они к нам приехали? – спросила подружка Сиалию. Эх, надо мне уже как-то начинать различать близняшек.

– Холт сказал, что на три недели. Но могут и задержаться или, наоборот, уехать раньше, – ответила ей моя хозяйка.

– Кто он вообще такой? Вряд ли простого парня отправили бы сюда в составе делегации, – проговорила вторая сестра.

Сия загадочно улыбнулась, состроила хитрый вид, но всё же ответила:

– Лорд Холтер Ранский – советник его величества по вопросам образования, – сказала она шёпотом, а у близняшек округлились глаза.

– Такой молодой, а уже советник? – удивилась Белия. Да, буду считать, что справа сидит именно она. А слева – Нелия.

– Так и сам король у них очень молод, – напомнила Сиа. – Анхельму Вергонскому 26 лет. А Холт – его близкий друг.

– Так ты что, метишь ему в жёны? Согласилась бы, если бы позвал? – с лёгким упрёком поинтересовалась Нелия.

– Не знаю. Но подумала бы точно, – чуть надменно ответила Сиалия. – Кстати, говорят, его величество Анхельм должен жениться на айвирке. Может, и его друзья захотят взять в жёны девушек из нашей страны. Но мы с Холтом ещё мало знакомы для столь серьёзных шагов.

– А вдруг они прибыли сюда, чтобы подобрать супругу своему королю? – округлив глаза, предположила Белия.

Сиа в ответ только пожала плечами и вернулась к завтраку. Я же лишь сейчас заметила, что до сих пор ничего не съела – слишком заинтересовалась разговором о вергонцах. А ведь скоро уже начнётся первое занятие.

Девушки продолжили болтать о чужаках и, казалось, никуда не спешили. Я же быстро расправилась с едой и тихо ушла. На Арта больше не смотрела, чтобы даже случайно не показать нашего с ним знакомства. Ведь если Сиа узнает об этом, мне точно несдобровать.

В аудитории перед началом занятия мои однокурсники тоже обсуждали вергонцев. С восхищением говорили о том, что один из них восстановил магические каналы парню, который уже и не надеялся на выздоровление. Пытались понять, как чужаку такое удалось, какие он мог использовать методы. Но никто даже предположить не мог, что он просто колдун.

Я заняла своё обычное место в самом последнем ряду, достала учебник по травологии, тетради. Но когда решила перечитать вчерашнюю лекцию, со мной рядом кто-то сел.

– Привет, – проговорила принцесса Кэтрин, тепло мне улыбнувшись.

– Доброго дня, ваше высочество, – ответила я.

– Ты говоришь? Наконец-то, – по-доброму удивилась девушка. – Неужели хозяйка отменила приказ?

– Да. Она разрешила мне общаться с другими студентами.

– Это же замечательно! – её глаза сияли радостью. – А о чём гудит академия? Пока я шла сюда, слышала только обрывки разговоров.

– Один вергонец вылечил парня с выгоревшими магическими каналами, – пояснила я.

– И как же он это сделал? – задумчиво поинтересовалась принцесса. – А кто из них, знаешь?

– Артиул. Светловолосый, голубоглазый, – пояснила я.

Её высочество на мгновение задумалась, будто вспоминая тех, кого видела в вергонской делегации, но потом вдруг усмехнулась.

– Неожиданно, – произнесла она удивлённо. – Впрочем, ему такое точно по силам.

– Вы знаете Артиула? – вырвался у меня вопрос.

Осознав, с каким интересом прозвучали мои слова, я тут же сжалась, опустила голову, но эрни Кэтрин сделала вид, что не заметила моей оплошности.

– Знаю, – она вздохнула. – Хоть и не очень хорошо. Сталкивались как-то. Я ведь тоже вергонка. Была. До войны.

Потом она как-то особенно пристально посмотрела мне в глаза и тихо спросила:

– Он тебе понравился?

– Нет, что вы. Да и как можно... я же рабыня, – быстро, но тихо начала оправдываться я.

– Вот и правильно. Не стоит. Да и хватит о нём. Лучше расскажи, что я вчера пропустила на лекциях. Увы, не могу посещать академию каждый день.

И я рассказала: о новой теме по хирургии, о практикуме по целительским заклинаниям, о семинаре по лекарственным зельям и снадобьям. Она слушала внимательно, попросила у меня конспект до завтра. И даже после того, как пришел преподаватель и занятие началось, мы продолжили тихо переговариваться.

Так получилось, что весь этот учебный день я провела с принцессой Кэтрин. Даже на обеде в столовой она села со мной, а ещё попросила обращаться к ней на «ты». Не знаю, почему её высочество решила подружиться именно со мной, но я была этому безумно рада. Мне и вправду понравилось с ней общаться, и совсем не потому, что она принцесса.

Впервые за последний год моё настроение было таким хорошим и безоблачным. Хотелось улыбаться, петь, танцевать, даже возникло ощущение, что я могу призвать крылья и взлететь в небо. Жаль, с ошейником это было невозможно, но сейчас меня почти не волновал собственный рабский статус.

Распрощавшись с принцессой после пятого занятия, я направилась к выходу из главного учебного корпуса и там неожиданно увидела Арта. Сначала улыбнулась, осознав, что, действительно, очень рада этой встрече. Но потом заметила, что он стоит с тремя девушками, одну даже обнимает за талию, при том, что две другие откровенно с ним кокетничают.

И, казалось бы, меня не должно волновать, с кем он проводит время, кому улыбается, кого обнимает, но я вдруг почувствовала себя полной дурой. Глупой девчонкой, которая умудрилась поверить, что и в самом деле ему интересна.

А ведь он не скрывал, что общается со мной лишь потому, что мы оба с ним изгой. Но теперь ситуация изменилась. Артиул стал всеобщим любимчиком, едва ли не героем в глазах студентов, в то время как я так и осталась рабыней.

Понуриив голову и привычно опустив плечи, я поправила сумку на плече и быстро прошла мимо вергонца с его подругами. На них больше не смотрела, а от хорошего настроения не осталось и следа.

Наверняка Арт больше не придёт на наше место, ведь теперь наши встречи не имеют для него смысла. И как бы ни было грустно, но мне придётся с этим смириться. Такие, как я, вообще не должны испытывать чувств и, уж тем более, показывать их окружающим. Рабыня – это ведь почти вещь. Вряд ли Арт будет переживать, что сначала дал мне хрупкую надежду, а потом просто отвернулся.

Но когда я уже подходила к общежитию, вдруг услышала у самого уха тихий шёпот:

– Жду на закате.

Конечно, я тут же остановилась, обернулась, но никого рядом не увидела. Нет, по аллее шли и другие студенты, но все они были далеко, а шёпот прозвучал совсем рядом. И это совершенно точно был Артиул.

– Не вертись. Всё равно не увидишь, – прозвучал рядом лёгкий смехок. – До встречи, Элин.

На моих губах против воли расцвела улыбка, а от сердца будто разлилось мягкое тепло.

– Я приду, – шепнула едва слышно.

– Умница, – прозвучало в ответ, и мою ладонь на мгновение сжали тёплые пальцы.

Не представляю, как он сумел так скрыться, будто бы стал полностью невидимым, но меня это почему-то даже не напугало. Наверное, я просто начала привыкать к странностям и неожиданным выходкам вергонца, да и к нему самому.

А ещё, стоит признаться хотя бы себе, я действительно заинтересовалась им, сама не заметила, как впустила его в свою душу. Всего за несколько встреч умудрилась проникнуться к нему симпатией и доверием. Позволила себе поверить, что и впрямь ему интересна.

Не знаю, что ждёт меня дальше, и сможет ли Арт действительно организовать пересмотр моего дела, но одно я твёрдо понимала уже сейчас: я никогда не забуду его доброту. И даже если ничего не получится – всё равно буду ему очень благодарна.

Глава 10. Хозяин, твари и чудо

К вечерней встрече я готовилась особенно тщательно. Долго расчёсывала волосы, пока они не стали блестеть. Потом заплела их в косы... расплела, заплела снова. Пыталась убедить себя, что всё дело в магии, которую сегодня Арт снова поможет мне освободить от действия ошейника. Но потом всё же поняла, что главная причина именно в вергонце. Ведь несмотря на то, как изменилось отношение к нему в академии, несмотря на явное внимание со стороны студенток, он всё равно решил провести вечер именно со мной. С рабыней.

Словно издеваясь, время тянулось очень медленно. Пока я ждала восьми вечера, когда можно будет уйти, успела переделать все задания Сиалии, да и свои тоже. На ужин сходила сама, благо в столовой по вечерам было почти пусто.

А ещё я нервничала – с каждой минутой душу всё сильнее скручивало из-за странного волнения. И сначала я приняла его за предвкушение встречи с вергонцем, но потом поняла, что дело здесь в чём-то другом, но никак не могла определить, в чём именно.

Когда до начала моего свободного времени осталось каких-то пятнадцать минут, я уже была готова к выходу. Сидела на диване в гостиной, смотрела на часы и мысленно торопила капризную секундную стрелку. А услышав звук открывающейся двери, вздрогнула.

– Куда-то собираешься? – спросила вошедшая в комнату Сиалия, но ответа дожидаться не стала. – Иди к главным воротам академии. Там тебя Ринор ждёт.

Едва смысл этих слов уложился в моей голове, как сердце сжалось от страха. Я вся будто превратилась в ледяную статую, и только пульс становился всё быстрее и быстрее.

– Иди. Чего застыла? Знаешь же, как Ринор не любит тратить время впустую, – добавила Сиа.

Я медленно поднялась. Вытерла о юбку вмиг вспотевшие ладони и судорожно сглотнула.

– За... зачем я ему... понадобилась? – проговорила тихим дрожащим голосом.

Да, я не должна была спрашивать, не имела на это права, но слова вырвались сами собой.

Сиалия сочувственно вздохнула и даже не стала ругать меня за вопрос.

— Ясное дело, зачем, — ответила она. — Соскучился по своей игрушке. Тем более, ты сейчас выглядишь совсем не такой забитой, как в последние месяцы.

Меня передёрнуло. От одной мысли, что хозяин потащит меня в свою спальню, к горлу подкатила тошнота. Перед глазами поплыло, голова пошла кругом, даже пришлось снова сесть на диван, потому что ноги вдруг перестали меня держать.

— Иди, — с нажимом произнесла Сиа. — Или хуже будет. Помни, что он всё равно завтра вернёт тебя в академию, не станет идти против приказа принца Гервина о твоём зачислении.

Сиалия говорила строго, но в её взгляде я заметила неожиданное сочувствие, да только от него стало ещё страшнее.

— Иди, Эби, — в третий раз повторила Сиа. — Если Ринору надоест ждать, он заставит тебя прийти через ошейник. Будет хуже. Так что вставай и отправляйся к хозяину.

Я растеряннo выдохнула и снова поднялась на ноги. Коленки тряслись, руки пришлось сжать в кулаки, но решиться всё равно не получалось. И вдруг по ошейнику прошёл лёгкий импульс — пока предупредительный, указывающий на то, что у хозяина заканчивается терпение. Да, Сиалия права, если Ринор разозлится, то рабский артефакт притащит меня к нему силой, и это будет очень больно.

Из комнаты я выходила с чувством обречённости, хотя где-то в глубине души ещё жила надежда, что всё обойдётся. По ступенькам спускалась на негнущихся ногах, а к выходу из общежития ковыляла, как на плаху.

Мимо прошёл черноволосый вергонец, с которым Сиа закрутила интрижку. Наверное, стоило окликнуть его, попросить передать Арту, чтобы не ждал меня сегодня... но я не успела. Пока собиралась с мыслями, парень уже скрылся на лестнице, видимо, очень спешил к Сиалии.

На улице было тепло и ясно, солнце клонилось к закату, в воздухе пахло свежестью и какими-то цветами, а моё сердце с каждым шагом всё сильнее сжималось от страха. Когда же я увидела хозяина,

стоящего по другую сторону от высоких кованых ворот академии, на глазах навернулись слёзы.

Великие Стихии, как же в этот момент мне хотелось развернуться и убежать. Почему-то в мыслях я мчалась напрямик к лавочке, где меня ждал Арт, бросалась в его объятия и умоляла помочь. Возможно, так и следовало бы поступить, но... пришлось отказаться от этой мысли. По законам Айвирии, Ринор – мой хозяин, а если Артиул вмешается, его точно будут ждать неприятности.

– Ну, наконец-то, – недовольно бросил эрн Лермид, когда я вышла за ворота. – Ты заставила меня ждать, и за это придётся ответить. Но позже. Сейчас иди в машину.

Дальше всё было как в тумане. От страха я толком не соображала, что происходит вокруг. Некоторое время мы ехали по улицам города, потом хозяин вытянул меня за руку из салона и повёл к незнакомому особняку, там сразу потащил на второй этаж, завёл в спальню и подтолкнул к открытой двери в ванную комнату.

– Вымойся. Потом можешь не одеваться. Замотайся в полотенце и жди, – сказал он, цинично ухмыляясь. – У меня на тебя большие планы. Поверь, Эби, будет очень жарко. И ещё... завяжи волосы в высокий хвост.

С этими словами он всё-таки оставил меня одну.

Но вместо того, чтобы отправиться исполнять приказ хозяина, я обессиленно упала на колени, обхватила плечи руками и разрыдалась. Меня трясло, слёзы лились рекой и не собирались останавливаться. От одной мысли, что хозяин собрался делать со мной этой ночью, перед глазами начинало темнеть.

В отчаянии я вцепилась пальцами в ненавистный ошейник, попыталась его разорвать или хотя бы призвать магию, но ни то, ни другое было невозможно. Сколько ни старалась, сколько ни прикладывала сил, но ничего у меня не вышло.

Не знаю, как долго я так просидела на полу незнакомой комнаты – время будто остановилось или просто стало идти как-то мимо меня. Постепенно отчаяние переросло в удушающую панику, а потом скатилось в оглушительную апатию. В какой-то момент стало всё равно, что будет дальше, и даже возникла мысль сопротивляться хозяину до тех пор, пока ошейник меня не угробит. И пусть это будет последний стоящий поступок в моей жизни, но я хотя бы не сдамся.

Когда это решение утвердилось в голове, даже дышать стало легче. Расстраивало только то, что я больше не вернусь в академию, не увижу Артиула, не поговорю с принцессой Кэтрин. Какая ирония судьбы: почти подружиться с будущей королевой и сдохнуть от рабского ошейника.

На моих губах появилась горькая полубезумная улыбка. Чтобы собрать хоть немного сил для будущего сопротивления, я всё же дошла до ванной, поплескала в лицо холодной водой и вернулась в комнату. Осмотревшись, села в кресло у окна и принялась ждать завершения своей жизни.

Казалось, в такой горький момент мне стоило думать о высоком, о духовном, но в голову лезли всякие глупости. О том, что сделала доклад по хирургии, который уже не сдам. О заданиях Сиалии, которые не успела ей объяснить. О принце ГERVINE, чей приказ о зачислении в академию рабыни оказался бессмысленным. А потом вдруг подумала о папе. Он ведь будет горевать, снова погрязнет с головой в работе, как это было после ухода мамы. Но однажды смирится, забудет, снова начнёт жить... Он сильный – всегда был намного сильнее меня. Значит, обязательно справится. В конце концов, в моём рабстве папа точно не виноват.

Мне казалось, что морально я теперь готова ко всему. Но когда дверь открылась и в комнату вместе с Ринором вошли ещё двое мужчин, я попросту впала в ступор.

– Всё-таки интересная у тебя рабыня, – сказал один, сунув руки в карманы брюк. – Симпатичная. Очень даже.

– Мне тоже нравится, – добавил второй, разглядывая меня сальным взглядом. – Зря ты, Рин, только сейчас согласился на нашу маленькую авантюру. Столько времени упустили. Ну, ничего. У нас вся ночь на эту крошку.

Первый был крупным брюнетом, второй – невысоким шатеном, и оба они смотрели на меня с холодным интересом.

– Она ваша, – махнул рукой хозяин и расслабленно сел на кровать.

Я до последнего надеялась, что он имеет в виду что-то другое. Возможно, желает меня продать. Но, когда брюнет подошёл ко мне вплотную, вздёрнул на ноги и начал расстёгивать на мне форменный пиджак, стало ясно, что чуда ждать бессмысленно. Второй негодяй подошёл сзади, прижался ко мне бёдрами и крепко обхватил за талию.

Потом начал задира́ть на мне юбку... И только в этот момент я будто проснулась.

Резко оттолкнула того, что был впереди, рванула в сторону от второго, принялась судорожно поправлять одежду и пятиться назад.

– Горячая штучка, – цокнул языком шатен. – Это будет интересно.

Когда он снова приблизился, я попыталась его ударить, но негодяй перехватил мою руку, зашёл за спину и заставил выгнуться. От боли хотелось завывать, от беспомощности – разрыдаться. Возникший передо мной брюнет резко рванул полы моей рубашки в разные стороны, пуговицы посыпались, а противные грубые лапы этой твари легли на мою грудь.

Потом он стянул с меня юбку, вместе с бельём, и больно надавил пальцами на лоно.

– Сухая совсем, – бросил недовольным тоном и обернулся к Ринору.

– Можешь языком смочить. Ей понравится, – оскалился хозяин, которому явно доставляло удовольствие наблюдать за происходящей перед ним мерзостью.

– Так сойдёт, – отмахнулся брюнет и принялся расстёгивать свои брюки.

– Прикажи ей удовлетворить меня ртом, – требовательно выдал подонок, который так и держал мои руки.

– А ты её заставь, – рассмеялся хозяин. – Так ведь интереснее.

Я снова и снова пыталась вырваться, пиналась, кусалась, кричала, звала на помощь, хоть и понимала, что никто не откликнется, никто не придёт. Закончилось моё яростное сопротивление после грубой, хлёсткой пощёчины. Не знаю, кто бил, не видела, не разобрала, но после этого удара в глазах потемнело, а лицо запылало так, будто его приложили калёным железом. Не упала я только потому, что меня снова кто-то перехватил... я уже не понимала, кто.

– Ты что наделал, придурок?! – рявкнул Ринор. – Как я её с таким лицом завтра принцу вручу? Говорил же вам, чтобы без лишних следов.

– Вызову целителя, он всё залечит. Будет твоя рабыня, как новенькая, – ответил ему брюнет, даже не думая сожалеть о сделанном.

Меня снова дёрнули, опустили лицом в постель, сильно и больно схватили за бёдра, но вдруг... отпустили. Я рыдала, не в силах успокоиться, отчаянно комкала руками одеяло и не сразу сообразила, что за спиной происходит что-то странное. Слышалась ругань, звуки ударов, чужие громкие вопли, какая-то возня, но всё это происходило будто где-то в другой реальности.

Осознав, что меня никто не держит, я сползла с кровати, сжалась в комочек и обхватила руками колени. Перед глазами всё плыло из-за пелены слёз, и даже дышать нормально не получалось.

– Сейчас, Элин, маленькая, сейчас, – говорил кто-то рядом.

И этот голос показался мне настоящим лучом света, пробившимся сквозь черноту сгустившихся туч. Я подняла голову, сморгнула слёзы, и в этот момент на мои напряжённые плечи легло что-то мягкое, а потом меня подняли на руки и куда-то понесли.

– Всё будет хорошо, обещаю тебе. Подобного в твоей жизни больше никогда не повторится, – говорил кто-то близкий, прижимая меня к себе.

Я дрожала, но тепло одеяла и чужого тела постепенно успокаивали. Когда мы покидали комнату, успела заметить, что на полу лежат трое мужчин: Ринор и два его приятеля. И только сейчас осознала, что меня действительно спасли.

– За это Гервин ответит мне отдельно, – прорычал несущий меня Артиул. – И пусть только попробует что-нибудь предъявить.

– Арт, – прошептала я сухими губами, говорить в голос не получалось. – У тебя же будут... неприятности...

– Не думай об этом, – сказал он строго. – Разберусь. И... я сейчас тебя усыплю. Проспишь до утра.

Отвечать не стала. Я и сама была на грани обморока от всего пережитого. Если хочет, пусть усыпляет.

Арт усадил меня в машину, но я сразу начала клониться вбок, и ему пришлось устроить мою голову на своём плече и обнять крепче.

– Хельм, куда везти? – спросил водитель.

– В академию, – ответил Арт.

И это было последним, что я услышала перед тем, как погрузиться во тьму наведённого сна.

Анхельм

Элин спала на моём плече. Во сне её измученное лицо чуть расслабилось, но девушка всё равно иногда вздрагивала и пыталась отодвинуться. Я обнимал её, прижимал к себе, шептал, что она в безопасности, что всё закончилось и никто её больше не тронет. А перед глазами снова и снова вставала картина, которую я увидел, ворвавшись в комнату на втором этаже милого с виду особняка в центре города.

За свою жизнь мне приходилось встречать много всякого дерьма, но увиденное сегодня основательно пошатнуло моё хваленое хладнокровие. Три твари, посмеявшие так поступить с Эбелин, должны быть благодарны моим стальным нервам и гранитной выдержке за то, что я смог оставить их в живых. Пока. И лишь по той причине, что не хотел лишних проблем с Гервином. Завтра я скажу ему о том, что требую справедливости. И если его справедливость в отношении этой тройцы меня не устроит, свершу свою.

А ещё я твёрдо решил, что заберу Элин. И плевать на ошейник – найду способ его снять. Но никто и никогда больше не посмеет ей приказывать. Она сама будет отдавать приказы.

До сегодняшнего вечера я ещё сомневался, о ней ли говорила Гарсиния в своём предсказании. Но когда на закате Эбелин так и не пришла, я вдруг почувствовал странное волнение. Да, у девушки могли возникнуть другие дела, в конце концов, её могла не отпустить хозяйка. Я был уверен, что она просто осталась в своей комнате, но всё равно попросил Холта осторожно выяснить причину у Сиалии.

Когда он узнал, что Эбелин увёз хозяин, то тут же примчался ко мне, ну а дальше мы уже действовали вдвоём.

Самым сложным оказалось отыскать девушку. Ошейник блокировал её магию, поэтому обычный магический поиск результата не давал. Пришлось найти её личную вещь и провести сложный колдовской ритуал. Да, это заняло у нас почти час, но зато я выяснил,

где именно нужно искать Элин. А ещё почувствовал, что она не просто напугана, а в полнейшем отчаянии.

Я спешил к ней, как мог. Холт сел за руль, потому что меня самого слегка потряхивало. А когда мы оказались у нужного дома, я уже не думал об осторожности. Внутрь вошёл, прикрывшись лишь отводом глаз, но даже этого оказалось достаточно, чтобы остаться незамеченным для прислуги. Холтер шагал следом, хоть я и просил его остаться в машине, он не смог отпустить меня без подстраховки. Кстати, одного из недоносков, посмеявшихся посягнуть на Элин, вырубил именно он. Могу сказать, что тому мерзавцу повезло больше остальных. Он просто лишился сознания, в то время, как его дружков я щадить не стал. Да, они остались живы, но без помощи хорошего целителя вряд ли в ближайшее время встанут на ноги.

Сейчас, когда Эбелин была рядом со мной, я окончательно убедился, что она – та, кого я искал. И права была Гарсиния: магические узы, связавшие её с хозяином, оказалось сложно разорвать даже с моими возможностями.

– Хельм, ты же понимаешь, что вряд ли подобное происходило с ней впервые, – проговорил с водительского места Холт. – Она почти год в рабстве, и мы не знаем, сколько за это время у неё было таких «тройничков» или даже чего похуже. Если учитывать, что она участвовала в этом не по своей воле, то страшно представить, как истрёпана её душа. Не такая королева нужна Вергонии.

Я не стал затыкать ему рот, понимал же, что Холтер говорит это не из злости или желания обидеть, а просто констатирует факты. Да, бывшая рабыня – не лучший вариант на роль супруги короля. И всё же я чувствовал, что Гарсиния говорила о ней, а эта старая ведьма видит и знает куда больше, чем все мы вместе взятые.

– Моя душа тоже была не раз изорвана в клочья, – ответил я, погладив спящую девушку по плечу. – Пока Элин – рабыня, я в любом случае не смогу на ней жениться. Следовательно, нужно как можно скорее организовать пересмотр её дела.

– Значит, ты всё же уверен, что нашёл ту, о ком говорила старая ведьма?

– Да, – я поймал его взгляд в зеркале заднего вида и кивнул.

А произнеся это вслух, почувствовал, что действительно принял верное решение, и губы сами собой растянулись в лёгкой улыбке. Да,

кажется, я и впрямь нашёл ту самую девушку, которая поможет мне решить проблемы и с ведьмами, и с айвирцами. Ну, а если хорошей королевы из неё не выйдет, я её отпущу. В конце концов, нам совсем не обязательно заключать нерушимый брак. Просто проведём обычный ритуал, какой используют лишённые дара пары.

И всё же интуиция упрямо твердила, что я сделал правильный выбор. Осталось решить сопутствующие этому выбору проблемы, а кроме того, получить согласие самой Элин. И что-то мне подсказывает: последнее сделать будет сложнее всего.

Нет, с Артиулом она бы, возможно, и уехала. Да и замуж за него согласилась бы выйти. Но меня настоящего она не просто ненавидит, а считает причиной всех своих бед. Я понимаю её, почти год она цеплялась за эту ненависть, держалась за неё, как за спасательный круг. Короля Вергонии воспринимала как вселенское зло. Я стал для неё воплощением жестокости и коварства, тем, кому она помогала, и кто обернул эту помощь против неё.

Конечно, в идеале было бы сначала сделать так, чтобы она в меня влюбилась, а уже потом открывать тайну собственной личности. Только нет у меня столько времени. Значит, придётся снова действовать прямо и наверняка. А рассказать правду придётся сразу после суда, причём сделать это так, чтобы у Элин не осталось возможности мне отказать.

Да, это вряд ли хорошо отразится на наших отношениях, но сейчас для меня главное – свадьба. А налаживать контакт с супругой буду уже потом, когда айвирцы и ведьмы перестанут совать носы в мою личную жизнь.

Глава 11. Апатия, сделка и предложение

Эбелин

Открыв глаза, я ещё долго лежала, просто глядя перед собой. Смотрела на выкрашенную в светло-серый цвет стену незнакомой спальни и никак не могла собраться с силами, чтобы хотя бы сесть. Не хотелось ничего: ни пить, ни есть, ни шевелиться. На улице светило солнце, ветерок из приоткрытого окна шевелил штору, касался моего лица, но мне было всё равно.

С улицы доносился чей-то беззаботный разговор, звонкий смех, только меня всё это не волновало. Я больше не видела смысла ни в чём... и в собственной жизни в первую очередь.

Как ни старалась не думать о случившемся вчера, но эти воспоминания были слишком яркими. В памяти вспышками проносились наиболее жуткие моменты, и я словно наяву почувствовала, что меня снова лапают чужие руки, держат, бьют...

Притянув колени к груди, сжалась в комок и вцепилась пальцами в одеяло. Слез не было... кажется, они закончились ещё вчера. Голос я тоже скорее всего сорвала, но проверять не стала. Зачем что-то говорить, если мои слова ни для кого ничего не значат?

Не знаю, сколько я так пролежала, но щелчок открывшегося замка на двери будто бы выдернул меня в жуткую реальность, в которой всё произошедшее могло повториться снова, а я ничего не смогу с этим сделать. Вчера могла сопротивляться только потому, что хозяин не приказал быть покорной. Видимо, это показалось ему забавным развлечением. Он дал мне шанс побороться за мою честь и от души повеселился, наблюдая за тем, как я пытаюсь отбиться от его дружков. Знал же, что достаточно будет всего одного слова, чтобы я покорилась чему угодно.

– Элин, проснулась? – проговорил где-то рядом Артиул.

Я помнила, что именно он вчера забрал меня. Унёс. Усыпил. Спас? С какой-то стороны, да. Но, по сути, сделал только хуже, ведь теперь хозяин меня обязательно накажет. И в глубине души мне даже

хотелось, чтобы Ринор перестарался с приказами, и магия ошейника всё-таки оборвала мою жизнь.

– Эбелин, – снова позвал вергонец и, судя по звуку, сел на край кровати. – Как ты себя чувствуешь?

Как? Уничтоженной. Униженной. Разбитой. Растоптанной. Но стоит ли ему об этом говорить? Имеет ли это хоть какое-то значение?

Арт подвинулся ближе, дотронулся до моей руки, и я отпрянула. Вцепилась в край одеяла, попыталась отползти подальше. Это получилось само собой, страх включился раньше разума, я даже не сразу поняла, как оказалась в самом дальнем от него углу кровати. Замерла, глупо вжавшись в деревянную спинку, будто она могла меня хоть как-то защитить.

А когда всё же подняла взгляд на Артиула, то сжалась ещё сильнее. Он смотрел на меня с досадой, жалостью и раздражением, а его руки были стиснуты в кулаки. Злится? Не удивительно, у него же теперь наверняка неприятности из-за вчерашнего порыва. Хозяин точно меня ищет и, скорее всего, уже подал заявление в стражу о похищении рабыни. Даже думать не хочу, какие последствия теперь ждут нас всех.

– Тебе нужно поесть и выпить успокоительный отвар. Я заварил, он как раз настаивается в гостиной, – тихо, медленно и очень спокойно произнёс Арт.

Он встал с кровати и отошёл чуть в сторону.

– Не бойся меня, пожалуйста. Я в жизни много плохого сделал, но женщин к близости никогда не принуждал. Клянусь тебе, – вдруг с надрывом выпалил Арт. – Никогда не трону тебя без твоего согласия. Обещаю, что сделаю всё, чтобы тебе помочь. Только, умоляю, не смотри на меня так.

Я ничего не ответила. Смысл его эмоциональной тирады пока доходил с трудом, и верить в эти слова никак не получалось. Да, вчера он забрал меня у хозяина, фактически, нарушив закон, но...

– Я вижу в твоих глазах страх и недоверие, – снова заговорил вергонец. – Понимаю, что после вчерашнего тебе особенно сложно поверить во что-то хорошее. Но постарайся взять себя в руки. Знаю, Элин, ты очень сильная. Ты сможешь справиться с таким эмоциональным потрясением. И я помогу, сделаю всё, что будет в моих силах. Но для начала тебе нужно поесть и успокоиться.

Я продолжала сидеть неподвижно. Одеяло сжимала всё так же крепко, но напряжение начало потихоньку отпускать. Даже плечи чуть расслабились, что не укрылось от взгляда Артиула.

– Мне ведь уже предъявили официальную претензию за то, что я украл тебя вчера у законного владельца. В ответ я подал на эту падаль встречное заявление за жестокое обращение с рабыней и отдавать тебя ему отказался категорически, – принялся рассказывать Арт, медленно пройдя по комнате. – В итоге в это дело пришлось влезть Гервину. И... в общем, сегодня он на законном основании станет твоим хозяином.

Я вздрогнула, глаза округлились, рискуя выскочить из орбит. Непроизвольно дёрнула плечом, потеряла равновесие и чуть не упала с кровати, ведь сидела же на самом краю. Арт очень быстро оказался рядом, поймал меня, вернул обратно и уже хотел отпустить, но... падая, я вцепилась в его руку так сильно, что теперь просто не могла разжать пальцы. Нервное напряжение, вчерашнее потрясение, да и всё остальное измотало настолько, что это простое падение с кровати что-то надорвало в моей душе или даже сломало окончательно. И теперь я просто физически не могла отпустить Артиула.

Но он не отшатнулся, хотя вцепилась я в него очень крепко, и ему точно было больно. Вместо того, чтобы попытаться освободиться, вергонец сел рядом со мной и мягко обнял свободной рукой. А я потянулась к нему, сама себя не понимая. Медленно опустила голову на его плечо и закрыла глаза.

Арт осторожно выдохнул, будто даже резким вздохом боялся меня спугнуть. Потом чуть погладил по напряжённо спине, и я почувствовала, как от него ко мне тонким ручейком льётся живительная энергия.

– Не бойся Гервина. Он тебе ничего плохого не сделает, тем более что ты умудрилась подружиться с его драгоценной Кэтрин, – говорил Арт, касаясь моей спины самыми кончиками пальцев. – Я уже побеседовал с ней, рассказал про твой приговор. Попросил помочь со скорейшим пересмотром дела. И она поможет, поверь. Кэт – девушка с большим сердцем.

– Это бессмысленно, – прошептала я, уткнувшись ему в шею. Так почему-то стало легче. – Меня не оправдают.

– Я же обещал тебе показания Анхельма, помнишь? – спросил Арт, коснувшись моих распушенных и наверняка растрёпанных

волос. – И я добьюсь того, чтобы с тебя сняли обвинения. Ты снова станешь свободной.

Он говорил об этом так, будто ни капли не сомневался в успехе. Но я, как никто другой, понимала, что надеяться не на что. Зачем вергонскому королю тратить своё время на какую-то там рабыню, пусть даже рабыней я стала именно из-за него?

– Не веришь, – Арт понял всё сам, даже говорить ничего не пришлось. – Ладно. Тогда предлагаю пари.

Он чуть отстранился и мягко приподнял пальцами моё лицо, чтобы видеть глаза.

– Условия такие: если после суда тебя не оправдают и не отпустят, я организую твоё похищение, избавлю от ошейника и увезу в Вергонию. Там ты сможешь начать новую жизнь с новыми документами. Согласна?

– Ты в своём уме?! – выпалила я, уже устав удивляться непредсказуемости этого человека. – Пойдёшь ради меня на преступление? На обострение международных отношений?

– Пойду, – кивнул он с уверенным видом. – Точнее... мне не придётся этого делать, ведь суд мы точно выиграем. И когда это случится, ты беспрекословно исполнишь одно моё желание. Любое, что бы я ни загадал.

– Пф, – вырвалось у меня, а губы растянулись в несмелой улыбке. – Да ведь от тебя можно ожидать вообще чего угодно. Я тебя знаю всего несколько дней, а уже поняла, что ты человек, способный на всё. Вдруг и вправду попросишь стать шпионкой или убить кого-нибудь. Нет, Арт, так рисковать я не могу.

– Зато ты начала оживать, – он провёл по моей щеке костяшками пальцев, но, когда я испуганно дёрнулась, сразу же убрал руку. – А моё желание никому не навредит. Да и тебе пойдёт на пользу.

– Тогда скажи сразу, чего хочешь? – попросила я. – Не надо интриг. Я же понимаю, что ты не просто так взялся мне помогать и готов сделать для меня нечто невозможное. У тебя наверняка есть для этого причины. А ведь точно, ты упоминал ведьму, которая предсказала, что найдёшь меня. То есть, не меня, но...

– Тебя, – утвердительно произнёс вергонец, тоже вспомнив тот наш разговор. – Да, дело в этом.

– Помню, ты в тот вечер так и не сказал, для чего я тебе понадобилась. Сейчас самое время ответить.

Он смотрел мне в глаза, но в его взгляде появились сомнения. Я видела, что он не хочет говорить правду, и уже решила, что выкрутится или отмахнётся, но Артиул удивил.

– Мне нужно на тебе жениться, – огорошил он меня. – Это важно. Именно на тебе.

– Но... – я растерянно заморгала и снова посмотрела на Арта, который внимательно наблюдал за моей реакцией. – Объясни.

– Не могу. Это долго и сложно. Позже. После суда. Давай? Я расскажу тебе всё и во всём признаюсь, – он говорил честно, смотрел открыто, и мне действительно хотелось ему верить.

– То есть, получается, если судьи меня оправдают, я должна буду стать твоей женой? – подвела я итог нашей странной беседы. – Так?

– Так, – кивнул Артиул и поймал мою руку, а ведь я даже не заметила, как ослабла моя нервная хватка. – Понимаю, что между нами нет чувств, поэтому предлагаю брак сроком на год, а потом я тебя отпущу. Но этот год ты будешь играть роль моей супруги, и, несмотря на наши истинные отношения, какими бы они ни были, для окружающих нам придётся очень достоверно изображать любовь.

Я горько усмехнулась, но на душе стало чуть спокойнее. Всё же, когда знаешь, чего ждать от возможного будущего, оно перестаёт пугать.

– А если я откажусь? – спросила я, сев ровнее. – От всего нашего с тобой пари. Что будет?

Арт чуть поджал губы, а его взгляд стал оценивающим. Он задумался и пока говорить не спешил. Вместо этого осторожно отпустил мою руку, поднялся на ноги и неспешно прошёл по комнате.

– Письменные показания Анхельма уже переданы судьям, – наконец, сказал он, остановившись у окна. – Возможно, для пересмотра дела им этого будет достаточно, но, насколько я знаю законодательство Айвирии, здесь на суде свидетель должен дать показания лично. Но ты представь, – Арт обернулся и посмотрел на меня, – каким риском для его величества будет приехать сюда на суд. Помимо всего прочего, придётся получить официальное разрешение короля Сергиуса, организовать дипломатов, подготовить визит. А заседание могут назначить на любой день. Да хоть на завтра.

Я слушала его внимательно. Уже поняла, что он не просто так пустился в объяснения. У него точно есть лазейка в этом сложном деле, к которой он, судя по всему, и ведёт.

– Следовательно, Анхельм может не успеть разобраться со всеми бюрократическими моментами ко дню суда. А без его личных показаний приговор вряд ли пересмотрят. Хотя... такое, в принципе, возможно, – продолжил Артиул. – Я же могу попросить организовать закрытое слушание, на котором его величество сможет появиться неофициально, не как король, а как самый обычный подданный Вергонского королевства. Ваши законы это позволяют. И тогда тебя, вероятнее всего, оправдают. Ты станешь свободна.

– Но буду должна заплатить за эту свободу годом замужества, – кивнула я, понимая, к чему он ведёт. – Получается, это не пари, а сделка. И, подозреваю, если ты меня просто выкрадешь, мне всё равно придётся стать твоей женой.

– Всё так, – он сунул руки в карманы брюк и качнулся с пятки на носок. – Элин, меня самого в угол загнали. Я же просто пытаюсь найти выход, который устроит всех. Да и сама подумай, что лучше: ещё два года рабства или год быть моей женой, да и то, не быть, а только играть роль?

Я задумчиво прикусила губу. С одной стороны, могу отказаться, тем более, по словам Артиула, теперь моим хозяином станет принц Гервин. Только всем в стране известно, что он очень суровый, жёсткий и принципиальный мужчина. Да, сейчас он женился, его супруга – очень хорошая девушка. Но вдруг они поругаются, и он решит отыгаться на мне? Или прикажет сделать что-нибудь такое, что окончательно меня сломает?

И только теперь я вдруг осознала, что деловое предложение Арта не просто вытянуло меня из состояния полной апатии, но и основательно встряхнуло. Я сама не заметила, как перестала страдать от собственной беспомощности и дрожать от воспоминаний о вчерашнем вечере.

А ведь он всегда говорил со мной как со свободным человеком. Даже сейчас предлагает выбор, выгодные условия, пытается заинтересовать... и это при том, что он готов непонятным образом притащить на заседание самого Анхельма Вергонского.

И вчера... Арт ведь в самом деле меня спас. Если бы он не пришёл, если бы не вмешался, сегодня для меня могло бы уже и не наступить. Но Артиул ничего не попросил за свою помощь. Да он даже благодарности от меня не услышал!

– Я согласна на твои условия, – сказала я, сжав пальцы в замок.

– Что? – Арт дёрнулся, будто был погружен в свои мысли, и мой ответ стал для него полной неожиданностью.

– Будь по-твоему, – добавила я, поймав его недоверчивый взгляд. – Не знаю, зачем тебе это нужно, но... если мне вернут свободу, если оправдают на суде, я выйду за тебя замуж сроком на один год. Клянусь.

Неосознанно, скорее, по привычке из далёкого прошлого, я приложила руку к груди, как было принято приносить клятву в моей стране, и вдруг ощутила, что моя магия подтвердила сказанные слова. Приняла клятву. И в этот момент я осознала, что снова чувствую потоки.

– Арт... – выдохнула я, коснувшись пальцами своего ошейника.

Артефакт оказался обёрнут тканью – видимо, тем самым платком, который не так давно Артиул смачивал в странном зелье.

– Чтобы скорее восстановиться, тебе нужна была твоя магия, – ответил верговец, понимающе улыбнувшись. – Я просто ненадолго нейтрализовал ошейник. Кстати, как ты себя чувствуешь?

– Лучше, – проговорила, кивнув. – Намного. Спасибо тебе за всё. И за вчерашнее чудесное спасение. И за магию. И за честный разговор. И за поддержку. Я очень тебе благодарна.

Артиул чуть поморщился, но кивнул, принимая мои слова.

– Отдыхай, – сказал он. – Через два часа во дворце должна состояться официальная передача тебя Гервину. За тобой явится бывший хозяин. Пока твой ошейник фактически настроен на него.

От одной мысли, что снова окажусь во власти Ринора, меня опять начало накрывать волной паники. Перед глазами потемнело, грудную клетку будто сдавили металлические кольца, голова пошла кругом.

– Спокойно, – скомандовал Артиул, тут же оказавшись рядом.

Он сел на кровать, обнял меня за плечи и притянул к себе. В этом его жесте не было никакого эротического подтекста, и я почувствовала себя защищённой.

– Я поеду с вами, – заявил он твёрдо. – И, поверь, твой бывший хозяин не рискнёт сказать мне ни слова. А если рискнёт, ему же хуже. Ничего не бойся. Ты дала согласие стать моей женой, значит, с этого момента ты – моя невеста. И я буду защищать тебя от всего и от всех.

– Даже от его высочества Гервина? – проговорила я сиплым и сдавленным голосом.

– Конечно, – без колебаний подтвердил Арт. – От всех.

Я подняла голову, поймала его уверенный взгляд и... поверила. Его голубые глаза сейчас не казались холодными, наоборот, в них сияла непоколебимая, негибкая воля. Так мог смотреть только человек, для которого не существует сомнений в себе и собственных возможностях. Кто точно знает, что исполнит обещание, или сделает для этого всё возможное.

– Ты моё чудо, – призналась я, чувствуя, что на глаза снова набегают слёзы. – Чудо, в которое я не верила и до сих пор боюсь поверить. Я столько молилась, просила Стихии и богиню Герду, чтобы нашёлся хоть кто-то, кто смог бы меня спасти. Помочь. Вытащить. Но никогда никто не приходил на помощь. А теперь появился ты.

Артиул осторожно стёр мокрую дорожку с моей щеки и отвёл взгляд. Я всё ждала, что он что-нибудь ответит, снова приободрит или наоборот, возразит, что никакое он не чудо. Отреагирует хоть как-то, но... Арт вдруг мягко выпустил меня из объятий и поднялся на ноги.

– Мне нужно идти. Будь готова через полтора часа. Форма в шкафу.

И вышел, оставив меня одну.

Я проводила его растерянным взглядом, от непонимания происходящего даже слёзы высохли. Ведь Арт же сбежал, мне не показалось. Но почему? Я сказала что-то не то? Не стоило называть его чудом? Или... может быть, он решил, что я накинусь на него с поцелуями? Или влюблюсь по уши, и он потом от меня не избавится?

Странно. Хотя сейчас мне стоит думать о грядущей встрече с хозяином и принцем Гервином, а ещё об учёбе, которую я сегодня пропустила. Правда, если суд снимет с меня обвинения, то академию снова придётся бросить, ведь я должна буду прожить год в Вергонии.

Закралась мысль, что зря я согласилась на этот странный брак, ведь велика вероятность того, что принц Гервин позволил бы мне

продолжить учёбу — сам же, в конце концов, подписывал приказ о моём зачислении.

И всё же чувство благодарности к Артиулу перевешивало все мои сомнения. Он многое для меня сделал, и я поклялась выйти за него замуж, хоть и плохо понимаю, зачем ему могла понадобиться рабыня, пусть даже бывшая.

Ладно, однажды правда обязательно откроется. И тогда мне всё станет ясно.

Глава 12. Защитник, принц и король

Анхельм

Увидев, что Ринор явился к воротам на своих ногах, я испытал откровенную досаду. Мало ему вчера от меня досталось. Надо было размазать слизняка тонким слоем по стене, чтоб ни один целитель собрать не смог. Правда, в таком случае сегодня он не смог бы подписать документы о продаже своей рабыни и передать Гервину права владения. Но позже я с этой тварью ещё поговорю... хотя нет, просто прикончу.

Я держал Эбелин за руку, не отпускал ни на мгновение, но, чем ближе мы подходили к её хозяину, тем крепче она сжимала в ответ мою ладонь. Элин не просто боялась, она была на грани паники. С каждым шагом шла всё медленней, её дыхание стало резким и прерывистым, и я понял, что девушка вот-вот рухнет в обморок.

Стараясь поддержать, я обнял её за плечи, притянул ближе к себе и повёл дальше. Да, по законам Айвирии к чужим рабам нельзя прикасаться без позволения хозяина. Но если сейчас тварь по имени Ринор попытается мне что-то предъявить, я заставлю его заткнуться навеки.

– Садись в машину, на переднее сидение, – приказал я ему. – И не смей оборачиваться.

– Да кто ты такой, чтобы мне угрожать?! Я написал жалобу в отделе стражи. Жди, скоро за тобой явятся. И ты ответишь за всё! – выпалил он, даже не шепелявя. А ведь вчера мой кулак точно лишил его нескольких зубов. Что ж, значит, у айвов в самом деле хорошие целители.

– Всё будет по справедливости. Не сомневайся в этом, – ответил я почти спокойно.

За моей спиной встали Холт и Висл, а за ними трое стражей, приставленных к нам Гервином, и этого хватило, чтобы Ринор замолчал и всё-таки сел в машину.

Я открыл для Элин дверцу, помог разместиться на заднем сиденье, а сам сел рядом. Мои парни и охрана заняли места во втором автомобиле, и такой компанией мы отправились ко дворцу.

За время дороги Эбелин немного успокоилась. Она всё ещё держала меня за руку, но теперь хотя бы не дрожала, видимо, наконец, поверила, что я действительно никому не дам её обидеть, и страх стал чуточку слабее.

В коридорах дворца я предпочёл скрыть нас с Элин отводом глаз, дабы не пугать своим присутствием придворных. Многие из них до сих пор вздрагивали лишь от звучания моего имени, а при встрече могли и вовсе повести себя непредсказуемо, так что лучше не рисковать.

Гервин ждал нас в своём кабинете. Правда, внутрь вошли только мы с Эбелин и Ринор, а остальные разместились на диване в приёмной, им при нашем разговоре присутствовать не требовалось.

Приветствие прошло по протоколу, без привычного зубоскальства и ироничных уколов, которые всегда сопровождали все наши личные встречи. Гер даже спрашивать ничего не стал, как и не дал никому из нас что-либо объяснить. Он сразу положил перед Ринором документ, пальцем указал, где подписать, а потом ледяным надменным тоном приказал ему снять с Эбелин ошейник.

Признаться, я уже отвык видеть таким Гервина Дарвида. Нет, маска холодного высокомерного принца ему определённо подходила, когда-то я ей даже верил. А потом узнал, что за ней скрывается крайне вспыльчивый характер, живой ум и острый язык. Ну и выяснил, что у несгибаемого наследника трона Айвирии есть слабые места – его семья.

– Эрн Лермид, вас проводят к дознавателям, – ровным тоном бросил Гервин, взяв в руки ошейник Эбелин. – Они ждут ваших показаний по вчерашнему происшествию.

У бедолаги Ринора в глазах появился испуг, и всё же он взял себя в руки, молча кивнул и вышел за дверь. А едва мы остались в кабинете втроём, Гер откинулся на спинку своего кресла, скрестил руки на груди и внимательно посмотрел на меня.

– Полагаю, – начал он, ехидно ухмыльнувшись, – теперь ты доволен.

– Я буду доволен, когда с Эбелин снимут обвинения и вернут ей свободу, – ответил я и сел в удобное кресло напротив стола.

Эбелин так и осталась стоять, но я понимал, что, даже если попробую её усадить насильно, она тут же поднимется на ноги. Всё же перед ней был сам кронпринц Айвирии, да ещё и её новый хозяин.

По-хорошему, мне стоило встать рядом с ней, обнять, помочь справиться со страхом. Но сейчас я должен был показать Гервину, что говорить мы будем на равных, что я не проситель и не чувствую себя слабой стороной.

Наш разговор вообще следовало вести наедине, но Гер пока не спешил надевать на Элин ошейник. Значит, желает, чтобы она осталась.

Паршиво. Он ведь знает, кто виноват в её аресте, и может сейчас просто назвать меня по имени. Какой станет реакция девушки? Скажем, она точно не обрадуется такому открытию. Поступит ли так Гер? Да, не сомневаюсь в этом.

– Интересно получается, – протянул Гервин, снова взяв в руки ошейник.

Потом поднялся, сам подошёл к вздрогнувшей Эбелин и быстро нацепил на её шею рабскую побрякушку. Я знал, что сейчас он должен сказать ритуальную фразу и отдать ей первые приказы, но Гер просто вернулся в своё шикарное кресло.

– Ты выбрал в жёны мою рабыню, – продолжил кронпринц Айвирии, обращаясь ко мне. – Знаешь, а ведь я могу прямо сейчас приказать ей что-то такое, после чего ты уже не сможешь на ней жениться. И она выполнит любой мой приказ... или ошейник её убьёт.

Я молча смотрел на него и всеми силами старался показать, что эти угрозы меня не трогают.

– Да хотя бы прикажу ей раздеться и пройти по дворцу, – продолжил Гервин свой издевательский монолог. – Представь, потом каждый из придворных сможет сказать, что видел королеву Вергонии голой. Хотя вряд ли после этого она будет тебе нужна.

Я скрипнул зубами, крепче сжал деревянные подлокотники кресла, но сразу же отпустил их. Рядом судорожно сглотнула Элин, но оборачиваться на неё я не стал. Объяснюсь с ней потом. Сейчас важно выиграть битву с Гервином.

– А ещё могу пригласить сюда моих гвардейцев и приказать отвести девочку в казармы к новобранцам. Пусть парни развлекутся.

Элин рядом судорожно всхлипнула... и я сдался. Поднялся из кресла, подошёл к ней и крепко прижал к своей груди. Она не оттолкнула, не попыталась освободиться, но дрожала очень ощутимо.

– Гер, заканчивай с ритуалом. Пусть Элин выйдет, и будешь бить по мне дальше, – сказал я так спокойно, как вообще мог в нынешнем состоянии.

– Да ни за что! – довольным и ехидным тоном заявил Гервин. – Хельм, я наконец дождался того великолепного момента, когда у тебя появилось слабое место. Да не просто появилось, а оказалось в моей полной власти. Как думаешь, я остановлюсь? О, нет, не дождёшься!

– Даже интересно, как к этим твоим заявлениям отнесётся Кэтрин, – сказал я с ледяной усмешкой. – Ты же в курсе, что она взяла Эбелин под свою опеку? Они даже подружились. Или всё-таки желаешь открыть супруге глаза на твою сволочную натуру? А ведь она в положении, ей нельзя волноваться.

Гервин мгновенно изменился в лице, а в его глазах его мелькнул настоящий ужас.

– Да ты откуда знаешь?! – выпалил он, резко встав на ноги, а от бывшего насмешливого настроения не осталось и следа.

Такая замечательная эмоциональная реакция явно продемонстрировала новую слабую сторону моего врага. Если он решил так грубо давить на мои слабости, то и я буду давить на его.

– Знаю, – в моём голосе звучала холодная угроза. – У Кэтрин аура изменилась, а это верный признак, видимый только колдунам. Мне даже известно, что у вас будет сын, маленький айв. И да, Гер, однажды я поклялся не вредить Кэт, но в той клятве не было ни слова о ребёнке. Всё ещё желаешь давить на моё слабое место? Или мы продолжим беседу в ином ключе?

Он молчал недолго. Ведь тоже хорошо меня знал... и боялся. Да, боялся, и даже не меня самого, а моей непредсказуемости. Однажды я поставил его на колени, жаль, не в буквальном смысле, и смогу сделать это снова... если припрёт.

Ритуальную фразу, закрепляющую связь раба и хозяина, он сказал быстро и без злорадства. Но когда договорил, по телу Элин прошла судорога, а её колени подогнулись. Конечно, я удержал, помог устоять,

но от понимания того, что она испытывает боль, у меня заныло в груди.

– Эбелин, я сочувствую вам всей душой, – совсем другим, мягким, тоном проговорил Гервин, когда она открыла полные слёз глаза. – Такого супруга и врагу не пожелаешь. Знайте, он пустит вас в расход при первой же возможности. Да, сейчас он вас защищает, но только потому, что в нынешних обстоятельствах ему это выгодно. Я не знаю, почему он выбрал вас, но это точно неспроста. И если вы откажете ему, он всё равно получит ваше согласие на всё.

Я скрипнул зубами, но промолчал. Сейчас бессмысленно пытаться оправдаться перед Элин или что-то ей объяснять, тем более, при Гервине. Мы обязательно с ней поговорим, но позже и наедине.

– Завтра состоится пересмотр вашего дела, – добавил кронпринц Айвирии. – С показаниями вашего... дорогого Анхельма, вас оправдают. Да я сам буду настаивать, что вы невиновны, потому что кукла не в силах противиться воле кукловода. И мы с вами прекрасно знаем, кто в действительности виновен в том, в чём обвиняли вас. Но его под арест не возмёшь и ошейник не нацепишь, ведь после этого мы снова развяжем войну, а её сейчас допускать никак нельзя.

– Всё сказал? – выпалил я, едва сдерживая желание дать ему в морду.

– Нет, о твоих тёмных сторонах я могу говорить бесконечно, – оскалился в ответ Гервин, – но Эбелин пока достаточно информации. Отвези её в академию. Пусть сдаст форму, учебники, напишет заявление на отчисление, попрощается с подругами, преподавателями. Ведь туда она вряд ли вернётся. Полагаю, завтра после суда ты отправишь её в Харсайд.

– Мы отправимся туда вместе, – сказал я, крепче прижимая к своему боку окончательно растерявшуюся Элин.

– И когда состоится свадьба? Я желаю присутствовать, – с хищной улыбкой заявил Гер.

– А рискнёшь? – бросил я надменно. – Кишка тонка у тебя, Гервин, открыто явиться на мою свадьбу. Тебя в моей стране ненавидят так же сильно, как меня в твоей.

– Рискну, – заявил этот придурок. – И тебе придётся обеспечить мою безопасность во время этого визита. Уверен, Эниремия и Мар

отправятся со мной. Поэтому повторяю вопрос: когда состоится свадебный ритуал?

Я понимал, что он прав, и свадьбу придётся организовать по всем правилам, с балом, толпой гостей, народными гуляниями по всей стране. Да, это будет опасно и ударит по моей и без того скудной казне, но отвертеться от праздника не удастся.

– Ты получишь приглашение, – ответил я, чувствуя, как рядом со мной мелко дрожит Элин. – И ещё, Гер, если не накажешь тех, кто вчера пытался надругаться над Эбелин, их накажу я. Даю тебе сутки.

Он не стал спорить, принял мой ультиматум с недовольным видом, но без возражений. Значит, сам понимает, что от него требуется, как и понимает то, что я вправе мстить за свою женщину.

Так и продолжая обнимать Эбелин, я повёл её к выходу. Она шла рядом, словно кукла на шарнирах. Передвигала ногами, но её лицо казалось просто маской, а взгляд – совершенно стеклянным. Не так она должна была узнать о моей личности, и не от ГERVина, который пугал её специально, чтобы усложнить мне жизнь. Ну ничего, разберусь.

– Уходим, – бросил моим парням, ожидающим в приёмной.

Потом подхватил Элин на руки, шепнул заклинание быстрого сна и вышел в коридор.

Эбелин

Я проснулась от звуков чужого разговора. Поначалу не поняла, где нахожусь, но быстро вспомнила, что это за место. Ну, а голоса, доносящиеся из гостиной, только подтвердили догадку.

– Ты уверен, что иного выхода нет? Волна судов и казней перед свадьбой может обернуться против тебя, – сказал кто-то.

– Оставлять крыс безнаказанными слишком опасно. Они, видимо, до сих пор считают, что я безобидный желторотый юнец. Значит,

придётся показать силой, кто я такой, – ответил Артиул, и его голос звучал холодно и жёстко.

В этот момент сонная память милостиво открыла мне события прошедшего дня. Я с кристальной ясностью вспомнила всё, что произошло в кабинете наследника престола. Все разговоры, что велись там между его высочеством и... не Артом. У меня в голове до сих пор не укладывалось, что он вовсе не Артиул, а совсем другой мужчина. И то, как он говорил с кронпринцем Гервином, это только подтверждало.

Или... может, мне всё просто приснилось?

– Учитывая, что ты женишься на айвирке, а твоя сестра замужем за айвирским принцем, обязательно пойдут слухи, что решения за тебя принимают айвы, – снова сказал кто-то.

– Разберусь, – устало бросил Арт. – Чет, хватит читать мне нотации. Я прекрасно понимаю, какая вокруг складывается ситуация. Если у тебя есть конкретные предложения, – выдвигай. А нет, так не нужно понапрасну сотрясать воздух.

– Есть. Проводим аресты, суды, выносим приговоры, но в исполнение не приводим. А в день свадьбы ты торжественно помилуешь самых лояльных и раскаявшихся, даруешь им смягчение наказания.

– А это и в самом деле хорошая мысль. Так и поступим.

– К свадьбе нужно начинать готовиться уже сейчас. Сколько у нас времени?

– Месяц, – ответил Артиул. – А лучше три недели. Завтра после суда мы с Элин отправимся в Ферсис. До свадьбы я должен представить невесту ведьмам и получить их одобрение. Иначе всё бессмысленно.

– А если ты ошибся? Если Эбелин – не та, кого ты должен был найти? – спросил мужчина, которого Арт называл Четом.

– Поэтому, друг мой, я и отправлюсь к Гарсинии. Мы с Элин пойдём к ней вместе. И если я действительно ошибся, у меня ещё останется время, чтобы найти нужную девушку.

– Слушай, было бы проще жениться на любой айвирке, потом развестись и взять в жёны ведьму.

– Проще, но... ведьмы всё равно посчитали бы это оскорблением нашего договора, а их лучше не обижать. А айвы приняли бы за оскорбление развод с айвиркой. Замкнутый круг.

– Вогнал же ты себя в западню, – с сочувствием проговорил за стеной Чет.

– Я знал, на что иду.

Послышался тихий стук в дверь, видимо, кто-то явился из коридора. Потом шорохи, шаги, лёгкий щелчок замка, шелест бумаги.

– Ректор получил моё сообщение о завтрашнем отъезде. Приглашает на ужин и беседу. Нас всех, – проговорил Арт. – Идём, Чет.

– А девчонка? Оставишь её тут одну? – спросил тот, явно имея в виду меня.

– Элин не спит. Слушает наши с тобой разговоры. Но видеть меня она вряд ли будет рада, поэтому пойдём. Её ужин на тумбочке под сохраняющим тепло колпаком.

Это всё было сказано именно для меня, но я даже не подумала смущаться. Услышав, что голоса в гостиной стихли, медленно села на постели и тут же нашла взглядом поднос, накрытый чуть мерцающим магическим куполом.

Что ж, в проницательности Артиулу не откажешь.

Мысль, что это совсем не Артиул, я старалась гнать подальше. Да, понимала, что просто обманываю саму себя, но пока мне так было легче. Не хочу думать о нём... и не буду.

Ужин я съела быстро и даже удивилась собственному аппетиту. Раньше подобное со мной случалось только после большого перерасхода магии. А сейчас...

Коснувшись пальцами ошейника, нащупала на нём ткань знакомого платка и против воли улыбнулась. Вот и причина моего аппетита. Организм почувствовал, что может беспрепятственно напитываться энергией, и тянет её отовсюду, включая еду.

Что ж, надо отдать Арту должное, он действительно заботится обо мне, хоть и делает это из каких-то своих соображений. А сегодня защищал меня от его высочества ГERVина, даже угрожал ему. Но надо признать, что и кронпринц бил по мне словами, целясь при этом и по Арту.

Ох... Нет никакого Арта, Эби. Нет.

Зато есть его величество Анхельм, с которым меня снова свела судьба. Тот самый Анхельм, которого я когда-то лечила, к которому странным образом привязалась и из-за побега которого меня отдали

под суд и приговорили к рабству. Тот самый Анхельм, который использовал меня... но не убил. Хотя иногда мне казалось, что лучше бы убил.

И я поклялась, что выйду за него замуж, а магия это подтвердила. Можно попросить его вернуть мою клятву, но... он откажет, ведь для чего-то я ему нужна.

Закончив с ужином, я немного побродила по комнате. Следовало отправиться к себе, собрать учебники, сдать форму, но... не хотелось. Во мне впервые за год было так много энергии, магия текла по каналам, давая силы. И так нестерпимо захотелось призвать крылья, расправить их, взлететь повыше...

Может быть, там, под самыми облаками, моей израненной душе всё-таки станет хоть немного легче, и я снова смогу почувствовать себя живой айвиркой, а не безвольной марионеткой, которая вынуждена подчиняться прихотям кукловодов.

Глава 13. Крылья, имя и клятва

На лавочке у обрыва было предсказуемо пусто. Солнце медленно клонилось к закату, над головой плыли пушистые облака и дул лёгкий ветерок. Я остановилась у самой кромки скалы, опасливо посмотрела вниз, вскинула голову к небу и с наслаждением вдохнула свежий вечерний воздух.

Призвать крылья получилось не сразу, всё же я не делала этого почти год, да и до ареста летала нечасто. В рядах аристократии считалось, что утончённым эрни не пристало использовать крылья для перемещений, что это примитивно и неизящно. Ведь есть же машины, порталы, общественный транспорт, наконец. К тому же крылья могли призывать далеко не все айвирки, а только те, кто обладал высоким уровнем дара. Думаю, глупое правило о неэтичности полётов придумала одна из тех, кому крылья были недоступны.

В академии занятия по полётам проходили у всех студентов, но если боевики занимались ими с первого по последний курс, то те же целители тратили на полёты всего один год. А у артефакторов, алхимиков и теоретиков полёты и вовсе проходили, как факультатив.

Крылья у меня появились в восемь лет вместе с пробуждением магии, и с тех пор я уже не представляла свою жизнь без полётов. Да, когда стала старше, пришлось смириться с тем, что летать можно не всегда и не везде, но я всё равно старалась призывать крылья при каждом подходящем случае.

И сейчас, на краю высокого обрыва, мне вдруг стало до ужаса страшно: вдруг я больше не смогу взлететь? Вдруг долгое ношение рабского ошейника всё-таки повредило мои энергетические каналы, и крыльев у меня больше не будет?

Но лишь стоило об этом подумать, как за спиной тут же развернулись два больших, невесомых крыла. Я позволила им полностью раскрыться, полюбовалась ослепительной белизной и, оттолкнувшись ногами от земли, взмыла в небо.

В лицо били потоки воздуха, волосы разметал ветер, ноги с непривычки не желали держаться вместе, то и дело пытались сделать

шаг, нарушая траекторию полёта. Год без практики сильно сказался на моих умениях, но я быстро вспомнила все нужные правила.

Высоко взлетать не стала, чтобы не привлекать к себе внимания. Покружила над обрывом, нырнула в ущелье, пронеслась под нависающими скалами и решила, что пока достаточно. Этот короткий полёт отнял у меня уйму сил, всё же магии на поддержание крыльев тратилось слишком много. Они ведь в основе своей состояли именно из энергии, хоть и были вполне материальными.

Вернувшись на обрыв, я медленно выдохнула и попыталась расслабиться. Повинуясь мысленному приказу, крылья начали таять, превращаясь в белую дымку, а их основания привычно уменьшились и прижались к спине. В неактивном виде они выглядели как маленькие костяные гребни, обтянутые кожей, и под одеждой почти не выделялись. Только призывать крылья следовало в специальной форме с прорезями, ведь в ином случае они легко рвали любую ткань. Так, в общем-то, произошло с моими вещами в этот раз.

Стянув пиджак, я уставилась на большую дыру в верхней части спины. Да уж, стоило переодеться перед полётом или хотя бы остаться в одной блузке, её не так жалко. А теперь, мало того, что придётся возмещать ущерб за испорченную форму, так ещё и любой, кто увидит меня в таком виде, легко поймёт, что я летала. Ага... с рабским ошейником на шее.

Рядом каркнул ворон, и я резко обернулась на звук. А увидев на лавочке Артиула, невольно вздрогнула. На деревянной спинке рядом с ним сидела уже знакомая мне большая чёрная птица, и оба они пристально смотрели на меня.

– У тебя красивые крылья, – сказал Арт, улыбнувшись уголками губ.

– Ты же ушёл на ужин с ректором, – произнесла я с лёгким возмущением.

– Мне пришлось спешно покинуть его общество, – ответил он деланно спокойным тоном, за которым слышалось беспокойство.

– И почему же? Неужели из-за меня?

– Да, – он развёл руками. – Хран остался присматривать за тобой. Когда он показал мне, что ты стоишь на краю обрыва и явно собираешься сигануть вниз, я тут же помчался сюда. Ведь недоумок Гервин не стал приказывать тебе беречь свою жизнь и здоровье. Знал,

гад, что ты можешь наложить на себя руки, поэтому и промолчал. И по той же причине наговорил тебе гадостей.

– Зачем? – от осознания сказанного у меня похолодело в груди.

– Ударить по мне напрямую он не может, – Артиул повернулся к птице, погладил ворона под шеей и снова посмотрел на меня. – Ты правда хотела прыгнуть?

– Я хотела полетать, – ответила честно. А потом призналась: – Хотя мысли прыгнуть с какого-нибудь обрыва в последний год посещали меня часто. Но сегодня – нет. На самом деле, сейчас мне очень хочется жить.

Перевела взгляд на небо, потом снова посмотрела вниз. А ведь действительно, хватило бы одного неосторожного шага, чтобы все мои мучения закончились. И ещё вчера я могла бы его сделать... но после чудесного спасения из лап Ринора, после встречи с кронпринцем Гервином и открытия истинной личности моего спасителя Арта во мне проснулась вера: в чудеса, в справедливость, в будущее. Вера в то, что, несмотря на сгустившуюся вокруг тьму, у меня ещё есть шанс выбраться из её плена.

– Почему ты тогда оставил меня в живых? – спросила я, продолжая смотреть в пропасть.

– Пожалел, – ровным тоном ответил вергонец. – Приказал своим тебя ни в коем случае не трогать. Забрать с собой не мог, не в том был положении. Да и не пошла бы ты по доброй воле, это стало бы для тебя предательством своей страны. Ну, а потом, во время переговоров... я даже о тебе не вспомнил. Слишком много всего нужно было держать в голове. Но судьба всё равно ткнула меня носом в мою ошибку. И я сделал всё, чтобы её исправить.

С одной стороны, я могла его понять: в масштабах войны между двумя большими странами жизнь одной целительницы ничего не стоит. Но с другой – было горько осознавать себя ни капли не значащим элементом в общей системе. Той, о ком можно забыть сразу после того, как использовали.

– Когда мы вернёмся в Вергонию и я объявлю тебя моей невестой, ты сразу попадёшь под удар, – проговорил Артиул. – Я сделаю всё возможное, чтобы оградить тебя от опасностей, но для этого ты должна мне доверять. Целиком и полностью. Мне и больше никому.

– А когда я стану тебе не нужна, тыпустишь меня в расход, как и сказал его высочество? – вырвался у меня вопрос, и я даже повернулась к Арту. Хотела видеть его глаза. – Ты говоришь о доверии, но где гарантии того, что я не получу от тебя удар в спину?

Внешне он остался таким же спокойным, но в глазах вспыхнула и сразу погасла ярость.

– Я не бью в спину, – сказал Артиул холодно. – И не предаю своих союзников. Если через год ты захочешь уйти, отпущу.

– Ты выбрал меня на роль жены только из-за предсказания?

– Да, – подтвердил он. – Сама понимаешь, что на роль королевы рабыня никак не годится. Скрыть твоё прошлое будет сложно, но я постараюсь. И всё же ты должна быть готова к тому, что тебя не примут в высшем обществе Вергонии. И я пока плохо представляю, как это изменить. Так что, если будут идеи – делись.

– Почему ты выглядишь иначе? Я же помню тебя другим.

Медленно подойдя ближе, я села на противоположный край лавочки довольно далеко от Арта. Называть его Анхельмом даже мысленно у меня пока не получалось.

– Обратное зелье. Сегодня вечером выпью нейтрализатор и снова стану собой. А Артиул – мой троюродный брат. Сейчас он под арестом, так что его личина для моих целей подошла идеально.

– Но его высочество Гервин знает, что ты это ты.

– Мне пришлось сказать ему правду, – Арт усмехнулся. – Но ты сама видела, как мы с ним «мило» общаемся. Примерно так проходит каждая наша личная встреча. Кстати, очень удачно, что ты сходу нашла общий язык с принцессой Кэтрин. Гер влюблён в неё по уши, она сейчас – его главное слабое место. А скоро у них ещё и ребёнок появится.

– И ты действительно можешь навредить малышу? – в моём голосе звучало открытое возмущение.

– Навредить – нет. Но если припрёт, выкрасть его могу. И это честно, Элин. Я вообще постараюсь вести себя с тобой предельно открыто. Очень рад, что мы не вернулись обратно к «вы», но тут явно заслуга моей личины.

Я не ответила, а Арт больше ничего говорить не стал. Некоторое время мы сидели в тишине, смотрели на небо и молчали. Солнце уже

коснулось макушек гор, цвет неба начал меняться, а ветер полностью стих, будто приветствуя наступление ночи.

– Ты ненавидишь меня? – прозвучал в тишине вопрос Арта.

Я задумалась. Попыталась найти в себе ответ, ощутить ту жуткую эмоцию ненависти, за которую так долго цеплялась, но...

– Я должна тебя ненавидеть, ты мне жизнь сломал, – проговорила я, вздохнув. – И я в самом деле ненавидела. Яростно, искренне, всей душой. Но вчера, когда ты забрал меня из того кошмара, то заставил снова поверить, что хорошее в моей жизни ещё может быть. Да, из-за тебя я стала рабыней... но именно ты единственный решил мне помочь.

Он слушал молча. Я чувствовала, что его взгляд обращён на меня, но сама я смотрела вперёд на заходящее солнце.

– Только общаясь с тобой, я вновь почувствовала себя просто девушкой, студенткой, а не вещью. Я словно начала оживать. Но вчера... – я сглотнула и заправила за уши мешающие у лица волосы. – Вчера, когда Ринор привёз меня в тот дом и велел раздеться, я решила, что с меня хватит. Буду бороться и сопротивляться до последнего, и пусть ошейник лучше меня убьёт, чем я снова подчинюсь чужим мерзким приказам.

– Я очень рад, что успел появиться вовремя, – сказал вергонец.

– Спасибо тебе, Арт, – ответила я искренне и всё же повернулась к нему.

Он понимающе усмехнулся и вдруг попросил:

– Назови меня по имени.

Казалось бы, что может быть проще – взять и произнести чужое имя? Но... я не могла. Откуда-то взялась странная уверенность, что делать этого нельзя, ведь пока я не скажу имя вергонского короля вслух, Арт будет оставаться просто Артом. А стоит лишь назвать его Анхельмом, и всё рухнет: и наше общение, и наше зародившееся доверие, и та лёгкость, что сейчас есть между нами.

Он вдруг протянул мне раскрытую ладонь. Чуть поколебавшись, я вложила в неё свою, и Артиул мягко сжал мои пальцы.

– Назови. Это не страшно, – попросил он. – Я – это я. Меня зовут Анхельм Вергонский. Ты меня знаешь. Мы с тобой тут провели вместе несколько вечеров. Сейчас я держу тебя за руку. Ты можешь звать меня Хельм и, конечно же, только на «ты».

И вдруг поднёс мою руку к своим губам и легко поцеловал внутреннюю сторону запястья.

Я попыталась выполнить его просьбу, но... язык не повернулся. Переступить эту черту оказалось для меня слишком сложно.

– Ладно. Попробуем позже, – он ободряюще улыбнулся. – А сейчас идём обратно. Нужно пораньше лечь. Суд назначен на восемь утра, да и вообще, денёк завтра предстоит насыщенный.

Я не стала возражать. Мягко высвободила свою руку и пошла к тропинке, Арт направился за мной, а чёрный ворон взмыл в небо и пропал, словно растворившись в воздухе.

Я хотела отправиться в свою комнату в женском общежитии, но Арт сказал, что мне лучше остаться у него, всё равно в его блоке есть пустующая спальня. Попросил не беспокоиться по поводу вещей и книг, заверив, что с этим есть кому разобраться. Спорить я не стала, тем более, совсем не хотелось встречаться с Сией и что-то ей объяснять.

Артиул проводил меня до нашей с ним гостиной и оставил отдыхать. Я же, честно говоря, была рада побыть одна. Но, посидев полчаса в тишине своей спальни, решила отправиться в душ. День был сложным, событий произошло немало, а вода всегда помогала мне привести мысли в норму.

Платок с ошейника снимать не стала. Да, во время мытья он намок и неприятно охлаждал кожу, но зато я могла чувствовать свою магию, а это было куда важнее. Вымыв волосы, с радостью высушила их почти забытым заклинанием и почувствовала себя ещё чуточку увереннее. Вещи постирала, подсушила магией, но надевать не стала. Завтра мне в этой одежде идти на суд, она должна выглядеть опрятной и чистой. А спать можно лечь и в полотенце.

Так, в полотенце, я и собралась преодолеть расстояние до своей комнаты. Из гостиной не доносилось никаких звуков, значит, Арт ещё не вернулся. Потуже затянула на груди махровую ткань, взяла чистые вещи, тихо вышла...

– Элин, – окликнул меня Артиул.

Услышав его голос, я встала, как вкопанная.

– Я принёс тебе одежду, – проговорил он, и его голос неожиданно дрогнул.

Конечно, я обернулась. Но стоило мне увидеть стоящего возле дивана молодого мужчину... и чистые вещи выпали из вмиг ослабевших рук. Я не просто остолбенела, а впала в состояние полного ступора. И пусть знала, кто именно скрывается за личиной Артиула, но всё равно оказалась не готова увидеть его своими глазами.

Теперь передо мной стоял Анхельм Вергонский собственной персоной. Я смотрела на него и не могла ни отвести взгляд, ни опустить голову. Нет, и ростом, и телосложением он совсем не отличался от Арта. Только лицо изменилось.

С тех пор, как я видела его в последний раз, прошёл год, но тогда он был ранен и выглядел крайне болезненно. И всё равно я сразу узнала его. Светлые, почти белые волосы лежали мягкими чуть растрёпанными волнами, на их фоне брови и ресницы казались особенно тёмными. Идеально ровный профиль будто кто-то высек под линейку, а губы правильной формы были чуть сжаты.

Он смотрел на меня своими нереальными голубыми глазами, которые совсем не изменились после смены личины, и молчал. И только увидев его внимательный взгляд, я осознала, что стою перед ним в одном полотенце, которое едва прикрывает попу.

– Извините, – пискнула, опомнившись, и тут же ринулась в свою комнату. Захлопнула дверь, подпёрла её спиной и крепко вцепилась в край махровой ткани на груди.

Великие Стихии! Как же меня угораздило так опозориться?! Ещё и вещи там бросила... прямо на полу. Дурёха впечатлительная!

Послышался осторожный стук в дверь.

– Элин, я... – проговорил из коридора король Вергонии. – Это ты меня извини. Не хотел тебя смущать. Твоя одежда под дверью. В пакетах всё тоже для тебя. Я сейчас уйду к себе, сможешь спокойно забрать. Когда оденешься, выходи, пожалуйста, в гостиную.

Шагов я не услышала, но он всегда ходил очень тихо. Для верности выждала почти минуту и только потом осторожно приоткрыла дверь. Никого не увидев, вышла, забрала одежду и три

бумажных свёртка, что стояли рядом. И только снова захлопнув дверь, смогла перевести дыхание.

В первом пакете обнаружилось длинное тёмно-зелёное платье. Сшито оно было из дорогой тонкой ткани, имело довольно строгий закрытый крой, но мне понравилось. Во втором, самом большом, свёртке нашлось бельё, чулки, ночная сорочка и длинный белый халат. Всё новое, красивое и такое мягкое, что я едва не прослезилась. А в третьем лежали аккуратные туфельки на маленьком каблучке, в тон платью.

Я не удержалась, примерила предложенный наряд. Он сел, как влитой, будто шился именно на меня. Ткань почти не ощущалась на теле, а туфельки оказались очень удобными. Увидев своё отражение в зеркале, я даже немного воспрянула духом:— в таком виде не стыдно было предстать даже перед королём. А ведь именно это мне предстояло сделать в самое ближайшее время.

Как бы ни хотелось оттянуть этот момент, но я понимала, что терпение его величества не безгранично. Поэтому, собравшись с мыслями, несколько раз вздохнула, как перед прыжком с высоты, и всё-таки вышла в гостиную.

Он был там. Сидел на диване рядом с чайным столиком и перебирал лежащие на коленях документы. Меня точно услышал, но поворачиваться не стал.

— Присаживайся. Я чай заварил и принёс из столовой пирожные. Составишь компанию?

Я подходила к нему медленно, будто передо мной был хищный зверь, а не человек. В стоящее напротив кресло опустилась, не издав ни звука, и только теперь решила посмотреть в лицо Анхельма.

Он сосредоточенно изучал документы. Его взгляд быстро бегал по строчкам, губы были плотно сжаты. Весь его вид выражал собранность и готовность незамедлительно разобраться с любыми сложностями. И, несмотря на внешнюю молодость, сейчас передо мной сидел очень серьёзный мужчина.

Что самое поразительное, образ этого человека легко складывался с образом Артиула. А с образом того Анхельма из прошлого не склеивался никак. Будто тот гад, что использовал меня в своих целях, и этот собранный молодой политик — это два совершенно разных мужчины, пусть и похожие внешне.

Наверное, не стоило его отвлекать и уж тем более делиться своими странными соображениями, но я, кажется, уже привыкла говорить с ним открыто, и даже смена его внешности не смогла этого изменить.

– Я не могу поверить, что ты и есть тот Анхельм из замка Айнс. Ты сейчас совсем другой.

Он сложил документы аккуратной стопочкой, сунул в картонную папку и только потом поднял на меня взгляд. Признаться, я непроизвольно вздрогнула, но в этот раз хотя бы не потеряла способность двигаться.

– Полагаю, – начал он спокойным холодным тоном, – что и ты сейчас сильно отличаешься от той Эбелин, которой была при нашей первой встрече. Тут дело даже не в том, что люди меняются. Просто очень многое зависит от обстоятельств. Тогда меня загнали в угол. А что делает зверь, которому нечего терять, кроме собственной жизни? Он борется до конца, используя любую лазейку, чтобы спасти свою шкуру. Вот и я пошёл на самые крайние меры, задушил в себе и совесть, и жалость, и любые эмоции, кроме чувства долга перед страной и теми людьми, что продолжали в меня верить.

Он сделал паузу, давая мне время осмыслить услышанное, а когда продолжил, его голос звучал уже чуть мягче и теплее:

– Сейчас обстоятельства изменились. И мы с тобой больше не по разные стороны баррикад. Более того, Элин, ты согласилась стать моей женой. Да, тогда ты не знала, кто я. И теперь, вероятнее всего, взяла бы свои слова назад. Но у меня нет возможности отпустить тебя. От этого зависит мир и спокойствие в моей стране. А благополучие Вергонии для меня всегда будет стоять на первом месте.

– Понимаю, – ответила я, медленно кивнув.

– Война закончилась, но моя жизнь до сих пор напоминает бег по заколдованному болоту, полному монстров, – с лёгкой усмешкой признался Анхельм. – Среди высшей аристократии очень много тех, кто страстно желает убрать меня подальше от власти или даже убить. Доверять я могу единицам и хочу, чтобы ты была в их числе. Поэтому предлагаю тебе обменяться клятвами.

– Свадебными? – спросила я с лёгкой улыбкой.

– Почти, – он тоже улыбнулся, и его лицо преобразилось, даже глаза чуть засияли. Правда, в следующее мгновение он снова стал

предельно серьёзным. – Я хочу, чтобы мы поклялись не вредить друг другу, беречь и защищать друг друга. Думаю, это выгодно и тебе, и мне.

– Хорошо, – согласилась я, чуть подумав. – Несмотря ни на что, я не собиралась тебе мстить.

– А как же твоя ненависть? – его губы изогнулись в кислой ухмылке. – Ты имеешь на неё полное право, как и на месть.

Я смотрела в его чистые голубые глаза и пыталась понять, что же сейчас чувствую. Да, почти год я винила именно его во всех своих бедах. Но так уж сложилось, что именно он вытащил меня из того кошмара, в который я попала по его вине. И сейчас на весах, где лежали моя благодарность и моя ненависть, первая заметно перевешивала. Наверное, всё дело в том, что именно Анхельм показал, что на руинах моей жизни ещё можно выстроить будущее, пусть и довольно туманное, но уже не беспросветно-мрачное. А прошлое уже в любом случае не вернуть и не переиграть.

И всё же кое-что я ещё хотела изменить.

– Освободи из рабства моего отца. Пусть его дело тоже пересмотрят, тем более, что оно у нас общее. Когда он будет свободен, моя ненависть к тебе потеряет подпитку.

– Завтра же решу этот вопрос, – ответил он, глядя мне в глаза.

А с моей души будто упал огромный камень.

– Давай произнесём клятву, – сказала я уверенней. – Мне она нужна не меньше, чем тебе.

Он понимающе усмехнулся. Понял прекрасно, что я не забыла слова принца Гервина, о том, что Анхельм от меня избавится, когда я перестану быть ему нужна. Мне тоже хотелось гарантий безопасности хотя бы от него.

– Повторяй за мной, – сказал король Вергонии. – Я, Анхельм Вергонский, клянусь тебе, Эбелин Лиссер...

– Я, Эбелин Лиссер, клянусь тебе, Анхельм Вергонский....

Услышав своё имя из моих уст, он улыбнулся. Вспомнил, что совсем недавно я так и не смогла произнести его вслух. А теперь справилась.

– ...беречь твою жизнь, не причинять тебе умышленного вреда и заботиться о тебе.

Я повторила за ним слово в слово. Он подтвердил слова клятвы магическим импульсом, который тут же впитался в его запястье. Я тоже заверила клятву магией, приложив руку к сердцу. Но потом Анхельм протянул мне раскрытую ладонь, я сжала в ответ его пальцы, и между нами будто вспыхнула и погасла маленькая искра. Она не обожгла, а, наоборот, согрела мягким теплом, и даже возникло ощущение, что эта магия осветила мою потрёпанную душу.

– Ещё не женаты, а взаимными клятвами уже обмениваемся, – сказал, улыбнувшись, Анхельм.

– Кстати, о свадьбе. Ты уверен, что будет достаточно простой церемонии, без участия магии? – вконец осмелев, спросила я. – Всё же ты король.

Он ответил не сразу. Более того, в его взгляде я увидела отголоски сомнений и вины. И всё-таки, когда он заговорил, голос звучал ровно и твёрдо.

– Лорды высшей аристократии Вергонии не посмеют требовать от меня магического закрепления брака. Будут до последнего надеяться, что я с тобой разведусь, ведь им не нужна айвирка на троне. Айвы, даже если и попробуют настоять на магическом скреплении брачных уз, пойдут лесом со своим требованием. Этого в мирном договоре не прописано, так что я волен жениться по любым традициям, хоть по деревенским, где даже записи в документах не всегда делаются. Но есть ещё ведьмы, и если они будут настаивать на колдовском брачном ритуале, тут я сделать ничего не смогу.

– Почему? Они ведь такие же твои подданные, как и остальные. Ты – их король, – произнесла в недоумении.

– Они помогли мне выиграть войну, хотя собирались держать нейтралитет. Я должен им за это. И я обещал, что женюсь на ведьме, но при этом мне пришлось подписать мирный договор, в котором есть пункт, что женюсь я на айвирке. Правильный выход мне подсказала та ведьма, о которой я тебе рассказывал. Она заявила, что ведьмы примут мою избранницу, только если эта избранница будет предназначена мне чуть ли не Девой Заступницей и Отцом Защитником.

– У нас бы сказали, Великими Стихиями и богиней Гердой. Я и забыла, что у нас разные религии, – проговорила я чуть виновато.

– Суть у этих религий одна. Ведьмы и колдуны, кстати, наравне с нашими богами почитают и Стихии, – сообщил Анхельм и вернулся к

теме нашего брака: – Определённая связь между мной и тобой есть, я её чувствую. Но не уверен, что ведьмам этого будет достаточно. Они могут потребовать провести ритуал скрепления судеб. По нему, если мы друг для друга посторонние – ничего не произойдёт, и свадьба просто не состоится. Но если мы – так называемая истинная пара, то магия свяжет нас на всю жизнь. И после этого я не смогу исполнить данное тебе слово и отпустить тебя через год.

Я озадаченно молчала, осмысливая услышанное. Мне совсем не хотелось, выбравшись из оков рабства, получить другие – нерушимые. Но всё же жена – не рабыня. Да и вовсе не обязательно всё время находиться рядом с мужем, исполнять его приказы. Хотя в Айвирию вернуться уже не получится.

– Обещаю тебе, что сделаю всё, чтобы мы обошлись без этого ритуала, – проговорил Анхельм. – Но... я знаю ведьм. Они просто так не смирятся. Потому и предупреждаю тебя о вероятности такого исхода.

– Я могу отказаться от ритуала. Заявить, что боюсь ведьм и их колдовства, – предложила я первое, что пришло в голову.

– Если они не примут тебя в качестве моей супруги, остальное будет бессмысленно. Я не смогу на тебе жениться, а ты нарушишь клятву, которую дала мне сегодня утром. Получается замкнутый круг.

– А ты готов ради дела связать со мной жизнь? Не на год, а навсегда? – спросила я с нотками возмущения. – Но как же чувства? Любовь?

– Это не для меня, – он посмотрел с тёплым укором, как на несмышлёное дитя. – Я всем сердцем люблю только Вергонию. И сейчас вопрос о чувствах вообще не стоит. Поверь, ни ведьм, ни айвирцев, ни вергонцев не интересует, что мы испытываем друг к другу. Им всем плевать. Но именно ведьмы, как самая обиженная сторона, могут начать вставлять палки в колёса. Они могут отреагировать на мой выбор супруги прямо противоположно. Признают для вида, а потом попробуют от тебя избавиться. И этот вариант нравится мне куда меньше ритуала. Поэтому, Элин, я всё больше склоняюсь к тому, чтобы пойти на него добровольно. Истинную пару ни одна ведьма разбивать не станет, для них это преступление против воли богов. Так что подумай об этом. А сейчас

давай уже закроем сложные темы, выпьем чаю и пойдём спать. Утром суд, у меня ещё уйма дел, а времени остаётся всё меньше.

Моего согласия он не ждал. Сам быстро разлил чай по чашкам, придвинул ко мне пирожные и снова вернулся к изучению своих документов. Отвлекать его я не стала, но и от чая не отказалась. Правда, с пирожным справилась быстро, а потом просто ушла в свою спальню.

Мне следовало тщательно обдумать всё, что я сегодня услышала, переварить информацию. Именно этим я и собиралась заняться, ложась в кровать. Но, видимо, слишком вымоталась, как морально, так и физически. Уснула, едва голова оказалась на подушке.

Глава 14. Суд, артефакт истины и Эниремия

– Элин, просыпайся, – донёлся до меня тихий мужской голос.

Нехотя открыв глаза, я несколько раз моргнула и удивлённо уставилась на сидящего на краю кровати светловолосого мужчину. Он был серьёзен, задумчив, но, увидев, что я смотрю на него, чуть улыбнулся, а его взгляд посветлел.

– Через час мы должны быть во дворце. Тебе нужно позавтракать, – проговорил Анхельм. – Приводи себя в порядок. Жду в гостиной.

Удостоверившись, что я проснулась, он вышел, а я медленно села и потёрла сонные глаза. Как ни странно, предстоящий суд меня почти не пугал. Наверное, тут тоже дело было именно в Анхельме. Рядом с ним я чувствовала себя защищённой, он ведь уже не раз доказывал, что способен на многое. А его вчерашняя беседа с принцем Гервином, точнее, тон их разговора, многое мне показал.

На мгновение я представила, что пришлось бы идти на пересмотр дела одной, и меня передёрнуло от испуга. Вмиг накатил страх на грани паники и пришло понимание, что, какую бы роль Анхельм не сыграл в моём прошлом, в настоящем он для меня самая надёжная защита из всех возможных.

Собралась я быстро, надела вчерашнее платье, волосы заплела в косу, свои вещи сложила в сумку и с ней вышла в гостиную. При моём появлении Анхельм поднялся, приветливо улыбнулся и пригласил к столу.

Ели мы в тишине. Точнее, я ела, а его величество снова просматривал документы, делал в них пометки и не обращал на меня никакого внимания. Когда же я закончила с завтраком, Анхельм сложил бумаги в папку, сунул её в кожаный портфель и скрылся в своей спальне.

– Оставь вещи на диване, мои ребята всё заберут, – сказал он, вернувшись.

На нём был строгий тёмно-серый костюм, волосы он зачесал на боковой пробор и выглядел сейчас, скорее, как богатый горожанин, совсем не похожий на короля.

– Тебе придётся дать мне руку и не отпускать до самого зала заседаний, – проговорил он, остановившись передо мной. – Я прикрою нас отводом глаз, так будет проще и безопаснее. Тут не так много айвов знает меня в лицо, но лучше не рисковать.

– Конечно, – ответила я, но пальцы в раскрытую ладонь вкладывала с опаской.

Да, скрываясь под личиной Арта, этот мужчина не раз и не два держал меня за руку, обнимал и даже носил на руках. Но сейчас передо мной был король Вергонии, и этот факт заставлял меня нервничать.

Сжав мои пальцы, он посмотрел ободряюще и произнес, мягко улыбнувшись:

– Всё будет хорошо, Элин. Гервин, конечно, попробует снова зацепить тебя, напугать. Просто помни, что я, в случае чего, даже в морду ему дать могу.

– Это слишком, – я покачала головой. – Ты же шутишь?

– Нет, – он усмехнулся. – Мы с ним однажды уже дрались. Как раз после очередного дня переговоров о перемирии. Отвели душу, так сказать. И я знаю, что он не прочь повторить. Да и я тоже.

Я смотрела на него и не могла поверить, что он говорит серьёзно. Представить Хельма дерущимся с кем-то у меня ещё получилось, но его высочество Гервина – никак.

– Кстати, я сообщил Кэтрин о времени суда. Уверен, она придёт, – с лёгким злорадством добавил Анхельм. – А при ней Гер обычно ведёт себя как образцовый принц. А ещё, не сомневаюсь, что судьи будут задавать крайне неприятные вопросы. Отвечай правду, вали всё на меня, мне они ничего сделать не смогут.

– Так уверен в своей неприкосновенности? – вылетело у меня.

– Нет никакой неприкосновенности, – проговорил он, отведя взгляд от моих глаз. – Просто я здраво оцениваю ситуацию. Официально вредить мне они не станут, это им сейчас невыгодно. Но нам всё равно следует прямо после суда покинуть Айвирию. Уйдём через порталный переход во дворце. Отправимся в Ферсис, мои ребята будут встречать нас уже там.

Я кивнула, хоть и не имела понятия, что это вообще за город. Видимо, оттуда поедет к ведьмам, как он сообщил вчера. В любом случае, пойду, куда поведут. Сейчас у меня нет права голоса. И для начала нужно как-то пережить суд.

Во дворец мы ехали тихо, без фанфар и помпы. С нами в машине были только водитель в тёмно-серой форме с гербом Вергонии на плече и черноволосый друг Анхельма, тот, что крутил роман с Сиалией. Кажется, его имя Холтер.

Во втором автомобиле нас сопровождали ещё трое охранников и двое мужчин из вергонской делегации. Одного – рыжеволосого, статного, с надменным лицом и зелёными глазами, звали Четтер Гайсли. Второго – длинноволосого невысокого блондина, мне представили как Вислера Долна. Оба они при знакомстве вели себя вежливо и приветливо, но если Вислер смотрел на меня с теплотой и интересом, то во взгляде Четтера я чувствовала только холод.

У парадных дверей дворца нас встречал целый отряд гвардейцев и его высочество Анмар собственной персоной. С Анхельмом он поздоровался за руку, остальным просто кивнул, по мне лишь мазнул взглядом, но ничего не сказал.

До зала суда мы шли в напряжённом молчании. В коридорах разносился лишь топот ног по гладкому мраморному полу, под этот звук моё сердце стучало всё быстрее. Хельм всё так же держал меня за руку, хоть в этом уже не было необходимости, ведь мы больше не прикрывались отводом глаз. Но я сама крепко вцепилась в его пальцы, как в единственное спасение, и опасалась, что не смогу их отпустить, даже когда меня вызовут для дачи показаний.

Зал суда оказался небольшим, светлым, но атмосфера в нём царила тяжёлая, давящая. Как и предполагал Анхельм, принцесса Кэтрин действительно пришла на заседание вместе с кронпринцем. Увидев меня, она ободряюще улыбнулась и взяла мужа под руку. Тот посмотрел на неё строго, но во взгляде всё равно читалась нежность.

Когда мы все расселись по местам, через отдельную дверь в зал вошли трое судей в белых костюмах, и заседание началось.

Меня вызвали первой. Попросили рассказать всё, что случилось в ту роковую ночь. Потом долго мучили вопросами, расспрашивали и так, и этак: не была ли я в сговоре с Анхельмом Вергонским? Почему

начала его лечить? Как получила доступ в его камеру? И так далее. Это продолжалось бесконечно. Пришлось в деталях вспомнить все события, начиная с того момента, как пленённого вергонца привезли в замок Айнс, упомянуть даже о незначительных мелочах, которые к делу точно отношения не имели. Я отвечала на вопросы очень подробно, говорила только правду, но мне всё равно не верили.

А потом всё стало ещё хуже.

– Вы пришли сюда, держа за руку его величество Анхельма, что явно говорит о наличии между вами близких отношений, – сказал судебный обвинитель, противный худощавый мужчина лет пятидесяти. – Отсюда напрашивается вывод, что вы давно знакомы. Следовательно, вполне могли быть с ним в сговоре и год назад.

– Нет же! – у меня начали сдавать нервы. – Тогда в замке Айнс я просто его лечила. Мы почти не разговаривали, между нами точно не было никаких отношений. А познакомились заново несколько дней назад, в академии. Его величество Анхельм узнал о моём приговоре и пообещал исправить несправедливость.

– С королём Вергонии? В академии? – скептически бросил один из судей. – Откровенное враньё.

Я нашла взглядом Хельма. Он был недоволен, чуть ли не взбешён, но смотрел при этом не на меня, а на Гервина. Вдруг Анхельм поднялся на ноги и обратился к судьям:

– Господа, я безмерно уважаю вашу судебную систему и понимаю ваше желание выслужится перед вашим драгоценным кронпринцем, но не имею возможности сидеть здесь целый день. Дабы сократить время нашего с вами общения и быстро исправить ошибочный приговор, вынесенный эрни Лиссер, я предлагаю использовать артефакт истины. Даю на это своё согласие, и Эбелин тоже согласна. Мы с ней ответим на ваши вопросы, находясь под действием артефакта. Но вопросы должны иметь непосредственное отношение только к этому делу, прошу проследить за этим её высочество Кэтрин, как нейтральную незаинтересованную сторону.

Все трое судей уставились на Гервина, ожидая его ответа. Тогда-то я и убедилась, что они действительно по его приказу взялись так активно проводить заседание. Неужели его высочеству настолько важно устроить подлянку Анхельму при любом удобном случае?

– Я согласна, – проговорила принцесса Кэтрин и, поднявшись на ноги, глянула на супруга. – Гервин, распорядись, чтобы принесли артефакт. Мне тоже не хочется сидеть здесь весь день.

– Ты можешь отправиться в наши покои или в академию, – спокойно ответил он. – Данное заседание скорее всего продлится до самого вечера.

– С артефактом оно закончится быстрее, – парировала Кэтрин.

– Есть вероятность, что он не заряжен, – не желал соглашаться кронпринц. – И мы не будем ждать два дня, чтобы он снова стал пригоден для использования.

– Я принесу, заодно проверю, – вдруг заявил сидящий справа от них принц Анмар.

– В таком случае, объявляется перерыв на полчаса, – равнодушным тоном проговорил главный судья и, поднявшись, направился к боковой двери. Его коллеги пошли следом.

Я устало опустила голову на сложенные руки. Не знаю, как долго шёл мой допрос, но по ощущениям – не менее двух часов. Вопросы задавались одни и те же, но с разными формулировками. И чем подробнее я отвечала, тем больше становилось новых вопросов.

– Элин, – позвал Хельм и коснулся моего плеча. Когда я подняла голову и поймала его обеспокоенный взгляд, спросил: – Как ты? Хочешь, пройдемся пока?

– Не думаю, что нам с тобой стоит ходить по дворцу, – ответила я тихо. Всё же присутствие принца ГERVина меня очень смущало.

Хельм кивнул и сел рядом со мной на широкую скамью для подсудимых, и его совершенно не смущало назначение этого места.

– Артефакт истины – та ещё гадость, – сказал он почти шёпотом. – Даже не думай соврать, когда он будет на тебе. Говори правду и тогда всё пройдет быстро и легко. А Кэтрин проследит, чтобы у нас не спрашивали лишнего.

Он поднял взгляд, посмотрел вперёд, и я тоже увидела, что принцесса направляется прямо к нам. При её приближении я хотела подняться, но Анхельм удержал, приобняв за плечи.

– Эбелин, мне так жаль, что тебе снова приходится проходить через суд, – сказала её высочество. – Я верю, что ты ни в чём не виновна, и мы это докажем. Жаль только, истинный виновник не понесёт должного наказания.

И бросила быстрый взгляд на Анхельма.

– Я могу надеяться, что ты проследишь за тем, чтобы нам не задавали лишних вопросов? – спросил он её деловым тоном. – Так уж вышло, Кэт, что из всех присутствующих здесь Дарвидов я считаю именно тебя самой честной и порядочной.

Она чуть смутилась, на щеках появился заметный румянец, но взгляд не изменился.

– Конечно, я прослежу, – ответила ему принцесса и поспешила снова повернуться ко мне, будто ей было неприятно даже просто смотреть на Анхельма.

– Спасибо, – ответила я ей. – Я не виновата, мне нечего скрывать. Ваш артефакт это подтвердит.

– Так и будет, – согласилась её высочество и, чуть постояв рядом с нами, всё-таки вернулась к супругу.

Я же вдруг заметила, что у меня дрожат руки, и поспешила спрятать их под столешницей. Это не укрылось от Хельма, он поймал под столом мои пальцы и крепко сжал.

– Не бойся, – шепнул он мне на ухо. – Скоро всё закончится, и ты получишь свою свободу от рабского ошейника. Гер мог организовать всё проще, но ему доставляет удовольствие показывать мне своё превосходство. Это месть, Элин. Мелочная, глупая, но всё же именно месть.

– За что? – спросила я, повернувшись к нему.

Но совсем не ожидала, что наши лица вдруг окажутся настолько близко, и едва сдержалась, чтобы не отпрянуть. Правда, взгляд отвела, даже руку свою попробовала забрать, но Хельм не отпустил.

– За многое. В первую очередь, за захват его дворца и пленение королевы, – ответил он шёпотом и даже придвинулся ещё ближе к моему уху. – Именно это гложет его сильнее всего. Только Гер забывает, что мой дворец он тоже захватывал, жил себе там, как хозяин, и, кроме этого, убил моего отца... Так кто и кому должен мстить?

Я сглотнула, и сама сжала ладонь Анхельма. Он медленно выдохнул и обнял меня чуть крепче. На этом наш разговор затих.

Принц Анмар вернулся ровно в назначенное судом время. Сразу же в зал вошли судьи, и допрос продолжился, но теперь на моей шее висел синий драгоценный камень в серебристой оправе.

Вопросов стало меньше и звучали они исключительно по существу. Когда я с артефактом на шее подтвердила, что не помогала в организации побега Анхельма и оказалась жертвой его плана, которую он пощадил, меня, наконец, оставили в покое. Самому Хельму задали ещё меньше вопросов. Знал ли он меня до нашей встречи в замке Айнс? Помогала ли я ему осознанно или стала случайной жертвой? Говорил ли он мне о планируемом побеге? И всё в таком духе. Правда, его допрашивали всего минуты три, а потом принцесса Кэтрин собственноручно сняла с него кулон-артефакт.

Судьи снова удалились для принятия решения, но в этот раз вернулись быстро. И, попросив меня встать, главный из них с каменным лицом объявил:

– Суд постановил аннулировать обвинение в государственной измене Эбелин Лиссер и отменить вынесенный ранее приговор. Суд приказывает снять с Эбелин Лиссер рабский артефакт немедленно. Также суд постановил изменить приговор Эдмунду Лиссеру, допустившему гражданское лицо к арестованному преступнику. Решено заменить три года рабства одиннадцатью месяцами. И так как данный срок уже прошёл, суд постановил освободить Эдмунда Лиссера от рабского артефакта.

Он продолжал говорить, зачитывал пояснения, перечислял статьи кодекса, а у меня в голове будто ударил огромный колокол и продолжал гудеть. Я никак не могла поверить, что мой приговор аннулирован, что папе вернут свободу, хоть его и не оправдали полностью. Мир перед глазами начал расплываться от застывшей их пелены слёз, а душу затопило невероятное облегчение.

Рядом снова появился Хельм, обнял меня, прижал к груди, а я уткнулась в его плечо и отпустила себя, разрешила себе разрыдаться, выплеснуть, наконец, те кошмарные эмоции, что копились во мне весь год. Да, я мечтала об этом моменте, грезила о нём вечерами. Но даже в самых смелых своих фантазиях не могла представить, что в день моего освобождения буду рыдать на плече того самого человека, из-за которого оказалась рабыней. И уж тем более, что вместо ненависти меня будет переполнять всепоглощающая благодарность.

Анхельм

Эниремия с интересом поглядывала на спящую на диване Элин. Я видел по сияющему взгляду сестры, что ей хочется задать мне немало вопросов, но пока рядом находилось слишком много людей, и она хранила молчание. Да, сейчас в гостиной их с Маром покоев собралась вся её так называемая семья: Гервин с Кэт, Мар, даже королева. Хорошо хоть, не было короля Сергиуса, и на том спасибо.

Я бы с радостью обошёлся без таких «семейных» встреч, но с Эбелин после суда случилась самая настоящая истерика – нервный срыв, как диагностировал вызванный лекарь. Она плакала и никак не могла успокоиться, пришлось даже усыпить её заклинанием. По хорошему, следовало дать ей несколько дней передышки, полного покоя от переживаний, но я не хотел задерживаться в Айвирии.

Анмар пригласил нас к себе, и я решил, что пару часов спокойного сна пойдут Элин на пользу, и уложил её на диван в гостиной сестры. Но вот никак не думал, что там соберётся такая толпа.

Нет, против присутствия королевы я ничего не имел. Когда она в прошлом году гостила в нашем плену, мы с ней странным образом подружились. Мне даже начало казаться, что она воспринимает меня не врагом её королевства, а кем-то вроде осиротевшего несчастного племянника. Эниремию она и вовсе полюбила, словно родную дочь. И этот факт меня искренне радовал.

– Идём, Кэтрин, твоей подруге нужен отдых и тишина, а не толпа вокруг, – первым озвучил здравую мысль Гервин.

– Но я должна знать, что с ней будет, – не желала сдаваться его супруга. – Она же теперь свободна и сможет спокойно учиться в академии. Я бы хотела, чтобы Эбелин осталась во дворце. Должны же у меня быть фрейлины, так пусть она станет первой.

– Я заберу её в Вергонию, – сообщил я Кэтрин, да и всем остальным сразу. – Примерно через месяц состоится наша свадьба. Но сейчас не лучшее время для разговоров. Элин нужно хоть немного отдохнуть. Я собирался убрать действие наведённого сна, но...

Намёк был более чем прозрачным, и Кэтрин всё-таки сдалась. Правда, перед уходом попросила позволения навестить Эбелин в Харсайде, конечно, неофициально, и я не смог ответить отказом. Судя по выражению лица ГERVина, ему эта идея совершенно не понравилась, но он благоразумно промолчал и поспешил увести свою супругу.

За ними ушла и королева, да ещё и умудрилась под надуманным предлогом увести с собой Мара. Наконец, мы с сестрой и спящей Элин остались втроём.

– Хельм, а ведь именно эта девушка была в моём видении, – тихо, но эмоционально проговорила Эниремия, подавшись вперёд. – Именно она в нём двинула тебя по лицу. Это сбылось?

– Нет, – ответил я, улыбнувшись. – Я вёл себя с ней очень осторожно, был предельно открыт, старался не выводить из себя. Поэтому просто не дал повода на меня злиться. Можно сказать, твоё видение уберегло меня от проблем.

Сестра довольно хмыкнула и снова посмотрела на Эбелин.

– Ты серьёзно собрался на ней жениться?

– Да, Эни, – кивнул я. – И очень скоро. Но скажи, были ли у тебя ещё видения с моим участием?

– Нет, – она отрицательно покачала головой. – Давай попробую сейчас.

Эниремия взяла меня за руку, прикрыла глаза, попыталась призвать видение... но, как и в прошлый раз, ничего у неё не получилось. Всё же, её дар пока работал крайне нестабильно. Она хоть и старалась его подчинить, научиться контролировать, но особых успехов ещё не достигла. Иногда у неё получалось легко, но чаще всего дар просто не давал ответов на вопросы.

– Ничего не вижу. Даже обрывков видений нет, – сестрёнка нахмурилась и подняла на меня задумчивый взгляд. – Наставница говорила, что такое случается, когда человек стоит на распутье, а его жизни угрожает огромная опасность. Хельм, – она сильнее сжала мою ладонь, – пожалуйста, будь очень осторожен. Я боюсь за тебя.

– Не нужно волноваться, Эни, – я попытался улыбнуться. – Но спасибо за информацию, я тебя услышал и буду настороже.

– Может, – она перевела взгляд на спящую Эбелин, – тебе стоит отказаться от этой девушки? Вряд ли твои придворные легко примут

на троне бывшую рабыню, да ещё и айвирку. Вдруг поднимется бунт?

– Разберусь, – я накрыл её руку своей и, чуть помолчав, добавил: – Ты, главное, сама будь счастлива. И не переживай за своего бедового брата. Расскажи мне лучше про свою малышку. Как тебе в роли матери?

Эниремия расплылась в улыбке, и я понял, что выбрал правильную тему. Оказалось, что о дочери сестра может говорить бесконечно. Она буквально фонтанировала эмоциями, рассказывая, что малышка уже может держать голову и даже пытается переворачиваться на животик, что часто ночами устраивает им концерты, но Мар очень терпелив и может сам подолгу укачивать дочурку, давая супруге возможность отдохнуть. Что касается нянь, то их Эни на ночь всегда отправляла по домам, считая, что в ночное время в покоях посторонних быть не должно.

За один час я узнал о детях больше, чем за все прожитые годы, а на сестру смотрел, как на настоящую героиню. И ещё понял, что к детям точно не готов, по крайней мере, пока. Мне нужна холодная голова, а если не спать ночами, то мысли в ней начнут путаться.

Элин проснулась сама. Увидев Эниримию, чуть растерялась, но тут моя сестрёнка поспешила представиться, да и вообще окружила бывшую рабыню заботой и вниманием. Казалось, Эбелин сама не заметила, как оказалась за накрытым к обеду столом, да ещё и вовлечена в беседу о беременности и младенцах. Зато у неё не осталось ни единого шанса снова окунуться в тяжёлые мысли и погрязнуть в разрушительных эмоциях. И за это я был очень благодарен внимательной сестрёнке.

После обеда я всё же напомнил, что нам пора уходить. Все мои сопровождающие, кроме двух гвардейцев, уже давно ждали нас в Ферсисе. Оттуда на машинах нам предстояло направиться к Сертону – главному городу ведьм.

На прощание Эниремия крепко меня обняла, снова попросила беречь себя и быть осторожным. А потом в качестве прощального жеста взяла за руку Эбелин. И по тому, как мгновенно остекленел взгляд сестры, я понял, что её накрыло видение.

Длилось это её состояние всего несколько секунд, Элин даже ничего не заметила. Но когда я хотел спросить, что же увидела Эниремия, меня отвлёк вернувшийся в покои Мар.

– Портал готов и настроен, можете отправляться прямо сейчас, – сказал он, отойдя со мной в сторону, и добавил уже тише: – Наши шпионы, Хельм, докладывают, что в твоём дворце готовится что-то серьёзное. Недовольные твоим правлением лорды часто собираются вместе, ходят слухи, что грядут аресты и казни.

– И к чему эти слова, Мар? – спросил я, прямо встречая его взгляд. – Желаете чем-то помочь?

– А ты примешь помощь? – спросил он. И сам же ответил: – Точно не от меня.

– Приму, если припрёт. Но пока я контролирую ситуацию.

– Хотелось бы в это верить, – ответил Анмар и перевёл взгляд на свою супругу.

Я тоже обернулся и увидел, что Эниремия что-то быстро и взволнованно говорит Эбелин. Элин же при этом выглядела собранной и серьёзной, а слушала внимательно. Очень хотелось спросить, что же было в видении, но я решил позже поинтересоваться этим у своей новоявленной невесты.

До дворцовой портальной комнаты нас провожал Мар. Эни тоже рвалась, но не вовремя проснулась её малышка и потребовала материнского молока и внимания. Мы же спустились на первый этаж, где располагался стационарный портал, и уже там Анмар приказал дежурному магу активировать переход. Один из моих гвардейцев, Паул, передал ему координаты места, где нас ждали остальные. Он же первым вошёл в мутноватое марево арки. Я мягко подтолкнул Элин и сам шагнул следом.

Но лишь стоило мне выйти из портала, как тело будто сковало тысячей энергетических пут, а руку выше локтя пронзило резкой болью. Я даже повернуться не смог, лишь краем сознания понял, что это что-то вроде тонкой стрелы или дротика. Мир перед глазами начал расплываться и темнеть, ноги мгновенно ослабели...

Перед тем, как окончательно потерять сознание, я всё же успел отметить, что вокруг слишком много деревьев для города или пригорода, да и шумит рядом что-то, похожее на реку или даже водопад. И на этом отключился.

Часть вторая. Крылатая и проклятый

Глава 15. Похитители, крылья и водопад

Эбелин

– Ты убьёшь его раньше времени. Остановись! – слышался рядом смутно знакомый мужской голос.

Я различала его будто сквозь толстый слой ткани. Звуки казались приглушёнными и далёкими, а открыть глаза почему-то никак не получалось.

– Он живучий, – ответ прозвучал язвительно, а говорила молодая женщина.

– Зачем тебе столько его крови? Насколько я знаю, для зелья нужно всего несколько капель, – снова сказал мужчина.

– Пригодится, – бросила неизвестная особа. – Я сохраню её так, чтобы она не портилась и не теряла своих свойств. Этого запаса нам с тобой хватит на пару лет. Хельм нам больше не нужен, но... пока лучше оставить нашего короля относительно живым. Вдруг что-то пойдёт не так, в таком случае мы сможем быстро всё переиграть. Но его необходимо максимально ослабить, чтобы он не создавал проблем.

– Да, я помню, – судя по тону, мужчине что-то не нравилось. – А вот от рабыни я бы избавился.

– Не торопись, успеем, – осадила его подельница. – Пока пусть живёт, тем более, спать она будет ещё очень долго. Избавимся от неё, когда станет ясно, что всё идёт, как надо. Лучше всегда иметь в рукаве козыри, а в голове – запасные варианты.

Я слушала их, но никак не могла понять, что вообще происходит. Кто эти люди? Чего хотят от нас с Хельмом? Где мы вообще? Увы, шевельнуться не получилось, открыть глаза – тоже. Хотя, наверное, это пока к лучшему.

– Всё. Я закончила с ними. Идём, – проговорила женщина.

– Может, стоит их связать? – обеспокоенно предложил мужчина.

– Я больше доверяю зельям и магии, чем верёвкам, – прозвучал насмешливый ответ. – Да и не нужны нам лишние следы на телах. Поверь, проколоться можно даже на незначительной мелочи.

Звук удаляющихся шагов быстро стих, скрипнула дверь, и в повисшей вокруг глухой тишине я снова погрузилась в сон.

Следующее пробуждение оказалось ещё более странным. Я снова проснулась от звуков голосов, но на сей раз они были другими, да и говор имели более простой, будто бы даже деревенский.

– Слышь, Карт, а давай девку разбудим. Хоть развлечёмся чуток, пока время есть. А то сидим тут уже неделю, как две сторожевых собаки, – сказал один.

– Нет. Я приказ ведьмы нарушать не стану, – ответил второй.

– Да не узнает она ничего. Смотри, какая чернявая, ладная, хоть и худая. И я с айвиркой никогда ещё. Можем даже не будить, трахнем по очереди. Только я первый.

– Нет, Хамос. Ещё очнётся раньше времени, взбрыкнёт. Неизвестно, что от этой крылатой можно ожидать. Сделаем всё, как ведьма велела. Ты зелье-то не потерял?

Послышались шорохи, звуки какой-то возни, приглушённая ругань, а потом этот самый Хамос вдруг громко выпалил:

– Демоновы копыта!

– Что там? – настороженно спросил второй.

– Да лопнула склянка окаянная! Всё зелье вытекло. Карт, что делать-то будем? Если ведьма узнает, проклянёт же, как пить дать.

Второй побряхтел, судя по звукам шагов, прошёл по комнате, а потом предложил:

– Давай без зелья. Они же всё равно, как два овоща переваренных. И не будем ждать ночи, лучше сразу всё закончим. Бери девку, а я возьму величество. Скинем сейчас, и дело с концом. А ведьме отчитаемся, что всё прошло гладко.

– Точно! И не нужно никакого зелья. Размажутся по скалам и так, – Хамос довольно хохотнул и хлопнул в ладоши.

Я слушала их странную беседу, словно она происходила во сне. Пыталась сосредоточиться, но сознание окутал плотный туман. А когда меня вдруг резко дёрнули и куда-то потащили, что-то в голове

резко включилось. Мне даже удалось открыть глаза, правда, видела я перед собой только огромную мощную спину. Щека тёрлась о грубую ткань куртки, а коснувшийся лица и рук холодный ветерок помог скорее прийти в себя. Меня явно несли, причём вокруг были высокие сосны, пахло осенью.

Кое-как повернув голову, я заметила, что за нами по узкой тропинке следует крупный мужик в довольно потрёпанной одежде. Он тоже кого-то тащил на плече, и, даже не видя лица, я поняла, что это Анхельм.

Мигом вспомнились услышанные разговоры, а чувство опасности заставило мыслить чётко и ясно. Ведь, если я правильно поняла, от нас хотят избавиться по приказу какой-то ведьмы. Скинуть со скал. И собираются сделать это прямо сейчас.

Чуть пошевелила головой, пальцами, попыталась оценить своё состояние. Во всём теле чувствовалась слабость, но магию ничто не ограничивало. Я могла бы прямо сейчас создать усыпляющее плетение и этим нейтрализовать того, кто меня несёт. По второму тоже можно ударить на расстоянии.

Только я не боевик и никогда не применяла магию во вред другим. Но сейчас у меня просто не осталось выхода.

Не позволив себе сомневаться, создала в руке нужное плетение, чуть повернулась и направила в идущего за нами мужика. Оно совершенно точно достигло цели, влетело ему прямо в грудь, да только этот бугай лишь поморщился и почесал место, куда попала моя магия.

Великие Стихии! Да как такое может быть? Хотя... сейчас не время для анализа. Нужно срочно придумать что-то другое!

Усыпить того, кто меня нёс, тоже не получилось. Он даже не почувствовал магии, зато обратил внимание на моё копошение. Встряхнул, сильнее сжал ноги, за которые держал, и вдруг сказал:

– Слышь, Карт, девка-то просыпается, кажись.

– Шагай резче, – нервно ответил второй. – Почти пришли.

Я старалась не шевелиться, чтобы не привлекать к себе внимания. Вместо этого снова украдкой посмотрела в сторону и только теперь слышала шум воды. Он доносился откуда-то снизу, а учитывая, что мужики говорили, что хотят скинуть нас со скал, возможно, они как раз и имели в виду горную реку?

Мы вышли на открытое пространство, и я сообразила, что находимся мы где-то очень высоко, а внизу явно обрыв.

– Ну всё, – сказал тот, кто меня нёс, будто бы даже с грустью. – Жаль, не получилось с девкой развлечься. Может, всё-таки...

– Ты совсем отбитый? – возмутился второй. – Жить надоело? Бросай её, хватит ахинею нести. И пусть летит вниз, пташка айвирская.

Пташка? Великие Стихии, как я могла об этом забыть?! Слишком долго была в рабстве, да и сейчас соображала с трудом.

Когда бугай снял меня с плеча и опустил на землю, я прикрыла глаза и снова притворилась спящей. Судя по звукам, рядом со мной второй бандит сбросил на землю Анхельма.

– Глотку ей перережь для верности. А то вдруг ещё взлетит, –скомандовал Карт.

И тут я поняла, что нужно действовать прямо сейчас. Открыла глаза, увидела рядом Хельма, лежащего без сознания на пологом склоне, заметила, что буквально в метре от нас этот склон заканчивается обрывом, и из этой ситуации выход был только один.

Создав в руке магический аркан, я обхватила им ногу Анхельма, оттолкнулась руками и кубарем покатила вниз. Голову, руки, ноги царапали камни и колючие кусты, но главное, что я отдалялась от бандитов и тащила Хельма за собой.

– Эй, они катятся! Лови! – крикнул, кажется, Карт.

– Да и пусть катятся, – даже с облегчением ответил второй. – Руки в крови марасть не придётся.

– Идиот! Она же крылатая! Сейчас полетит!

– Демоны!

Не знаю, ринулись ли они за нами или нет – это уже не имело значения. Потому что мы сорвались с обрыва и стремительно понеслись вниз, но не по воздуху, а по скале. Мир вертелся вокруг нас, кожа горела от ссадин и царапин, в ушах шумело, а мы всё падали и падали. Но когда эта круговерть вдруг закончилась, и лицо опалило холодным ветром, я тут же призвала крылья.

Они послушались сразу, но когда раскрылись за спиной, меня закрутило воздушными потоками. Выровнять полёт никак не получалось, и крылья пришлось снова прятать.

Теперь, осознавая, что имею возможность призвать их в любой момент, я смогла собраться с мыслями. Нашла взглядом Анхельма, который, к счастью, падал совсем рядом, видимо, сорвался со скалы позднее. Потянула за магический аркан, всё ещё связывающий нас, крепко вцепилась в так и не пришедшего в сознание короля, обхватила его руками и ногами... и снова призвала крылья.

Нас дёрнуло вверх и закрутило. Я всеми силами старалась если не выровнять полёт, то хотя бы притормозить падение. Мы с Хельмом были слишком тяжёлыми для моих крыльев, лететь прямо или вверх никак не получалось, и остался только один вариант: снижаться, но максимально плавно.

Перед глазами мелькали отвесные скалы, в ушах шумел ветер, так что я далеко не сразу заметила, что летим мы прямо в горную реку, а из воды, словно пики, торчат острые камни. С нашей скоростью приземление на них будет равносильно смерти.

И тут моё внимание привлёк отдалённый шум водопада. Он находился ниже по течению и сейчас был нашим единственным шансом. Ведь там, скорее всего, довольно глубоко, а значит, у нас хотя бы появится крохотная возможность не расшибиться.

Силы стремительно заканчивались. Контролировать крылья становилось всё сложнее, а взмахи и вовсе получались с трудом. Руки давно устали, держать Хельма было очень тяжело, и даже магия уже не помогала. Но только от одной мысли, что, если отпущу его, он упадёт на камни, всё во мне ошестинивалось протестом.

Нет! Если падать, то вместе, и никак иначе.

Не знаю, каким чудом я смогла дотянуть до водопада – видимо, на чистом упрямстве. Даже как-то сумела максимально снизить скорость перед его подножием. Но когда мы рухнули в ледяную воду, я едва снова не потеряла сознание.

Дальше действовала уже на чистых инстинктах. Вынырнула на поверхность, кое-как дотащила Анхельма до берега, тратя последние силы, вытянула его на камни... И с ужасом поняла, что он не дышит.

Магии во мне не осталось совсем. Я была опустошена полностью, даже на диагностическое заклинание сил не хватило. И тогда, не думая уже ни о чём, начала лихорадочно вспоминать способы оказания помощи без магии. Считая про себя, стала ритмично давить на грудную клетку Хельма, запрокинула его голову назад, зажала его нос,

приоткрыла ему рот и, прижавшись к нему губами, сделала два сильных выдоха. Потом снова принялась за массаж сердца, чётко отсчитывая ритм... и затем снова выдохнула рот в рот. И наконец... он захрипел, закашлялся. Я едва успела повернуть его голову набок, чтобы он не захлебнулся.

Увы, даже теперь в себя Хельм не пришёл, но его сердце стучало, хоть и довольно глухо, и он снова мог дышать сам. Я же просто упала рядом с ним на камни, продолжая держать руку на его запястье и отсчитывая пульс.

Не знаю, сколько я так пролежала, глядя на серое небо и нависающие над головой ветки. В-ремя как будто остановилось. Не было сил даже на то, чтобы сесть и осмотреться, а веки стали казаться невероятно тяжёлыми. Я разрешила себе прикрыть их всего на несколько секунд, но... кажется, всё-таки отключилась.

Рядом гремел водопад.

Этот шум перекрывал все остальные звуки и будто бы специально удерживал на грани глубокой дрёмы. Несколько раз я пыталась проснуться, но звук падающей воды снова и снова отправлял сознание в забытие. И ни чувство холода, ни твёрдые камни не могли вернуть меня в реальность.

Каждый раз, погружаясь в сон, я впадала в странные грёзы. Видела отца, маму, старых подруг, друзей. В одном видении присутствовал Кастел Вислоу, решившийся, наконец, меня поцеловать. Потом была бесконечная череда приказов от Ринора, смех его сестры...

В какой-то момент я снова оказалась на суде, но не на последнем, а на самом первом, когда меня огорошили жутким приговором. И всё во сне было так же, как происходило в реальности, за одним лишь исключением: рядом со мной стоял строгий и сосредоточенный Анхельм. А когда меня попытались увести, просто закрыл собой и заявил, что будет защищать до последнего вздоха.

Едва он это сказал, у меня в голове прояснилось. Сон слетел, сознание включилось, и я резко села.

Рядом всё так же шумел водопад, сгущались сумерки и дул холодный ветер. Мышцы колело, руки не слушались, но я всё-таки смогла кое-как развернуться. А стоило увидеть рядом Анхельма, и с губ сорвался беззвучный крик.

Король Вергонии лежал на спине и остекленевшим взглядом смотрел в небо. Его кожа посерела, бледные губы не двигались, а в волосах торчали сухие листья и мелкие веточки.

– Хельм... – прошептала я, отказываясь принимать такую жуткую суровую реальность. И вдруг громко крикнула: – Хельм!

Он дёрнулся, медленно выдохнул и тихо ответил:

– Элин, тише. Не мешай.

Я сглотнула, потёрла глаза, пытаюсь понять, не сошла ли с ума. Потом всё же собрала с силами, подползла к нему, коснулась шеи... и с небывалым облегчением ощутила его пульс.

– Жив... – выдохнула, уткнувшись лбом в его плечо. – Великие Стихии и богиня Герда, спасибо вам!

– Жив, – ответил шёпотом Анхельм. – Элин, я не могу отвлечься. Связь с Храмом сейчас очень зыбкая, а мне нужно отправить его в безопасное место. Дай мне немного времени.

– Конечно, – заверила его и только потом сообразила, что Хран – это ворон, его фамилляр. И от этой мысли на душе стало ещё легче.

Если уж Хельм может держать связь со своей птицей, значит, с ним всё не так уж плохо. Он жив, в сознании, магия при нём, а остальное как-нибудь решим. Следовало, конечно, как можно скорее провести диагностику его состояния, но я пока не стала мешать. Кто знает, может, моё вмешательство собьёт колдовство?

Кое-как поднявшись на ноги, я осмотрелась. Сумерки становились всё гуще, и, судя по всему, ночевать нам придётся прямо здесь. А для этого будет необходим хотя бы костёр, да и место лучше найти поровнее.

Неподалёку обнаружилась маленькая полянка, укрытая с одной стороны скалой, а с другой – раскидистыми кустарниками. Дрова тоже нашлись довольно легко, и вскоре я уже грелась у небольшого костерка. Одежду высушила магией, благо на это требовалось совсем

мало сил. И что удивительно, с каждой минутой я чувствовала себя всё лучше, даже мышцы и раны перестали болеть.

– Элин, – позвал Хельм, наверное, спустя полчаса после того, как я ушла. – Ты где?

– Тут, – ответила я и поспешила к нему.

Анхельм уже смог сесть, но выглядел очень плохо. Весь в царапинах, ссадинах, кровоподтёках, да ещё и грязный. Ну просто настоящий король!

– Ложись. Нужно выяснить, что пострадало сильнее. Увы, залечить все повреждения сразу я не смогу, но на самые серьёзные раны сил мне должно хватить.

Он не ответил. Покорно лёг обратно на камни и устало прикрыл глаза. Я создала диагностирующее плетение, опустила ладонь на грудную клетку мужчины и прикрыла глаза.

Особо сильных повреждений не нашла. Несмотря на то, что мы с ним фактически катились по скале, чудом умудрились отделаться лишь гематомами и ссадинами. Хуже было другое – в организме Хельма ощущалось сильное отравляющее вещество с магической составляющей. Именно оно продолжало медленно его убивать.

Заклинание очистки крови я помнила хорошо, но сейчас оно почему-то почти не действовало. Следовало как можно скорее убрать из организма заразу, при этом не имея никакого противоядия. И я знала только один эффективный способ.

Увы, ни ножа, ни кинжала у нас не нашлось. Пришлось искать острый камень, обтачивать его магией и уже после этого возвращаться к Хельму.

– Я должна сделать надрез на вене, – сказала я, склонившись над ним. – Нужно очистить кровь от яда. Простые способы не помогают.

– А этот поможет? – спросил он, посмотрев на меня. Его глаза лихорадочно блеснули, а дыхание было рваным и глухим.

– Хуже точно не сделает, – ответила я ему, стараясь не показать своего волнения.

– Тогда приступай, – ответил он и, чуть помолчав, добавил: – Я верю в тебя, Элин.

Эти слова будто бы прибавили мне сил. Не оставляя себе времени на сомнения, я выпрямила его руку, нашла с внутренней стороны подходящую вену и разрешила вдоль. Кровь полилась довольно

интенсивно, и при других обстоятельствах я бы тут же бросилась её останавливать, но сейчас цель моя была другой. Поэтому приходилось молча смотреть, как рядом с рукой Хельма образуется красная лужица, и ждать, пока снизится общее кровяное давление.

– Сейчас будет больно, – предупредила я, но ответа дожидаться не стала.

Создала в руке плетение, шепнула заклинание очищения и прижала к ране. Моя магия вклинилась в кровоток и стремительно понеслась по организму Хельма. Я знала, что она очень горячая, и сейчас Анхельм чувствует, будто его сжигает изнутри. Но только так можно было избавиться от яда.

Этот способ изобрёл мой отец, но получить на него лицензию не успел. По сути, то, что я сейчас делала, было противозаконно, да и процедура эта имела несколько побочных эффектов. Но в нашей ситуации любые средства были хороши.

– Элин, ты решила меня сжечь? – голос Хельма звучал хрипло и немного с надрывом.

Его глаза покраснели, тело дрожало, дыхание стало частым и хриплым, но облегчить его состояние я не могла. Если только попытаюсь хотя бы обезболить или отправить в целительный сон, процедура не будет завершена, и зараза останется в крови.

– Потерпи, пожалуйста, – попросила я, погладив его по спутавшимся волосам. – Ещё чуть-чуть. Магия течёт медленнее, чем кровь. Она должна пройти по каждой вене, артерии, капилляру, чтобы не осталось и следа отравы. Сердце уже очищено.

– Я чувствую, как там жжётся, – прохрипел Анхельм и закрыл глаза.

Мне было больно видеть, как ему тяжело, но я повторяла себе, что это на пользу, и скоро ему обязательно полегчает.

– Всё, – объявила я, ощутив, что процедура завершена, и только теперь наложила на надрез заживляющее плетение. – Зато ты точно согрелся.

– Ещё как, – хрипло и иронично бросил король Вергонии. – Будто меня поджарили на вертеле.

– Сейчас станет лучше. Полежи пока. Хочешь пить?

– Безумно, – ответил Хельм.

Я спустилась к реке, набрала в ладони воды и, вернувшись к вергонцу, попыталась его напоить. Большая часть жидкости пролилась мимо, но несколько глотков он всё же сделал и благодарно мне улыбнулся.

– Вот теперь точно лучше, – сказал он и даже чуть приподнялся на локте. – Пахнет дымом. Ты развела огонь?

– Очень хотела согреться, – сказала я, кивнув.

– Нас могут найти по костру, – в его голосе звучал лёгкий укор. – Потуши, пожалуйста. Хотя бы на время. Позже разведём снова, и я спрячу нас. Сейчас, прости... не могу.

С одной стороны, было немного обидно, что меня так мягко, но всё же отчитали. Но с другой – я действительно понимала, что сглупила. Ведь даже не задумалась, что костёр – отличный ориентир для тех, кто нас не добил. И, вполне возможно, те два бугая сейчас рыщут по лесу, чтобы исправить свою ошибку.

Глава 16. Послание, ведьма и кот

К моменту, когда на лес опустилась ночь, Анхельм уже смог самостоятельно дойти до найденной мной полянки и даже прихватил по пути охапку сухих дров. Костёр он в этот раз разводил сам, но перед этим произнёс незнакомое мне заклинание и какое-то время стоял с разведёнными в стороны руками. Я наблюдала за ним, перестроив зрение, и то, как закручивались вокруг него вихри природных энергий, выглядело по-настоящему завораживающе.

Закончив колдовать, он устало опустился на корягу у костра, жестом пригласил меня сесть рядом и только потом попросил:

– Расскажи, как мы с тобой сюда попали. Потому что последнее, что я помню – это портал из Тирона. Дальше сплошная темнота.

Я вздохнула, посмотрела на всё сильнее разгорающийся огонь и принялась выкладывать обрывки того, что успела заметить и запомнить. Рассказала про странный разговор между женщиной и женщиной, потом про двух бандитов, наше падение со скалы, полёт... и закончила тем, как мы выбирались из чаши водопада.

Хельм слушал внимательно, несколько раз задавал вопросы и всё сильнее хмурился. А когда я замолчала, он задумчиво подбросил дров в костёр и тяжело вздохнул. Но ни отвечать, ни делиться своим мнением о произошедшем почему-то не торопился.

Некоторое время я молчала, давая ему время обдумать ситуацию, но потом всё же спросила:

– Хельм, что происходит? Это ведь покушение, возможно, даже попытка переворота в твоей стране. А мы с тобой неизвестно где и явно в опасности.

Он поднял на меня усталый взгляд, но не ответил.

– Тебя же совершенно точно пытались убить, перед этим выкачав немало крови, – выпалила я нервно. – Ума не приложу, зачем она им могла понадобиться?

– Для обратного зелья, – проговорил Анхельм и всё-таки пояснил: – Я смотрел глазами Храна, что происходит во дворце. Так вот, Элин, там сейчас и ты... и я. Полным ходом идёт подготовка к свадьбе, которая должна состояться совсем скоро. И, как понимаю,

ведьмы данный брак не одобрили. Следовательно, они оскорбятся, вероятнее всего, выставят ультиматум, могут попытаться тебя убить. А дальше возможны разные варианты развития событий. Как я понимаю, целью всего этого является смена власти в Вергонии и начало новой войны с Айвирией, теперь уже с открытым участием ведьм. Это закончится крахом для обеих наших стран.

— Значит, нам нужно как можно скорее попасть в твою столицу и навести там порядок! — заявила я решительно.

Хельм одарил меня грустным, но чуть насмешливым взглядом и повернулся к огню.

— Увы, не всё так просто, Элин, — проговорил он. — Имея кровь человека, можно сделать с ним что угодно на любом расстоянии. Проклясть, подчинить, убить. А у них моей крови немало. Уверен, если только та ведьма узнает, что я жив, или хотя бы просто усомнится в моей смерти, она сразу придумает, как от меня избавиться. Ну, и от тебя заодно.

Его слова по-настоящему меня огорошили. Ведь получается, что у нас просто нет выхода. Если мы хотим остаться живы, то должны спрятаться и сидеть тихо, как мышки. Забиться в глушь и не вылезать оттуда ни при каких обстоятельствах. Но разве сможет Анхельм смотреть, как кто-то уничтожает его страну? Сильно в этом сомневаюсь.

— А можно хоть как-то защититься от этого кровавого колдовства? — спросила я негромко. — Может, существует артефакт или ритуал? Должно же быть хоть что-то?

— Я думаю, Элин, — чуть раздражённо рыкнул он. — Пытаюсь найти выход.

— Говори вслух, — попросила я мягко. — Иногда, чтобы найти правильное решение, нужно озвучить все варианты. Может, я и не разбираюсь в колдовстве, но что-то точно подскажу. Уверена, мы найдём выход. Вот, смотри... если убрать из этого расклада ту злобную ведьму и выкрасть запасы нашей крови, то всё можно решить.

Он посмотрел мне в глаза и холодно произнес:

— Меня предали. И это сделал кто-то очень близкий. Кто-то из тех, кого я считал друзьями и кому безоговорочно доверял. Сейчас этот человек изображает меня в моём же дворце и, поверь, делает это очень достоверно. Он знает меня, как облупленного. Да и ведьма,

помогающая ему, явно не из слабых. Как только у них появятся хотя бы малейшие сомнения в том, что я погиб, они тут же это исправят. Элин... – он сжал пальцы в кулак. – Они могут убить меня в любой момент, в любую секунду. И я не имею ни малейшего понятия, как им помешать. Ни артефакты, ни заклинания тут не помогут.

– Должно же быть хоть что-то! Неужели ведьмы не придумали ничего против такой напасти? Не верю! – воскликнула я, вскочив на ноги. – Они же все коварные и расчётливые, значит, могут ожидать друг от друга подставы, следовательно, должны знать, как от неё защититься!

Я думала, Хельм ответит на мой выпад агрессивно или заставит замолчать, но он вдруг изменился в лице, а в глазах появилась надежда.

– А ведь ты права. Если кто и знает способ защиты от подобного, то только другая ведьма, – сказал он, тоже вставая. – Надо идти.

– Куда?! Вокруг лес, ночь, ты едва держишься на ногах! – воскликнула возмущённо.

– Дойдём. Если я правильно понимаю, где мы, то идти тут около двух суток. Но есть способ преодолеть путь быстрее.

– Какой?

– Сейчас, подожди, я попробую кое-что сделать.

Великие стихии, что же за неугомонный человек мне достался!

Хельм опустил на корточки, расчистил от листьев небольшой участок земли и принялся палочкой рисовать на нём какую-то схему. Ему не хватило места, пришлось снова расчищать пространство для рисунка, а я с удивлением наблюдала, как король Вергонии ползает на коленях и своими монаршими руками выдирает мешающую траву и убирает камни.

Интересно, он хоть когда-нибудь перестанет меня удивлять?

Когда схема была закончена, Анхельм ещё раз провёл палочкой по каждой чёрточке, добавил несколько символов и только потом произнёс несколько слов на незнакомом мне языке. Рисунок тут же вспыхнул бело-голубым, но почти сразу погас.

– И что это значит? – не выдержала я.

– Это значит, что послание ушло адресату. Теперь нужно немного подождать, пока придёт ответ, – пояснил он, сев прямо на землю и вытянув ноги. – Думаю, нам помогут. Даже... почти уверен.

Я не понимала, что происходит, да и вообще не разбиралась в колдовстве. Если и ожидала хоть какого-нибудь ответа, то подобного же свечения или записки. Но когда на месте той схемы вдруг возник большой рыжий кот, я откровенно испугалась. Не было ни энергетического возмущения пространства, ни сопутствующих звуков. Котьяра буквально возник из воздуха, словно был здесь всегда, а теперь с него просто слетела невидимость.

– Ма-а-а-у, – протянул он надменным басом. Посмотрел сначала на меня, потом на Анхельма и демонстративно уставился на догорающий костёр.

– А вот и ответ, – Хельм растянул губы в широкой довольной улыбке. – Нужно потушить огонь и идти вот за этим прекрасным зверем. Он выведет нас куда надо.

– Ты... уверен? – я сильно сомневалась, что стоит доверять появившемуся из ниоткуда коту.

Пушистый гость повернулся ко мне, пристально посмотрел в глаза и демонстративно фыркнул.

– Уверен, Элин, – Анхельм уже погасил пламя магией и теперь для верности закладывал кострище камнями, которых тут валялось в избытке. – Это фамильяр. И его отправили к нам не просто так. Надо идти с ним.

В подтверждение его слов кот встал на четыре лапы, демонстративно потянулся и засеменил куда-то в сторону. В темноте его шерсть чуть светилась желтоватым цветом, поэтому видно его было довольно далеко.

Мы двинулись следом за своевольным животным, но быстро идти не получалось. Хельм хоть и старался делать вид, что с ним всё хорошо, но я видела, насколько это не так. Да, он шёл, и вполне бодро, а вот дышал тяжело, даже немного надрывно и, похоже, держался на одном упрямстве.

Но кота не волновало, что чувствуют люди. Он двигался по тропинке вперёд и оборачивался, лишь когда мы сильно отставали. Выдавал своё коронное «Ма-а-ау», за которым так и слышалось: «Копуши двуногие, разве сложно шагать быстрее?!» и продолжал путь.

Несколько раз я предлагала Анхельму отдохнуть, но он упрямо отказывался, уверяя, что в состоянии идти. Правда, двигался при этом

всё медленней и стал чаще спотыкаться, хотя тропинка оказалась неожиданно широкой и удобной.

Когда же шаги Хельма стали совсем медленными, я поднырнула под его руку, обняла за талию и принялась по чуть-чуть вливать в него свою магию. Она, к моему удивлению, приживалась хорошо, и вскоре Анхельм стал двигаться заметно бодрее. Но отпускать его я не рискнула.

Не знаю, сколько мы так шли в темноте за сияющим котом по густому лесу с удивительно приятной тропинкой, но в какой-то момент впереди показалось несколько огоньков, а вскоре стало понятно, что это светятся окна небольшого деревянного домика. На его крыльце нас уже встречала невысокая худощавая старушка в длинной юбке и кожаной безрукавке, надетой поверх белой сорочки. Волосы женщины были заплетены в толстую седую косу, а лицо казалось очень бледным, почти белым.

— Доброй ночи, Гарсиния, — остановившись перед крыльцом, Анхельм поклонился, вынуждая чуть поклониться и меня. — Спасибо, что откликнулась.

— Доброй ночи, внучек, — проговорила она хмуро. — И тебе, крылатая, тоже.

— Здравствуйте, — тихо ответила я, не зная, чего ожидать от этой странной старушки.

Она смерила меня внимательным взглядом, задумчиво посмотрела на Хельма, затем наклонилась и погладила трущегося об её ноги рыжего кота.

— Проходите в дом, поговорим за ужином, — объявила ведьма, после чего развернулась и скрылась за дверью.

Я всё ещё сомневалась, стоит ли принимать её приглашение, но Хельм уверенно направился за ней, и мне тоже пришлось войти.

Внутри оказалось тепло, светло и приятно пахло травами. И хоть снаружи домик казался маленьким, но в нём обнаружилось несколько комнат. Из просторной кухни с дровяной печью и обеденным столом куда-то вели ещё четыре деревянные двери.

— Там моя спальня, — указала старушка на первую, заметив мой интерес. Потом поочерёдно кивнула на остальные и пояснила: — Там раньше жила моя ученица, и пока будете жить вы. Дальше ванная, а за последней чулан. Вот туда заходить я вам запрещаю категорически.

Мы сели на лавку у длинного деревянного стола, женщина поставила перед нами две миски с кашей и кусочками мяса, а сама расположилась с другой стороны.

– Ешьте, – бросила она приказным тоном. – А я пока расскажу, что знаю сама. Дальше выслушаю вас, а уж потом будем решать, что с вами делать.

Хельм покорно кивнул и тут же накинулся на еду. Несмотря на голод, я не чувствовала аппетита, но всё-таки тоже взялась за вилку.

– Сёстры очень недовольны твоим решением взять в жёны айвирку, – проговорила хозяйка домика, хмуро глядя на Анхельма. – Они уверены, что ты их обманул, воспользовался их помощью, а договорённости соблюдать не стал. Многие обижены, а ты прекрасно знаешь, на что способна обиженные ведьмы. Вчера одна высказала предложение избавиться от твоей айвирской супруги сразу после свадьбы, и другие её поддержали.

Хельм слушал её, но при этом очень быстро поглощал еду. Я же кое-как смогла проглотить немного каши и сразу почувствовала тошноту. Конечно, попыталась это скрыть, но ведьма заметила. Поднялась с места, налила в два стакана розовой жидкости и поставила перед нами.

– Пей, – сказала она, поймав мой взгляд. – Ты не ела несколько дней, желудку нужно помочь. Это не зелье, скорее, отвар для пищеварения. Тебе он сейчас необходим.

Я украдкой покосилась на Хельма, он ободряюще кивнул и сам сделал несколько глотков из своего стакана. Пришлось последовать его примеру, и, что удивительно, мне почти сразу стало легче, даже аппетит начал появляться.

– Так вот, – продолжила старушка, – с ведьмами тебе, внук, придётся объясниться лично. И лучше, чтобы у тебя уже были нерушимые аргументы. У нас скоро большой сход, где мы будем вместе решать, как с тобой поступить. Вот там с ними и поговоришь.

– Спасибо, – искренне проговорил Анхельм, выгребая из тарелки остатки каши.

Ведьма понимающе усмехнулась и положила ему ещё порцию еды. Тот принял её с благодарностью, а вилкой заработал ещё быстрее.

– Что касается тебя, – ведьма перевела взгляд на меня. – Как хоть зовут?

– Эбелин Лиссер, – ответила я, чуть стушевавшись. – Можно Эби. Но Хельм зовёт меня Элин.

– Значит, будешь Элин, – кивнула она с серьёзным видом. – Так вот, девочка, я рада, что он тебя нашёл и привёл сюда. Это правильно.

– Ведь это вы предсказали ему меня найти. Считай, направили по следу. Почему именно я? – вырвался у меня вопрос. – От меня же больше проблем, чем пользы.

– Зря ты так думаешь, – женщина покровительственно улыбнулась, но пояснять ничего не стала. Увидев, что Хельм закончил с ужином, обратилась к нему: – Вот теперь рассказывай, в какую задницу ты снова угодил. Ведь, если явился ко мне, значит, сам справиться не можешь.

Анхельм с сожалением отложил в сторону вилку, сделал несколько глотков напитка и начал говорить. Поведал о том, что я была рабыней, о суде, о порталном переходе, обо всём, что услышал от меня о наших похитителях. А когда сообщил про свою кровь, которой теперь у злоумышленников было немало, и без того бледная ведьма стала ещё блее, а в её глазах появилась растерянность.

– Это всё очень плохо, – сказала Гарсиния, обдумав услышанное. – Пока ты на моей территории, проклятие тебя достать не должно. Но далеко от моего дома тебе отходить нельзя.

– Я должен избавиться от самозванца, пока он не спровоцировал новую войну, – холодным решительным тоном заявил Хельм. – Прятаться не имею права. Да, Гарсиния, мне нужна твоя помощь, и я готов заплатить за неё любую цену.

– Заладил тоже! – воскликнула она недовольно. – Ведьмам эта война не нужна, она нарушит магическое равновесие в мире, а это приведёт к катастрофе. Так что решение будем искать вместе. Я подумаю, что можно сделать, а вы отправляйтесь мыться и спать.

Хельм покорно кивнул, поднялся с лавки, а я уходить не спешила.

– Гарсиния, вы ведь у ведьм главная. Неужели не можете приструнить ту, что решила пойти против короля? – спросила я, едва сдерживая возмущение.

– Я не верховная, – ответила она снисходительным тоном. – Но сёстры меня уважают. А та, что пошла против законов, не станет слушать других. Ведьмы не меняют своих решений. Если уж она влезла в эту игру, то доведёт её до конца.

– Но если другие ведьмы заставят её отступить? Вы же сами сказали, как опасна новая война, – не унималась я.

Гарсиния вздохнула и посмотрела на меня с пониманием.

– Если бы я знала, кто именно затеял игру против Анхельма, то наверняка смогла бы её остановить. Но я не знаю. Сейчас страна на перепутье, вариантов будущего очень много, и все они зыбкие и неясные. Мне известно лишь, что справиться с этой ситуацией сможет только Хельм, и только в том случае, если ты будешь с ним.

Она вдруг протянула мне раскрытую ладонь и попросила:

– Дай руку.

Я смотрела на её худые белые пальцы, и всё во мне противилось тому, чтобы к ним прикоснуться. Снова посмотрела на стоящего рядом Анхельма, но, даже получив его одобрителный кивок, продолжала сомневаться.

– Давай, смелее, я тебя не съем и не прокляну, – улыбнулась старушка.

– Зачем вам мой рука? – спросила я настороженно.

– Так мне проще увидеть твой путь. Может, именно это сможет дать подсказку, как действовать дальше.

Решиться было непросто, и всё же я нашла в себе силы протянуть ей ладонь. В тот миг, когда холодные костлявые пальцы сомкнулись вокруг моего запястья, перед глазами на мгновение всё потемнело. Но почти сразу мир снова обрёл ясность.

Гарсиния так и стояла рядом, а смотрела куда-то перед собой. Её лицо оставалось бесстрастным, хватка не ослабевала. Я снова покосилась на Хельма, но он внимательно наблюдал за ведьмой, явно понимая, что происходит.

Наконец, старушка отпустила меня, а её взгляд снова стал осмысленным.

– Плохо, – выдохнула она, опускаясь на лавку. – Неужели я ошиблась?

– В чём? – тут же поинтересовался Анхельм. – Я нашёл не ту девушку?

– Ту, – сказала ведьма, при этом отрицательно покачав головой. – Но в её сердце нет любви к тебе. Только симпатия, благодарность и недоверие. Этого мало.

Я хотела возмутиться. Сказать, что люди по чужой указке не влюбляются, да и вообще. Но расстроенная ведьма вдруг поднялась, молча махнула рукой и скрылась за дверью своей спальни. Окликать её не стали ни я, ни Хельм. Хотя вопросов у нас с ним теперь стало только больше.

– Ладно, Элин, пора отдыхать, – сказал он спустя несколько минут тяжёлой тишины. – Иди в ванную первая. Я пока помою посуду и попробую раздобыть чистую одежду. Сейчас мы всё равно ничего не решим, а, как говорится у ведьм, утро вечера мудренее.

Глава 17. Ночь, предатели и поиск ритуала

Ванная комната в домике ведьмы оказалась вполне современной. Тут даже унитаз имелся, что меня очень порадовало. Правда, вода из крана текла только холодная, но я набрала немного в чугунную ванну и нагрела магией. Так помыться получилось с комфортом.

Хельм ждал меня на кухне. Он вручил мне стопку одежды, проводил в отведённую нам с ним спальню и ушёл.

В выделенной нам маленькой комнатке было очень тесно. Здесь скромно ютились узкая кровать, письменный стол, стул и небольшой шкаф, а свободного пространства почти не оставалось. Окошко закрывали плотные зелёные шторы, вышитые красными цветами, на полу лежал вязаный коврик.

Подушка нам досталась одна на двоих, как и одно одеяло. Растерянно глядя на кровать, я не могла представить, как мы поместимся на ней вдвоём. Может, стоит предложить Хельму спать по очереди? Или сразу лечь на полу? Всё равно я не смогу уснуть, если со мной рядом будет мужчина.

Память сразу подкинула картины того, как меня прижимал к себе Ринор, и к горлу подкатила тошнота. Нет, лучше уж лягу на твёрдом, чем всю ночь буду мучиться рядом с кем-то чужим.

В переданных Хельмом вещах, помимо сарафана и рубашки, нашлась ночная сорочка – основательно застиранная, но точно чистая. Переодевшись, я повесила свои вещи на стул и нервно опустилась на край кровати.

Ложиться? Или всё-таки пойти спать на кухню? Или отправить туда Хельма? Уверена, он согласится, если я попрошу. Несмотря ни на что, благородства ему не занимать. Но ведь Анхельму нужен хороший отдых, чтобы скорее восстановить силы, а на полу нормально не выспишься. И что делать?

Когда мой так называемый жених вернулся в комнату, я так и сидела на самом краешке кровати, пытаюсь найти приемлемое решение. Хельм одарил меня понимающим взглядом и сел рядом, но не слишком близко. На нём были широкие светлые брюки, сорочка без пуговиц, с мокрых волос капала вода... и в этот момент король

Вергонии показался мне таким милым, простым, домашним, что я невольно улыбнулась.

– Мучаешься сомнениями? – поинтересовался он, с пониманием глядя на меня. – Я уже говорил, что без твоего разрешения никогда не позволю себе в твоём отношении ничего лишнего. Но, чтобы спать на этом ложе удобно, мне придётся тебя обнять.

– Я не смогу, – сказала честно и быстро замотала головой. – Нет. Лучше на полу лягу.

– Настолько боишься меня? – удивился Хельм.

– Не тебя. Я ни с одним мужчиной не смогу лечь в одну постель, – попыталась объяснить. – Слишком много гадких воспоминаний.

– Но ты позволяла мне тебя обнимать, носить на руках. Даже не дрожала. Может... и со сном получится? – спросил он мягко. – Давай попробуем.

И протянул мне раскрытую ладонь.

Я взяла его за руку легко и спокойно. Это уже стало для меня вполне привычным жестом и отторжения не вызывало. Но одно дело – простое касание рук, и другое – совместный сон на узкой койке.

– Ложись к стене, – уверенным тоном предложил Хельм. – Я лягу с краю и постараюсь сильно не прижиматься.

– Да как на этой кровати не прижиматься? – выпалила я. – Не выйдет же.

– Давай, – сказал он с нажимом, но улыбался вполне приветливо и мягко. – Мы с тобой заслужили отдых. И вообще... ещё неизвестно, где придётся провести завтрашнюю ночь. Нужно выспаться, пока есть такая возможность.

Одной фразой он напомнил о том, как зыбко наше с ним будущее. И, по сравнению со всеми неприятностями, совместный сон уже не казался таким уж страшным.

Мысленно отругав себя за глупую слабость, я улеглась на кровать, придвинулась к стене и жестом пригласила Хельма попробовать разместиться рядом. Но, вместо того, чтобы сразу лечь, он поднялся и задул свечу, – увы, в этой комнатке не предусматривалось нормального современного освещения.

Вокруг стало очень темно, не было видно ни силуэтов, ни очертаний. Нет, я не боялась темноты, но сейчас почему-то стало немного жутко. Когда же кровать чуть прогнулась, и рядом кто-то лёг,

мне не сразу удалось поверить, что это Анхельм. Пришлось повторить это мысленно несколько раз, и только тогда сердце стало стучать не так встревоженно.

Некоторое время Хельм пытался найти удобное положение. Повернулся на один бок, потом на другой, попробовал укрыться лишь краем одеяла, оказавшегося очень маленьким для двоих. Да и спать вдвоём на одной подушке было крайне неудобно.

– Элин, это мучение, – прозвучал в темноте его недовольный голос. – Попробуй положить голову мне на плечо.

Я приподнялась, он подвинулся ближе, а потом сам осторожно помог мне лечь. Правда, теперь на нём оказалась не только моя голова, но и рука, а ещё бедро. Но, должна признать, так действительно стало намного удобнее.

– Не страшно? – спросил он шёпотом.

– Пока нет, – ответила я, ощущая под щекой ткань его сорочки. – Но тебе же неудобно.

– Удобно, – возразил он. – Ты лёгкая, мягкая, пахнешь приятно. Мне вообще рядом с тобой хорошо и спокойно. Так что не переживай. Лучше постарайся уснуть.

– Ты тоже спи, – сказала я ему. – Не думай сейчас ни о чём, всё равно это не поможет. А утром, на свежую голову, попробуем вместе во всём разобраться.

Как это ни поразительно, мне рядом с ним тоже было спокойно, хотя лёгкое напряжение и страх всё ещё оставались. Но запах Хельма мне нравился, и плечо у него оказалось вполне удобным, приятным. Главное теперь – не вспоминать о Риноре и рабском прошлом. Тогда, возможно, мне действительно удастся уснуть.

Некоторое время было тихо. Мы лежали, не двигаясь, будто даже простым шевелением боялись спугнуть хрупкое равновесие между нами. Но, несмотря на усталость, сон не шёл.

– Прости меня, Элин, – прозвучал в тишине шёпот Анхельма.

– За что? – спросила я так же тихо.

– Что втянул тебя во всё это. Подверг твою жизнь опасности. Да и вообще.

– Прощаю, – ответила я ему.

– Так просто? – в его голосе звучало удивление.

– А разве кому-то станет легче, если я буду во всём обвинять тебя? Тем более, сейчас ты в ещё худшем положении, чем я, – принялась рассуждать вслух. – Вот решим все проблемы, отпустишь меня через год, и тогда можешь считать, что полностью искупил свою вину. А сейчас, Хельм, спи. Или я усыплю тебя магией.

– Не надо, – в тоне слышалась улыбка и притворный страх. – Но и ты спи, моя грозная невеста. Я ведь тоже могу тебя усыпить.

– Обойдёмся без взаимных усыплений, – ответила я с широкой улыбкой, попыталась лечь чуть удобнее и прикрыла глаза. – Спокойной ночи, Хельм.

– Спокойной ночи, Элин, – ответил он и чуть крепче прижал меня к себе. – И... спасибо, что спасла. Если бы не ты, меня бы уже не было в живых.

– Мы клялись защищать и оберегать друг друга, – напомнила ему. – Но знаешь, в тот момент я даже не вспомнила о клятве. Просто не представляла, как могу оставить тебя в такой ситуации. Просто... не допустила мысли, что улечу одна.

Несколько долгих секунд он молчал, а потом вдруг сказал то, что мигом меня взбодрило:

– Ты мне нравишься. Чем лучше тебя узнаю, тем больше тобой восхищаюсь. Ты сама не представляешь, насколько ты сильная, стойкая, интересная. Мне кажется, если мы будем много времени проводить вместе, из нас получится настоящая крепкая пара. Скажи, Элин, я хоть немного тебе симпатичен?

Я не знала, что ему сказать. Соврать? Выложить правду? И всё же решила ответить на искренность искренностью. Это будет хотя бы честно.

– Ты красивый мужчина, Хельм, – проговорила негромко. – Ты вытащил меня из бездны отчаяния, хоть и попросил заплатить за это годом брака. Ты интересный, мне нравится тебя узнавать, а ещё ты пока единственный, к кому я могу так прижаться, не испытывая паники.

– Вот ты сказала, и я понял, что не хочу, чтобы ты к кому-то ещё прижималась, – чуть ворчливо произнёс он.

– И не собиралась, – ответила с лёгкой улыбкой. – Но, знаешь... я не уверена, что смогу хоть когда-нибудь полюбить. Мне кажется, моя душа уже просто не способна на такое. Слишком истрёпана.

– От моей тоже давно остались одни ошмётки, – с лёгкой грустью сказал он. – Но мы продолжаем жить, а это главное.

Хельм вздохнул, ставя этим вздохом точку в сложной теме.

– Всё, хватит лирики. Спим, – отдал он чёткий приказ.

Я послушно прикрыла глаза, потёрлась носом о его плечо и поняла, что до сих пор улыбаюсь.

Уснула быстро и чуть ли не впервые за последний год спала очень спокойно.

Утром я проснулась одна. В окно приветливо светило солнце, до слуха доносился щебет птиц и шуршание листьев, а комната оказалась пуста. Кое-как расчесав пальцами спутавшиеся за ночь волосы, я вышла в большую кухню, где, что-то напевая себе под нос, хозяйничала Гарсиния.

– Доброго утра, – сказала она, не оборачиваясь. – Как самочувствие?

– Доброго утра, – ответила я на её приветствие. – Хорошо. Чувствую себя отдохнувшей и полной сил.

– Это замечательно, – бросила ведьма равнодушным тоном и, не дожидаясь моего вопроса, добавила: – Хельм на улице. Уже больше двух часов сидит на бревне за домом. Пойди посмотри, жив он там вообще?

Я и сама хотела его найти, но собиралась сначала умыться и позавтракать. А после её фразы решила, что всё это может подождать. И хоть Гарсиния говорила, что, пока он на её территории, ни одно проклятие его не достанет, но мне всё равно стало страшно.

Вергонец обнаружился именно там, где и сказала хозяйка дома. Сидел на большом бревне рядом с целой кучей нарубленных дров и смотрел вдаль. На моё появление он никак не отреагировал, даже не шелохнулся, но, когда я осторожно коснулась его плеча, сначала вздрогнул, но потом заметно расслабился и накрыл мою руку своей.

– Ты снова смотришь глазами Храна? – спросила я тихо.

Он медленно кивнул. Потом как-то особенно обречённо выдохнул и крепко зажмурился. А спустя полминуты посмотрел на меня совершенно нормальным взглядом.

– Выспалась? – спросил мягко.

– Да, – я села рядом с ним. – Что происходит во дворце?

– Ничего хорошего, Элин, – Хельм опустил голову. – Чет, Холт и Висл арестованы по подозрению в организации заговора. Вместе с ними под арестом ещё десять лордов, которых я и сам собирался отдать под суд. Тот, кто играет там мою роль, назначил свадьбу через неделю, но по дворцу ходят слухи, что его избранница-айвирка сильно не в себе. Увидеть её мне не удалось, получилось лишь подслушать разговоры слуг. Так вот, они утверждают, что девушка сумасшедшая. Говорит сама с собой, бросается в людей посудой, кричит.

– Ты понимаешь, что они задумали? – спросила я, заправив за уши мешающие пряди. – В чём суть их плана?

– Захват власти, но это и так ясно, – выдохнул он и, подняв лежащий рядом небольшой пруттик, принялся рисовать прямо на земле непонятную схему. – Каким образом они хотят это проверить, я пока не понял. Хотя есть пара мыслей на этот счёт.

– Что ты делаешь? – спросила я, глядя на изображённый им рисунок. Он был очень похож на тот, что он рисовал вчера, чтобы связаться с Гарсинией.

– Хочу попросить помощи у одной подруги-ведьмы. Она как раз сегодня утром прибыла во дворец, её нужно предупредить, что там не я, а некто под моей личиной.

Резко поднявшись, я наступила ногой на одну из линий, а потом и вовсе стёрла её носком туфли. Да, понимаю, сначала нужно было попытаться всё объяснить словами, но я слишком испугалась, что не успею его остановить.

– А ты уверен, что она не замешана в том, что сейчас происходит? – спросила я, встретив недовольный взгляд Хельма.

– Она предана мне. Много раз помогала, выручала, даже спасала. Я верю ей безоговорочно, – заявил он холодным серьёзным тоном.

– Понимаю, Хельм, но... давай пока не будем рисковать, – ответила я, стушевавшись.

А потом всё же пояснила, хотя сама своим словам вряд ли бы поверила:

– Когда мы уходили из покоев твоей сестры, она сказала мне странные вещи. Будто бы у неё было видение о том, как тебя убивает девушка. Хрупкая, с остриженными по плечи чёрными волосами и яркими зелёными глазами. Эниремия уверена, что знает её, но не помнит имени. В видении эта незнакомка вручила тебе какое-то питьё, и ты его принял без малейшего сомнения. А потом просто упал ей под ноги. И ещё... твоя сестра сообщила, что та девушка – ведьма.

Он смотрел на меня странным взглядом, хотя я и сама на его месте посчитала бы меня сумасшедшей. Да и, честно говоря, тогда я не придавала словам принцессы Эниремии особого значения. Она ведь совсем недавно родила, может, у неё на фоне родов появилось лёгкое помутнение рассудка? Начали всякие глупости мерещиться? Но теперь, когда Анхельм заговорил о подруге, я сразу вспомнила слова его сестры.

– Да, это звучит, как полный бред, – попыталась я исправить ситуацию. – Не знаю, почему вдруг стёрла твой рисунок, но... не стоит тебе сейчас связываться с этой подругой. Моя интуиция категорически против, хотя нормальных логических доводов у меня нет.

Хельм всё ещё молчал, а в его глазах я увидела досаду и разочарование. Стало ужасно стыдно за свой порыв, за то, что поверила чужой глупости. И я уже решила, что стоит извиниться и уйти, как вдруг Анхельм спросил:

– Эниремия говорила ещё что-нибудь? Попробуй вспомнить. В её видениях важна каждая мелочь.

– В видениях? – уточнила я.

– Да, она видит будущее. Точнее, один из наиболее вероятных на тот момент вариантов. И в них всегда важны детали. Часто само действие меняется, а вот место остаётся прежним.

Я попыталась напрячь память, снова прокрутила в голове слова сестры Хельма, но ничего нового не вспомнила. Разведя руками, сказала:

– Это всё.

– Жаль, – вздохнул Анхельм и отбросил в сторону прутик, которым рисовал. – Ладно, Элин, уговорила, не буду пока вызывать Лину.

– Прости что стёрла схему, – всё же решила извиниться я. – Не знаю, что на меня нашло. Просто в какой-то момент вдруг стало

страшно за тебя.

– Ты поклялась, что будешь беречь мою жизнь, не приносить умышленный вред, помнишь? – произнёс он понимающим тоном. – Вполне возможно, что сейчас к действиям тебя толкнула та самая клятва, так что не извиняйся. А мне самому нужно быть осторожнее. Увы, стоит признать, что в этой ситуации я оказался по вине кого-то очень близкого, кому безоговорочно доверял. Да и так правдиво изобразить меня может только тот, кто очень хорошо знает. Ты права, Элин, верить сейчас нельзя никому.

– Но что нам делать? – вырвался у меня вопрос.

Он резко выдохнул и отвернулся к лесу.

– Я не знаю, – сказал тихо. – Но обязательно найду решение. Главное, что мы с тобой живы, а с остальным разберёмся.

Когда я вернулась в дом, хозяйка уже ушла с кухни, зато на столе обнаружилась тарелка с кашей и чашка с травяным отваром. Из спальни ведьмы доносились шорохи и странный грохот, а вскоре из-за приоткрытой двери выглянула и сама Гарсиния.

– Еда на столе, – сказала она, смахивая со лба нечто похожее на паутину. – Завтракай и приходи ко мне. Поможешь.

Она снова скрылась в спальне, но дверь закрывать не стала. Даже интересно, чем я могу ей помочь? Генеральную оборку она там, что ли, затеяла?

Быстро справившись с кашей и запив всё приятным на вкус отваром, я всё же добралась до ванной. Умылась, заплела волосы в косу и пошла к ведьме.

Её комната оказалась в два раза больше нашей, но почти все стены здесь были заставлены стеллажами с самыми разными предметами: от книг до банок с плавающими там странными рыбками. На полу стояло несколько больших коробок с толстыми тетрадями и блокнотами.

– Быстро ты, – одобительно произнесла Гарсиния, заметив меня. – Так, бери вот этот ящик, открывай каждую книжечку и

смотри последнюю страницу. Там что-то вроде содержания. Ищи фразу: «слияние» или «перерождение». Поняла?

– Да, – поспешила кивнуть я, села на ковёр на полу и принялась за дело.

Сама ведьма расположилась на низком табурете и тоже пролистывала тетради, только из другой коробки. Некоторые записи она просматривала с неподдельным интересом, другие сразу отбрасывала в сторону, будто собиралась от них избавиться. Но пояснять свои действия явно не собиралась.

Я достала первую тетрадь – толстую, потрёпанную, с зелёной обложкой, и сразу открыла её на последней странице. Там, действительно, было своеобразное рукописное оглавление. И в конце списка нашлось искомое слово.

– Вот здесь есть «слияние», – сказала я ведьме.

Она тут же забрала у меня тетрадь, посмотрела внимательней и разочарованно фыркнула.

– Не то. Тут слияние сознаний с фамильяром. Нам нужно другое.

Она вернула мне тетрадь, а я, не удержавшись, открыла нужную страницу. Довольно разборчивым круглым почерком здесь было написано заклинание и схема, а потом шло описание ритуала. Неужели у ведьм это, в самом деле, может сработать? Без точного расчёта, без формулы направления потоков?

– Что, интересно? – с доброй усмешкой спросила Гарсиния. – Тебе эти знания бесполезны. Ты не ведьма.

– Я маг. Целитель, – ответила ей.

– Целитель – это хорошо, – кивнула она. – Но сейчас ты мне нужна как помощница. Ищи ритуал. Там должна быть такая серенькая тонкая тетрадка, если я правильно помню. Лет двести назад записывала. Надеюсь, бумага ещё не превратилась в труху.

– Вы серьёзно? Или шутите так?

– Мне триста тридцать, дорогая, – с гордостью проговорила Гарсиния. – Так что нет, не шучу. Только вот память меня всё же стала иногда подводить. Да и не упомнишь всего за такую долгую жизнь. Помню точно, что тот ритуал проводят на рассвете или на закате, что нужен фамильяр и хозяин, а вот подробности из памяти стёрлись.

– А что за ритуал? – рискнула спросить я, продолжая вытаскивать тетради из коробки. – Что он даёт?

– В идеале – перерождение в обновлённом теле. Но его давным-давно не практикуют. Да и использовали его только колдуны – ведьмам он не подходил.

– И что он даст? Что значит это перерождение?

– Вот найдём, и всё узнаешь. Так что ищи. А если хочешь поговорить, расскажи лучше о себе. Интересно же, что за девушка стала избранницей моего праправнука.

– Так вы же сами предсказали ему меня найти, – ответила я с лёгким возмущением.

– И он нашёл, заметь, – в её голосе звучало удовлетворение. – Но о тебе мне мало, что известно. Вижу, что душа твоя тревожна, что пришлось тебе немало гадостей пережить, что в людях разочарована, особенно, в мужчинах. Вижу, что нравится тебе Хельм, что тянешься ты к нему, но сердце не открываешь. Боишься.

– Я его не боюсь, – заявила я без сомнения.

– Не его, а себя. Страшно тебе снова разочароваться. Боишься, что раскроешься ему, а он не примет. Но знаешь, что, деточка... поверь старухе, прожившей очень длинную насыщенную жизнь: любовь – это прекрасно. Это настоящее чудо. Только через любовь человек может раскрыться полностью, познать себя, мир, собственные таланты и предназначение. Любовь исцеляет, созидает, вдохновляет. Она дарует крылья.

– Но она же может их и отнять, – сказала я с горечью. – Вы ведь давно живёте и точно знаете, что у любви есть другая сторона. Вот мой отец очень любил маму, у нас была семья, а потом она полюбила другого мужчину и ушла к нему. Да, возможно, она стала счастливее, но мы с папой остались брошенными. Так что любовь не всегда создаёт – часто она рушит.

– Ты права, – не стала спорить со мной Гарсиния. – Любовь может быть разрушительной. Пример тому – недавняя война между Айвирией и Вергонией. Я не спорю с твоими выводами. Мне понятны твои опасения. Но одно я знаю точно: по-настоящему живым и полноценным человек может быть только во взаимной любви. И если ты позволишь себе это, твоя истрёпанная душа снова засияет.

У меня не нашлось ответа. Я могла бы возразить или попросить ведьму не лезть в мою жизнь, не давать странных наставлений, но всё-

таки молча вернулась к тетрадкам. Правда, в этот раз Гарсиния заговорила сама.

– Скажи, ты хочешь узнать своё будущее? – вдруг спросила она.

– Нет, – ответила я без раздумий. – Зачем? Ведь куда приятнее просто жить.

– Так и есть, к тому же, не всё можно предсказать. Да и будущее изменчиво. Оно слишком зависит от наших решений в настоящем. И всё же одно я тебе могу сказать наверняка: если ты будешь с Хельмом...

– Не надо! – я резко бросила в сторону просмотренную тетрадь. – Не хочу знать.

– Ты боишься даже просто допустить мысль о том, что между вами возможны настоящие чувства, – ведьма смотрела на меня с проницательной усмешкой. – А ведь ты действительно та девушка, что предназначена ему свыше. И ты чувствуешь это, ощущаешь в каждом взгляде, в каждом прикосновении. Но боишься.

Не желая участвовать в этом разговоре, я вытащила из коробки очередную тетрадь – тонкую, серую, едва не разваливающуюся в моих руках. А когда открыла оглавление, наткнулась лишь на пустую страницу. Неужели его здесь не написали? Пришлось распахнуть первую страницу, посмотреть там. Но как только увидела первое слово, в душе кольнуло осознанием.

– Нашла, – сказала я, протягивая ведьме тетрадку.

Она перевела взгляд на мою находку и просияла.

– Точно, вот и она! Так, – Гарсиния поднялась на ноги. – Собери записи обратно в коробки и поставь на стеллажи. Я пока изучу ритуал и расскажу Хельму.

С этими словами она вышла из комнаты и плотно прикрыла за собой дверь. Я же окинула обречённым взглядом разбросанные на полу стопки тетрадей и, медленно выдохнув, принялась за работу.

Глава 18. Ворон, самозванец и сложные решения

Анхельм

Жизнь во дворце текла своим чередом, хотя серия арестов основательно взбудоражила придворных. С помощью Храна мне удалось послушать несколько интересных разговоров в королевском саду, посмотреть в окна, и в целом я был в курсе происходящего, но пока не понимал всех тонкостей плана тех людей, что решили захватить власть.

При других обстоятельствах я бы уже давно был на пути к столице, а у злоумышленников не осталось бы ни единого шанса на успех. Но... тот факт, что неизвестная ведьма выкачала из меня немало крови, которую можно легко использовать для смертельного проклятья, существенно охлаждал мой пыл.

Вот только отчаиваться я не собирался. Жизнь давно научила меня тому, что даже из самых сложных ситуаций можно найти выход, просто нужно хорошо поискать. Главное, что мы с Элин выжили, смогли добраться до Гарсинии, да и старая ведьма действительно желает нам помочь. А это уже замечательный расклад.

Увы, как бы я ни старался убедить себя, что всё хорошо, в душе всё равно чернели тяжёлые тучи. Ведь меня предали, и сделал это кто-то из самых близких. Кто-то из тех, кому я безоговорочно доверял.

Тот, кто сейчас играл во дворце мою роль, явно знал меня, как облупленного. Совпадали жесты, манера говорить, двигаться. Обратное зелье давало только внешнее сходство, да и то, фигуру существенно не меняло, значит, это мужчина примерно моего телосложения.

Но какая же тварь на такое решилась?! Придушил бы гада собственными руками!

Сначала я решил, что меня изображает кто-то из солдат личной охраны. Но каждый из них давал магическую клятву верности, и она просто не позволила бы им сделать хоть что-то мне во вред. Значит, это

кто-то из тех, кого я считал друзьями и с кого подобной клятвы не брал.

Итак... Холтер, Четтер или Вислер. Только эти трое из всего моего окружения никогда не подтверждали свою верность магией, но не потому, что не хотели, наоборот, я сам отказался. Во время войны все они были со мной, поддерживали меня, шли на самые рискованные авантюры. Чет и Висл даже в плену побывали, оба успели ощутить на себе действие айвирского артефакта истины. И если бы их тогда связывала данная мне клятва, то они не пережили бы допрос.

Я верил этим троим, как самому себе. И да, сейчас все они официально находились в дворцовых подземельях. Но у меня нет сомнений, что одна из их камер окажется пустой. Вопрос лишь в том, чья?

Увидев, что во дворец прибыла Лина, я воспрянул духом, решил, что это отличный шанс вывести тварей на чистую воду. Аделина – сильная ведьма, хоть и довольно молодая. Она всегда меня поддерживала, не раз говорила, что готова ради меня на что угодно, я считал её единственной подругой.

Но в тот момент, когда Элин стёрла схему вызова... я начал сомневаться даже в Лине. Могла ли она меня предать? Объединиться с кем-то из моих парней и придумать такой наглый и дерзкий план по захвату власти в стране? Я бы хотел сказать, что нет, что эта девушка на такое не способна, что она не раз говорила, как сильно любит меня. Но что-то в душе заставляло подозревать и её.

Безоговорочно верил я сейчас только Эбелин, и не потому, что мы дали друг другу магические клятвы, нет. Просто она точно не имела отношения к заговору, да и спасла мне жизнь ценой огромных усилий. Конечно, у неё были причины мстить, и довольно веские. Но, насколько я успел узнать, месть вообще не в её характере. Она искренняя, честная, открытая. Она не стала бы бить в спину.

Думая обо всём этом, я продолжал смотреть на мир глазами Храна. Ворон перелетал от окна к окну, однажды даже умудрился влезть в гостиную, правда, ничего интересного там не услышал. В подземелья пробраться у него не получилось, зато в саду он мог легко слушать любые разговоры, да и слуги любили посплетничать во внутреннем дворе в свободное время. Так что доступ к информации у

меня всё-таки был. Правда, сил такая связь с фамильяром отнимала немало.

Следовало заканчивать со шпионажем или хотя бы сделать перерыв на несколько часов. Но я решил ещё разок заглянуть в королевский кабинет, где с раннего утра засел мой двойник. А заметив, что нужное окно чуть приоткрыто, едва не хлопнул в ладоши.

Хран приземлился на карниз, сложил крылья и замер, прислушиваясь. Обзору мешал белый тюль и не до конца раздвинутые портьеры, но я всё равно увидел, что лжекороль в кабинете не один. Там точно был ещё кто-то, велась беседа, но звуков не доносилось, видимо, говорившие решили закрыться от посторонних ушей.

Ветерок чуть шевельнул белое полотно тюля, и стала видна часть кабинета. Тут-то мне и удалось разглядеть того, кто сидел в кресле напротив рабочего стола. И это точно была девушка. Более того, даже не видя лица, я уже не сомневался, что там именно Лина.

Мне стало жизненно необходимо услышать, о чём они говорят. Я не хотел верить в её предательство, в душе ещё жила надежда, что сейчас ведьмочка легко выведет лжеца на чистую воду или хотя бы заподозрит неладное. Но, чтобы понять, на чьей она стороне, нужно было попасть в кабинет.

Хран зацепил створку когтем и чуть приоткрыл. Потом медленно и очень тихо пробрался в щель и пошёл по подоконнику. Окно в кабинете располагалось слева от стола, имело немалые размеры, а глушащие звук артефакты обычно создавали энергетический купол диаметром около трёх метров. Если он лежит на столе, то самый правый край подоконника должен попадать во внутреннюю зону его действия. Главное, чтобы, дойдя до этой точки, мой фамильяр сам не издал ни единого звука.

И тут я услышал голос Лины, правда, лишь окончание фразы:

– ...пока рано. Лучше через несколько дней.

– Согласен с тобой, – ответил самозванец моим голосом. – Она уже трижды приняла зелье, я давал его ей вместе с обратным. Странности в её поведении заметили все обитатели дворца.

– Правильно. Ещё три приёма, и оно основательно расшатает её психику. Всё получится очень натурально, – одобрительно проговорила ведьма.

Моё сердце будто пронзило ядовитым шипом, а по телу пробежала волна холода. Ещё не до конца понимая суть их задумки, я уже осознал главное: Лина мне не поможет.

– Делегация от сестёр прибудет завтра к вечеру, – сообщила теперь уже бывшая подруга.

– Значит, сегодня я вынесу этот вопрос на Совет Министров, – сказал мой двойник. – Уверен, они примут моё решение и одобряют его. Тебя многие из них уважают и побаиваются.

– Прекрасно, – судя по голосу, она улыбнулась. Увы, из-за плотной шторы увидеть этого я не мог. – Пока всё складывается просто замечательно.

– Скажи, – чуть помолчав, спросил лжекороль, – ты уверена, что Хельм мёртв? Проверила?

– Он выжил при падении, – теперь в её тоне слышалось раздражение. – Но мы с тобой не зря подстраховались. Проклятие на крови скорее всего уже его убило. Можешь на этот счёт не беспокоиться.

– Хорошо, – ответил с облегчением самозванец и вдруг перевёл разговор в самое неожиданное русло, а его голос стал мягким и взволнованным: – Как ты себя чувствуешь? Тебе ведь нужно больше отдыхать.

– Отстань, – бросила она раздражённо. – Со мной всё прекрасно. И не смей хоть как-то проболтаться о моём состоянии. Иначе всё рухнет.

– Знаю, – чуть виновато ответил мой двойник.

А я окончательно прозрел. В голове сложилась картина вариантов возможного будущего, и стало тошно.

Нет, сейчас не время об этом думать. Нужно вытаскивать оттуда Храна. Я и так узнал даже больше, чем рассчитывал, только легче от этого мне не стало.

Ворон тихо отправился обратно и уже почти выбрался наружу, но тут моему везению пришёл конец. Штора резко сдвинулась в сторону, Храна попытались схватить, но он клюнул чужие руки и вывернулся.

Меня выбросило из его сознания, как мешающий элемент. Разрыв произошёл так резко, что я едва не упал с бревна от внезапного головокружения. Стало страшно за фамильяра, но снова устанавливать

связь я не стал. В конце концов, сейчас он лучше меня сообразит, как спрятаться от преследователей.

– Наконец-то, – буркнули рядом недовольным голосом.

Я кое-как сфокусировал зрение, с трудом понял, что нахожусь в лесу, и только теперь заметил сидящую рядом Гарсинию. Она смотрела на меня со смесью интереса и снисходительности, как на малое несмышлёное дитя. Хотя на её фоне большая часть живущих в мире, и вправду, казалась просто глупыми ребятишками.

– Что там случилось? – спросила она уже мягче.

– Храна обнаружили, – ответил я, опустив взгляд. – Теперь поймут, что я жив, и примут меры. Нужно срочно что-то придумать. Должна же существовать защита от проклятий на крови?

– Такой нет, – покачала головой старая ведьма. – Ты сейчас жив, мой мальчик, только потому, что моя сила защищает это место. Ею здесь пропитано всё, а концентрация достаточно высока. Она копилась тут больше двух веков, но даже такая защита не абсолютна.

Гарсиния поджала тонкие губы и перевела взгляд на скрученную в трубочку тетрадку в своей руке.

– Если за проклятие возьмётся не одна сильная ведьма, а три или четыре, боюсь, даже моя защита не справится, – добавила она, вздохнув. – Но выход из твоей ситуации всё же существует.

– Какой? – тут же воодушевился я.

– Тебе он не понравится. Идём в дом, расскажу сразу и тебе, и твоей невесте. Боюсь, без её помощи ничего не выйдет. Поэтому я хочу, чтобы она сама всё услышала и приняла верное решение.

Сказав это, Гарсиния поднялась и, кряхтя, направилась к своему домику. Мне же следовало обдумать услышанное в кабинете, проанализировать информацию, понять, что именно задумали предатели и сколько у меня есть времени, чтобы им помешать. Но всё это можно сделать после разговора.

За ведьмой я отправился только после того, как проверил Храна. Ворон успел скрыться и сейчас летел прочь от дворца в ближайший лес. Ему тоже требовались отдых и еда, так что пусть пока побудет сам по себе, я сейчас ему только помешаю.

Гарсиния выглядела воодушевлённой и полной энтузиазма. Пока мы с ней ждали Хельма, она несколько раз открывала найденную мной серенькую тетрадку, что-то там проверяла и с довольным видом закрывала снова. Глаза ведьмы горели азартом и яркой жадой действия, не знаю, что именно она задумала, но чувствую – мне это точно не понравится.

Как только бледный и уставший Анхельм появился на пороге кухни, Гарсиния сразу велела ему садиться на лавку рядом со мной, а сама разместилась с другой стороны деревянного стола.

– Итак, внучек, я нашла способ спасти твою жизнь и даже сделать тебя сильнее, чтобы мог легко противостоять любым врагам, – сообщила ведьма, глядя на него глазами сумасшедшего учёного. – Это древний, давно забытый ритуал, к которому уже лет двести никто не обращался. Но я готова рискнуть.

– Что за ритуал? – спокойно уточнил Хельм.

Он выглядел не просто вымотанным, а будто бы подавленным. Смотрел на Гарсинию, слушал её, а в глазах стояла лишь горькая печаль.

– Ритуал перерождения, – торжественным тоном произнесла ведьма. – В твоём случае – это самый лучший выход. После него твоя кровь изменится, а значит, и твои враги не смогут использовать во вред то, что успели у тебя нацедить.

– А можно подробнее? – спросил он, не разделяя энтузиазма старушки.

– Вот, сам почитай, – ответила она и протянула ему тетрадку.

Хельм открыл, принялся быстро просматривать страницу за страницей. Я придвинулась к нему и тоже попыталась вникнуть в суть идеи Гарсинии. Правда, понимала в написанном не всё, зато картинки здесь были более чем жуткие. А стоило мне увидеть карандашный рисунок, на котором из груди мужчины торчала рукоять кинжала, и стало страшно.

Анхельм читал очень внимательно, и его будто бы даже ничего в написанном не пугало. Более того, он выглядел всё более заинтересованным, и даже бледность с его лица ушла.

– Я согласен, – заявил он, дойдя до последней страницы. – Сейчас же свяжусь с Храном и вызову его сюда. К закату он вряд ли успеет, но до рассвета точно долетит. У тебя есть всё необходимое?

– Да, я проверила, – ответила ведьма, едва не потирая руки от предвкушения. – Но ты же понимаешь, что результат может оказаться любым. Ты перестанешь быть человеком, Хельм. Твоё тело изменится, как и твоя магия. Когда-то этот ритуал использовали сильные колдуны, чтобы стать ещё сильнее. Я помню одного такого, он мог оборачиваться в медведя, а его дед, кстати, умел становиться волком. У них в семье существовала традиция обязательно проходить через этот ритуал. Правда, выживали не все.

– То есть, как? – вырвался у меня вопрос.

– Ну... – ведьма пожала плечами. – Часто случалось, что душа не возвращалась в тело. Отчасти, поэтому со временем от ритуала и отказались. Просто колдунов стало совсем мало, и рисковать жизнями они не желали.

– Хотите сказать, что Анхельм может не пережить этот ритуал? – проговорила я, сжав пальцы в кулак.

– Да, – не стала отрицать ведьма. – Больше тебе скажу, девочка, скорее всего, не переживёт. Потому что его, по сути, в этом мире ничего не держит, кроме вороха обязанностей. А там, на грани, все они потеряют для него значение. И он просто откажется возвращаться.

– Как вы можете такое говорить?! – выпалила я, резко поднявшись на ноги. – То есть, вы предлагаете ритуал, который закончится смертью? Зачем? Хельм! – я повернулась к нему. – Нельзя соглашаться! Это же самоубийство!

Но он моего возмущения не разделял. Скажу больше, ему будто бы было всё равно, выживет он или нет. А увидев в его глазах обречённость, я ещё больше разозлилась и категорично заявила:

– Нужно искать другой способ! В конце концов, можно найти ту злоумышленницу-ведьму и выкрасть у неё запасы твоей крови. Это вполне осуществимо.

Хельм грустно усмехнулся и только теперь посмотрел мне в глаза.

– Я знаю, кто это сделал, и она теперь знает, что я жив, а значит, в самое ближайшее время наплёт на меня такие проклятия, что не поможет даже защита Гарсинии, – он медленно покачал головой. – На самом деле, Элин, этот ритуал – мой единственный шанс. Другого нет.

– Но так же нельзя! – воскликнула я, с ужасом понимая, что он, и вправду, готов рискнуть. – Хельм!

– Не списывай меня со счетов раньше времени, – строго осадил меня он. – Я выживу. Смогу. Я просто не имею права позволить этим тварям развалить мою страну.

– Кстати, есть способ увеличить шансы нашего отчаянного короля на выживание, – проговорила Гарсиния, посмотрев на меня. – Ритуал скрепления судеб. Он свяжет ваши души, а значит, Хельму будет проще вернуться. Ты станешь для него якорем.

– Тогда я согласна! – заявила я, почувствовав в душе невероятное облегчение.

Но вот чего я не ожидала, так это категорического отказа Анхельма.

– Нет! – ответил он холодно и решительно. – Никакого скрепления судеб! Я справлюсь так!

– Но почему?! – вырвался у меня возмущенный вопрос. Нет, ну как этого невозможного человека можно понять?

– Да потому что, Элин, после него я уже не смогу отпустить тебя через год, – нервно произнес Анхельм. – Это даже больше, чем свадьба, это скрепление двух жизней. Но главное в другом – если я всё-таки не справлюсь с перерождением и уйду за грань, то утяну тебя за собой. Поэтому – нет.

От обилия свалившейся на меня информации в мыслях образовался настоящий бардак. Я снова села на лавку, обхватила голову руками и прикрыла глаза. Следовало успокоиться и всё обдумать, но пока никак не получалось.

Анхельм молча вышел на улицу, тем самым поставив в разговоре точку. Он всё для себя решил, слушать мои возражения не желал, а от помощи отказался категорически. Но и я сама, предлагая эту помощь, не знала, чем она может обернуться для меня. Поэтому отчасти даже была благодарна Хельму за его отказ. И всё же от одной мысли о том, что он собирается рискнуть собственной жизнью, меня начинало трясти.

Ведьма молча поставила передо мной чашку с пахнущим травами отваром и снова села напротив.

– Пей, – вздохнув, сказала Гарсиния. – Это хорошее средство: успокаивает нервы, но разум при этом остаётся кристально ясным. А

тебе сейчас нужно быть мудрой за двоих.

Я недоверчиво посмотрела на чашку, но всё-таки взяла её в руки и сделала несколько глотков.

– Хельм очень упрям, – проговорила ведьма. – А сейчас он ещё и в отчаянии, хоть и старается этого не показывать. И скажу честно, Эбелин, он без тебя не справится. Он сейчас не в том состоянии, в котором стоит вступать в серьёзную борьбу за свою жизнь с высшими силами. Его ведь явно предал кто-то из близких, а это всегда бьёт по душе, отравляет её. И ты единственная, что сможет его удержать.

– А без ритуала скрепления судеб никак не получится обойтись? – спросила я, чувствуя, как нервное напряжение постепенно уходит. Отвар и вправду оказался действенным.

Ведьма основательно задумалась и ответила только через несколько минут.

– Теоретически... – начала она, – можно попробовать обойтись только близостью. Хельму ты интересна, он тебе – тоже, но особой эмоциональной связи между вами пока нет. Вы оба стараетесь держать дистанцию, а это в нынешних обстоятельствах только мешает. Вы не разрешаете себе сблизиться, а времени ждать у нас нет. И если не прибегать к ритуалу скрепления судеб, то я вижу только один вариант.

– Что вы имеете в виду? Близость в плане... постели? – у меня дрогнул голос.

– Да, да, – покивала Гарсиния. – В идеале, конечно, чтобы ты сразу и забеременела, это б вас ещё сильнее связало.

Она говорила с воодушевлением, но стоило ей посмотреть мне в глаза, и улыбка пропала с её лица.

Не знаю, что увидела ведьма, но у меня от одной лишь мысли о сексе всё тело прошибло холодом. Сердце забилося, как ненормальное, и стало не хватать воздуха. Я сжалась, сгорбилась, обхватила плечи руками... а потом увидела чашку с отваром, дрожащей рукой поднесла её ко рту и постаралась выпить как можно больше.

Гарсиния наблюдала за мной с горьким сочувствием. Думаю, она понимала причины такого состояния, но комментировать не спешила. Заметив, что моя чашка опустела, ведьма молча поднялась и вскоре поставила передо мной полную.

– Ох, Эбелин, – печально произнесла старушка. – Хотя, чего я сокрушаюсь? Такому, как Хельм, просто не могла достаться девушка

без душевных травм. Он и сам... – она вздохнула, – в общем, немало ему от жизни досталось ухабов и препятствий. Но, знаешь, я верю в мудрость божественного провидения, и вы действительно предназначены друг другу свыше. А значит, можете стать друг для друга лекарством от старых ран. Если, конечно, он выживет.

– Я не смогу, – проговорила я, быстро замотав головой, и тут же вцепилась в чашку с отваром. – Гарсиния, у меня не получится. Это ужасно, больно, противно. Меня от одной мысли передёргивает.

– Но при этом в одной постели с Хельмом ты спокойно проспала всю прошлую ночь, – подметила ведьма.

– Мы же просто спали. И он пообещал, что не тронет, не станет меня принуждать. Я верю ему.

– Вот! – Гарсиния подняла вверх указательный палец. – Тебе с ним хорошо и спокойно, так ведь?

– Да, – не стала отрицать я.

– Ты же хочешь его спасти? – задала она новый вопрос.

– Конечно!

– Тогда тебе придётся прямо этой ночью договориться со своими страхами и довериться Хельму. Этот жест он оценит, поверь. И ваша эмоциональная связь существенно укрепитя, а значит, у него появится шанс вернуться из-за грани во время ритуала перерождения. Я не буду тебя уговаривать или давить на тебя. Решай сама, но помни, что от твоего решения будет зависеть его жизнь и судьба целой страны.

С этими словами она поднялась и тоже вышла на улицу, а я застонала в голос и упёрлась лбом в поверхность стола.

Не будет давить? Ага, конечно! Это же совсем не давление, и у меня, вроде как, есть выбор... Ну да, победить страхи или позволить Хельму умереть. И умом я понимала, что ведьма права, да и я давно не невинная дева. Вот только весь мой богатый опыт секса состоял лишь из боли и унижений. Меня бросает в дрожь от одной мысли о мужских прикосновениях! А уж стоит представить что-то большее, и подкатывает тошнота вместе с паникой.

И что делать?!

Но, как бы меня ни душили страхи, как бы ни сковывала паника, я понимала, что именно должна сделать. И теперь осталось лишь смириться с этим решением, осознать его и как-то воплотить в жизнь.

Думаю, стоит попросить у ведьмы какое-нибудь возбуждающее зелье, да по сильнее. Ведь иначе... я просто не смогу.

Глава 19. Подготовка, зелье, попытка помочь

Анхельм

Подготовка к ритуалу заняла у нас с Гарсинией весь вечер. Она варила нужные зелья, я вырисовывал прямо на полу кухни схемы и символы, напивал их силой, расставлял свечи и старался морально подготовиться к тому, на что решился.

Хотя, не было у меня выбора. Но винил я в этом не Лину или того, с кем она сговорилась за моей спиной, а только себя. Ведь я доверился не тем, подпустил преступно близко людей, которые так легко меня предали. Подставил и себя, и Элин, и всю Вергонию.

Когда Гарсиния узнала, кто именно из её сестёр решил пойти против меня, она долго молчала. Я даже подумал, что старушка просто не слышала имени. Но, как оказалось, ошибся.

— Аделина очень сильна и амбициозна, — сказала ведьма, смешивая в котелке сухие травы для зелья. — Я знаю, что, ставя тебе условие жениться на одной из наших, сёстры делали ставку именно на неё. Тем более, между вами были отношения.

— Не отношения, а, скорее, дружба, — поправил я.

— С совместными жаркими ночами, — в голосе Гарсинии прозвучал упрёк. — Лина любила тебя. Ждала взаимности.

— Я никогда не обещал, что женюсь на ней, — ответил я, сев на пол в стороне от рисунков. — Аделина слишком вспыльчива, категорична, импульсивна и упряма. Я не видел с ней общего будущего.

— И в итоге мы получили обиженную ведьму, готовую на всё ради своей мести, — развела руками моя старшая родственница.

А я отвёл взгляд.

— Знаешь, вот все воспевают эту проклятую любовь, но пока я не встречал никого, кому она принесла бы что-то хорошее. Одних она делает слабыми, других — сводит с ума, третьих — заставляет творить жуткие вещи. Говорят, что ненависть — разрушительное чувство. Но нет... я бы сказал, что оно, наоборот, помогает выстоять, справиться с трудностями, даёт силы не сдаться. Любовь же всё только разрушает.

– Ты неправ, мальчик мой, – Гарсиния посмотрела на меня с мягким теплом. – Любовь – великий дар. Но только если она взаимная и настоящая. Увы, многие принимают за неё совсем другие чувства: симпатию, страсть, желание обладать, привычку, даже дружбу. И, поверь моему опыту, только в любви человек может по-настоящему раскрыться, почувствовать себя действительно цельным.

– И всё же я никогда не хотел бы испытать её разрушительную силу на себе, – признался, вздохнув.

Ведьма ничего не ответила, но почему-то покосилась за окно, где на лавочке у забора сидела Элин. Девушка весь день сегодня была сама не своя, пыталась помогать Гарсинии с травами, но вела себя рассеянно и казалась странно нервной. Когда она дважды чуть не порезалась, сама же решила, что лучше пойдёт на воздух.

– Глупо сознательно отказываться от возможности стать счастливым, – спустя несколько минут молчания сказала ведьма. – Твоя любовь может излечить раны её души.

– Ты об Элин? – спросил я. – Боюсь, моя любовь, наоборот, станет для неё приговором. Вдруг я такой же, как отец?

– Твоего отца опаивали, и ты давно это выяснил, – напомнила Гарсиния и залила травы кипящей водой.

Накрыв котелок крышкой, она накинула шаль и направилась к двери.

– Для ритуала нужно вымочить кинжал в роднике, а потом прокалить в огне, – сообщила ведьма, остановившись у самой двери. – Всё это нужно делать при свете луны, так что я отправляюсь в лес. Ещё хочу навестить одну подругу. Всё. Вернусь к рассвету.

И вышла.

Я проводил её озадаченным взглядом, но возразить не успел. Читал же описание ритуала несколько раз, и ничего подобного про кинжал там написано не было. Впрочем, Гарсинии, конечно же, виднее.

Или же её слова были просто предлогом? Оправданием? Ложью? Но куда она могла направиться на ночь глядя? Действительно решила пообщаться с подругой? Или задумала что-то иное?

Увы, после предательства Лины я даже в старой родственнице начал сомневаться.

Подойдя к окну, увидел, что ведьма подошла к Элин, села рядом и принялась что-то ей втолковывать. Девушка при этом смотрела на свои башмаки и казалась очень расстроенной, а на слова Гарсинии только молча кивала. А когда Эбелин осталась одна, то крепко зажмурилась и сжала кулаки.

Я направился к ней, мне совсем не нравилось её состояние. Но едва вышел на улицу, как заметил в стороне чёрную точку, которая становилась всё больше. Спустя минуту на мою руку сел большой чёрный ворон.

– Молодец, Хран, быстро долетел, – я погладил его по спине.

От ворона пришла эмоция радости и лёгкой усталости, но от еды и питья он отказался. Перелетел на ближайшее дерево и скрылся в ветвях. Правильно, после такого долгого перелёта необходим отдых. Тем более, на рассвете ему тоже предстоит участвовать в ритуале.

Когда я дошёл до Элин, она уже не выглядела такой подавленной, скорее, казалась смирившейся. Даже попыталась изобразить улыбку, но её глаза всё равно оставались грустными.

– Что с тобой? – спросил я.

– Всё в порядке. Переживаю за тебя и... – она оборвала сама себя и отвернулась. – Хочу тебе помочь. Очень хочу.

– Пойдём спать, – сказал я устало. – Встать придётся за пару часов до рассвета, чтобы всё окончательно подготовить.

– Иди, – голос девушки странно дрогнул. – Я посижу ещё немного и приду. Как раз успеешь улечься.

Я чувствовал её нервозность, её глубокие переживания, но лезть в душу не стал. Если не хочет говорить, то не стоит требовать ответов. Да у меня и самого в мыслях неразбериха, я сейчас точно не лучший собеседник. Сомневаюсь, что вообще смогу сегодня уснуть хоть на час.

Я лежал в кровати, смотрел в потолок, а Элин всё не приходила. Уже больше часа она сидела в ванной, но при этом оттуда не

доносилось ни звука. И я уже собрался идти за ней, но тут всё-таки услышал шорох открываемой двери.

Эбелин вошла тихо, даже шагать умудрилась бесшумно. Но её выдавало резкое и громкое дыхание, слишком надрывное, будто болезненное.

Я быстро сел.

– Тебе плохо? – спросил взволнованно, но она не ответила. – Элин, не молчи. Я же вижу, что с тобой что-то происходит. Ложись. Я не особо силён в целительстве, но кое-что всё-таки умею.

– Со мной... всё хорошо, – быстро и отрывисто произнесла она.

И вдруг решительно вскинула голову, развязала пояс на халате и сбросила его на пол, а я... опешил. Передо мной стояла полностью обнажённая девушка. В свете единственной горящей свечи она показалась мне настоящей богиней красоты. Гладкая кожа отливала золотом, чёрные волосы тяжёлым полотном спускались до самой талии, высокая грудь с острыми вершинками нервно поднималась и опускалась...

Первым порывом было немедленно приблизиться, привлечь эту красавицу к себе, коснуться губами манящих чуть приоткрытых губ, но стоило мне увидеть в её глазах обречённость, и все мои желания будто бы остудил северный холод.

– Что ты творишь?! – рыкнул я, поднимая с пола её халат и закутывая в него девушку.

Она стояла, как кукла. Не двигалась, ничего не говорила, но дышала всё громче, резче, а глаза странно блестели. Сначала я решил, что это слёзы, но потом заметил слишком широкие зрачки.

Захотелось выругаться и что-нибудь разнести, а ещё высказать много бранных слов в адрес одной дурной ведьмы. Зато стало ясно, почему эта коварная старушенция решила уйти на ночь из дома. Предусмотрительная гадина!

Я сел на кровать, усадил Элин рядом и, повернув к себе её лицо, спросил:

– Что она тебе дала? Какую дрянь ты выпила? А главное, зачем?

Старался говорить спокойно, хотя внутри всё клокотало от гнева.

– Зелье, – выдохнув, тихо сказала Эбелин. – Гарсиния обещала, что с ним я смогу, что всё получится. Но... оно не помогло.

– Что сможешь?

Она всё сильнее дрожала. Но когда я попытался её обнять, испуганно отшатнулась.

– Гарсиния сказала, что секс сделает нас ближе, может помочь удержать твою душу, помочь ей вернуться. И я... решилась.

– Глупая, – выплюнул я, желая придушить одну деятельную ведьму. – Элин...

Хотел высказать ей, что нельзя никому позволять лезть в свою личную жизнь, тем более, в таких сложных и деликатных вопросах, но девушка и так была бледна, дышала надрывно, а теперь ещё и дрожать начала.

– Это зелье... со мной происходит что-то странное, – проговорила Эбелин, поёрзав на кровати, будто ей было неудобно сидеть. – Я будто горю изнутри. И такое чувство... словно сильнейшая жажда. Бросает в жар, потом сразу в холод, и снова окатывает обжигающей волной. Может, есть какой-то нейтрализатор?

– Должен быть. Пойду поищу, – ответил я ей и быстро направился на кухню.

Но найти нужное зелье в огромной коллекции древней ведьмы – дело не просто сложное, а заранее провальное. Я пытался, честно, но подписей на склянках не было, а по виду этот нейтрализатор был таким же, как ещё добрый десяток наполненных бутылочек на полке. И в каждой из них с равной вероятностью мог оказаться как яд, так и что-нибудь похуже.

Когда я вернулся к Элин, она лежала на кровати, запрокинув голову назад. То и дело вздрагивала, ёрзала, а глаза лихорадочно горели.

– Нашёл? – спросила она с надеждой.

– Нет.

– Великие стихии... – простонала Эбелин. – Это невыносимо. Может... в ледяную воду лечь? Или...

Халат распахнулся, открыв обзор на обнажённое тело Эбелин. Я старался не смотреть, куда не надо, но взгляд сам собой возвращался к длинным идеальным ногам, чуть согнутым в коленях, темному треугольнику в излучине бёдер, плоскому животу, восхитительной груди. У меня от этого зрелища у самого дыхание сбилось, но поддаваться прекрасному соблазну было нельзя.

Я сел рядом с девушкой, опустил ладонь на её лоб, проверяя жар. А Элин вдруг поймала мою руку и прижала к своей щеке, а с её губ сорвался вздох чистого наслаждения.

– Так, кажется, легче, – проговорила Эбелин и вдруг сама опустила мою ладонь ниже и остановила на шее. – Да, определённо, легче. Будто твои прикосновения меня лечат.

Ну, Гарсиния! Вот вернёшься ты, и я всё тебе скажу! Всё негодяйка предусмотрела. Наверняка, ещё и зелье использовала особенное, собственного авторства.

– Если так, то давай попробуем справиться прикосновениями, – предложил я, собрав всю свою выдержку. – Доверишься мне?

Она быстро закивала, чуть приподнялась, сняла с себя халат и легла обратно. Элин смотрела на меня с надеждой, но, что удивительно, совсем без страха. Словно увидела во мне целителя, который может её вылечить.

Сначала я провёл ладонями по её плечам, мягко погладил, спустился к локтям и остановился на кончиках пальцев.

– Говори, что чувствуешь, – попросил, возвращаясь наверх к выделяющимся ключицам и тонкой шейке.

– Мягкое тепло. Словно ты, в самом деле, меня лечишь. Продолжай, пожалуйста.

Она говорила тихо, но дрожать стала заметно меньше, даже дыхание почти выровнялось.

Я спустился к её груди, обвёл полушария по кругу, стараясь не касаться сосков, и осторожно провёл пальцами по рёбрам. Потом вернулся обратно, теперь уже задев затвердевшие вершинки, и Элин вздрогнула и даже выгнулась мне навстречу.

– Больно? – спросил я негромко.

– Нет, наоборот. Даже приятно, – призналась девушка и прикрыла глаза.

И этим своим «приятно» едва не лишила меня остатков самообладания. Не знаю, что меня дёрнуло пойти на рискованный эксперимент, но я наклонился к Элин и коснулся губами её плечика.

Она с шумом втянула воздух, но даже не подумала отстраниться или оттолкнуть меня. Наоборот, вдруг чуть потянулась ко мне, словно приглашая продолжать.

Я обвёл рукой её живот, нарисовал окружность вокруг маленького пупка, а губами коснулся ключицы. Взгляд зацепился за горошинку соска, которую так безумно захотелось покатать на языке... и я заставил себя выпрямиться.

— Хельм, — Элин приподнялась на локте. — Когда ты меня касаешься, мне становится легче. Но когда перестаёшь, жар возвращается обратно.

Да это же настоящее издевательство! Гарсиния своим зельем устроила мне жуткую подлянку. Ведь если я сейчас пойду на поводу у своих желаний, если возьму Элин, когда она под зельем, то просто уважать себя перестану. Но без моих прикосновений она не сможет.

И что делать?!

— Эбелин, послушай. Я попробую помочь тебе с этим справиться. Думаю, получится обойтись ласками. Больно тебе не сделаю, обещаю. Позволишь?

Она медленно кивнула, но лечь обратно не спешила. Смотрела завороченно, словно любовалась, а когда её взгляд упал на мои губы, я мысленно послал к демонам не только Гарсинию, но и своё самообладание. Да пошло оно всё! Хотя бы поцелуй я точно заслужил!

Когда я приблизился к лицу Эбелин, она сначала отодвинулась, правда, совсем немного, а потом сама подалась вперёд. И всё же её губ я касался осторожно, медленно, очень нежно, и она чуть приоткрыла ротик мне навстречу.

Её поцелуй имел вкус спелой вишни, мягкие губы будоражили мысли, а острый язычок срывал все тормоза. Моей осторожности хватило ненадолго. Едва я понял, что Элин не просто отвечает, но явно получает от происходящего удовольствие, и отпустил себя. Разрешил хотя бы целовать её так, как мне, действительно, хотелось.

Я нависал над Элин, опираясь на локоть, и гладил свободной рукой такие притягательные груди. Но когда спустился к животу, а потом и ниже... Эбелин отвернулась, прерывая поцелуй, и попыталась меня оттолкнуть.

— Не надо, — взмолилась она шёпотом. — Ты же обещал ограничиться ласками.

В её глазах был страх на грани паники. Она смотрела на меня растерянно, но доверчиво, и её взгляд заставил моё сердце сжаться от

незнакомой удивительной нежности.

– Это тоже ласка, – ответил я, утопая в тёмной синеве её глаз. – Элин, я очень хочу тебя. Но ещё больше хочу, чтобы ты пошла на это не под зельем, а по собственному желанию. Поэтому не бойся. Сказал, что ограничимся ласками, значит, так и будет.

Мои пальцы спустились с её живота ниже, осторожно погладили тёмные волоски и переместились чуть дальше, совсем слегка надавливая.

– Вот, Элин, это максимум. Ну, может, продвинусь ещё немного, и то, если тебе понравится. Ведь не страшно?

Теперь она смотрела на меня ошарашенно, но протеста в её глазах не было. Скажу больше, она даже не попыталась свести ноги, а когда я убрал от неё пальцы, сама подалась ко мне.

– Продолжать? – спросил я, довольный её реакцией, и снова коснулся губами губ.

– Да, – выдохнула она, и сама меня поцеловала.

Теперь, когда границы дозволенного были чётко обозначены, легче стало и мне, и Элин. Я строго-настрого запретил себе думать о большем, и на самом деле наслаждался тем, что могу целовать её, гладить, касаться пальцами её мягкого, влажного лона, и ей это нравится.

Не знаю, зелье тому виной, или природная отзывчивость Эбелин, но до пика она дошла быстро, а в оргазм сорвалась с громким стоном и таким веером эмоций, что я сам едва не последовал за ней.

Ох, и горячая же она девочка. Меня никаким зельем не поили, но я уже не помнил, когда был настолько возбуждён, едва ли не на грани срыва. Но срываться было никак нельзя. Потом, позже, не сегодня.

Эбелин всё ещё вздрагивала, но теперь уж точно не от страха. Волны удовольствия постепенно становились меньше, а дыхание девушки выравнилось.

Она уснула, уткнувшись в мою шею – вот так просто, совершенно обнажённая, разомлевшая и, кажется, окончательно мне доверившаяся. А я обнимал её, слушал её дыхание и чувствовал, что моё острое возбуждение сменяется мягкой умиротворённостью.

Надо признать, мне было рядом с ней хорошо и спокойно, даже как-то правильно. И ещё я чувствовал себя невероятно довольным. Да, своей доли удовольствия этим вечером я не получил, но зато морально

был удовлетворён целиком и полностью. Ведь Элин всё-таки приняла мои ласки, поборолa свой страх, а целовала так, что у меня последние мысли из головы улетучивались.

Нет, я не сомневался, что в следующий раз она снова будет трястись и паниковать, но теперь нам обоим будет проще. Первый бастион крепости по имени Эбелин пал, а значит, скоро покорятся и остальные.

Глава 20. Невеста, ведьмы, ритуал

Эбелин

Я проснулась от звука голосов, причём их было много, и, в основном, говорили женщины. Они что-то обсуждали, вели себя крайне эмоционально, и мне даже показалось, что на кухне сейчас целая толпа.

За окном стояла густая темнота, в комнате горела одинокая свеча, Хельма рядом не было.

Сев на постели и откинув одеяло, я в недоумении осознала, что почему-то спала без одежды...

И тут сонное сознание толкнуло память, и мне открылись все события прошлого вечера. Эти воспоминания обрушились водопадом, а меня, словно огромная волна, накрыл всепоглощающий стыд. Дура! Хватило же глупости выпить возбуждающее зелье! Какая же глупая! Думала, это поможет справиться со страхом, но стало только хуже.

Зато Анхельм повёл себя удивительно. Меня никто никогда так нежно не касался, никто так сладко не целовал, и уж точно никто никогда не старался доставить мне удовольствие. Я впервые почувствовала, что от близости с мужчиной может быть так хорошо. А ведь это, и впрямь, только ласки, пусть и очень откровенные. Такие... которые мне действительно хотелось бы испытать ещё раз.

— А я говорю, что вы задумали глупость. Это не яйцо, а старая каменюка! — пискляво выкрикнула за стеной какая-то женщина. — Угробите нам мальчика, что делать потом будем?!

Великие стихии! Ритуал! Он ведь должен состояться на рассвете!

Эта мысль мигом взбодрила и основательно напугала. Одевалась я очень быстро. Натянула на себя первую попавшуюся сорочку, нацепила длинную юбку из выданных Гарсинией вещей и прямо босиком выскочила из комнаты.

А в просторной кухне творилось нечто непонятное. Вокруг центра комнаты, где были начерчены знаки для ритуала, столпились пять женщин разного возраста. Они обсуждали правильность начертания

символов, спорили о каком-то непонятном яйце, которое следовало как-то включить в схему, и не обратили на моё появление никакого внимания.

Зато сидящий в стороне от них Хельм увидел меня сразу. Наши взгляды встретились, он чуть улыбнулся и поманил к себе рукой. Было стыдно смотреть ему в глаза, но я всё равно подошла ближе. А когда оказалась рядом, Анхельм поймал меня за руку и, мягко притянув, усадил к себе на колени.

– Не смей ни о чем жалеть, – прошептал мне на ухо. – Мы не сделали ничего плохого.

– Но... – попыталась сказать я, только нужных слов не нашлось.

Хельм потёрся носом о мою щёку и легко коснулся губами шеи.

– Всё было правильно, за исключением зелья, – добавил он тихо. – Но за него я уже высказал Гарсинии. Правда, она не прониклась. Считает, что поступила так, как должна была.

Я попыталась собраться с мыслями, мне нужно было сказать хоть что-нибудь. А то сижу тут, молчу, как пришибленная.

– Я не жалею, – наконец, подобрала подходящую фразу.

– Хорошо, – ответил Анхельм. – И не нужно.

– Но ты вчера ничего не получил. Так ведь не должно быть, – произнесла я, поборов сомнения.

Ринор сразу внушил мне, что его удовольствие – моя первейшая цель. И я нужна ему исключительно для того, чтобы это удовольствие доставлять. Ни разу он не отпустил меня, оставшись неудовлетворённым. Даже когда я уже стала больше похожа на бездушную куклу, он всё равно достигал своего пика, хоть на это стало уходить гораздо больше времени.

А Хельм ночью даже не подумал намекнуть, что я должна сделать что-то для него. Хотя, может, дело в том, что я так глупо уснула?

– Я получил тебя, – прошептал Анхельм, чуть касаясь губами мочки моего уха. – Мне было хорошо уже от того, что ты ловила волны оргазма.

– Но ты ведь остался неудовлетворён, – я повернулась к нему, хотела увидеть его взгляд и случайно провела носом по его виску.

– Переживу, – ответил вергонец, подняв лицо.

И вдруг поцеловал меня в губы. Быстро, мимолётно и так неожиданно, что я даже осознать ничего не успела, так и застыла,

пребывая в лёгком оцепенении.

Поймала взгляд Хельма – его глаза искрились удовольствием и предвкушением. И когда он снова склонился к моим губам, я не отпрянула, а приняла его поцелуй с искренним наслаждением.

Всё перестало иметь значение, важными остались только я и Хельм. Посторонние мысли, сомнения, страхи ушли куда-то на десятый план. А мы целовались, будто были здесь совсем одни, словно двое блаженных, которые нашли друг в друге живительный эликсир жизни.

Мои пальцы запутались в волосах Хельма, я прижималась к нему так крепко, как только могла, и хотела сейчас только одного: чтобы этот поцелуй никогда не заканчивался.

– Нет, ну вы только посмотрите! – возмутилась рядом женщина со скрипучим голосом. – Мы тут думаем, стараемся помочь, а он целуется с какой-то девкой!

Анхельм мягко отстранился и, повернувшись к женщинам, назидательным тоном ответил:

– Не с девкой, Шарна, а с невестой. Давайте познакомлю.

Он приподнял меня со своих колен, встал рядом и, обняв за талию, сказал:

– Дорогие сёстры, перед вами моя невеста, которая, по словам Гарсинии, предназначена мне богами, Эбелин Лиссер. Она айвирка.

На меня уставились четыре незнакомки и сама хозяйка домика. Правда, в отличие от остальных, она выглядела довольной. Зато в глазах её гостей стояло откровенное недоверие и даже лёгкое пренебрежение.

Хельм представил мне всех ведьм. Обладательницей того самого громкого скрипучего голоса оказалась черноволосая особа лет сорока на вид, по имени Шарна. Возраст других ведьм явно перевалил за первую сотню, хотя выглядели они довольно бодрыми. Звали их Ронда, Арила и Дарта.

– Не смущайте девочку, – бросила Гарсиния. – До рассвета всего пятнадцать минут, а ещё нужно решить, как правильно расположить яйцо.

Ведьмы всполошились, вернулись к обсуждению, а я посмотрела на Хельма и негромко спросила:

– Что за яйцо?

– Вот оно. Интересно, что скажешь, – ответил он и подвёл меня к столу, на котором в гнёздышке из тряпок лежал большой зеленовато-белый овальный предмет, размером с крупную дыню.

С виду он напоминал камень, да и жизни в нём совсем не чувствовалось. Но когда я опустила на него ладонь, то уловила запертую внутри магическую силу, ещё и такую мощную, что сразу поспешила отдёрнуть руку.

– Арила говорит, что в её роду оно хранится уже больше тысячи лет. Передаётся каждой новой хранительнице, как великая реликвия. Она уверена, что это яйцо последнего дракона.

– Так у нас же никогда не было драконов, – заявила я уверенно. – Это сказки.

– Я тоже так думал, но, как видишь, яйцо есть, силы в нём немерено. Вот Гарсиния и попросила использовать его для ритуала перерождения. Изначально она хотела соединить меня с Храмом, как описано в её записях. Я бы, вероятнее всего, смог обращаться в большого ворона.

– Да, я читала.

– Но ей вдруг взбрело в голову, что моей силы и на дракона хватит.

– Мифического, – напомнила я. – А если это просто камень? Древний артефакт, вобравший в себя силу?

– Тогда ритуал не пройдет, и ничего не получится. Но я чувствую, что мы поступаем правильно, – заверил Хельм.

Он опустил ладонь на яйцо и прикрыл глаза.

– В нём есть искра жизни, я чувствую её, – проговорил Анхельм. – Она отзывается мне, значит, стоит рискнуть.

– А если не выйдет? Если это просто артефакт? Что тогда?

Он вздохнул.

– Тогда Гарсиния использует Храма. В нём, как в фамильяре, заключена часть моей души.

Я совсем не разбиралась в ритуалах ведьм и колдунов. Они и раньше казались мне чем-то непонятным и даже странным, но сейчас, глядя, как всё это происходит в действительности, я просто приходила в ужас.

– Нет, Хельм. Это же глупо! – выпалила я, не сдержавшись. – Вы хотите рискнуть вашей жизнью, сделав то, чего никто никогда не

делал? Просто поддавшись порыву? Найдя в чьём-то чулане старое яйцо? Это даже не эксперимент, а настоящее безумство. У вас нет ни расчётов, ни хоть какой-то теоретической базы, ни исследований. Один лишь написанный в тетрадке странный ритуал, свечи, травы и пять ведьм. Это же всё... неправильно. Нелогично.

Он коснулся пальцем моих губ и посмотрел с мягкой насмешкой.

— Ведьмы и колдуны почти всегда действуют по наитию. Мы воспринимаем мир иначе, не так, как маги. Верим интуиции, умеем ловить нужные вероятности. И сейчас я чувствую, что это правильный ход. Они, — он кивнул на женщин, которые теперь рисовали мелом на полу новые знаки и завитки, — тоже верят в успех. Иначе не сидели бы здесь среди ночи. И ты верь.

— Я боюсь за тебя, — сказал чистую правду. — Зря ты вчера не пошёл до конца. Может, если бы между нами случилось... всё... связь стала бы сильнее.

— Я вернусь, — заявил он уверенно. — И мы продолжим бороться с твоими страхами. Станешь моей королевой.

— На год, — напомнила ему, а он легко улыбнулся.

— Посмотрим. За это время многое может измениться. Вдруг ты сама не захочешь уходить?

— Мне придётся, мы ведь договорились. Я клятву тебе дала. Да ты и сам можешь понять, что тебе нужна другая жена, а Вергонии — другая королева.

— Вот и решим через год. А сейчас... — он подался ко мне, поцеловал в губы и нехотя отстранился, — пора начинать.

Анхельм лёг на пол в самый центр нарисованного круга. Рубашку он снял, оставшись в одних брюках, и ведьмы тут же принялись рисовать прямо на его теле непонятные мне узоры и символы. Яйцо положили рядом с Хельмом, и он обхватил его рукой, прижав к боку.

Женщины зажгли свечи, расставили рядом с ними чашки с водой, насыпали земли. Четыре ведьмы встали по сторонам света, подняли руки вверх и прикрыли глаза, а Гарсиния взяла в руки кинжал с изогнутым волной лезвием и опустилась на колени у груди вергонца.

Всё это со стороны выглядело по-настоящему жутко. Я смотрела на происходящее и не могла понять, как Хельм вообще согласился участвовать в подобной глупости? Безумно хотелось крикнуть:

«Хватит», остановить их, не дать свершиться непоправимому, но я продолжала стоять в стороне.

– Эбелин, что бы ни произошло, не подходи близко, – проговорила Гарсиния, подняв на меня взгляд.

– Ставь защиту, сорвётся, – ответила ей одна из ведьм. – У неё уже в глазах паника. Кинется спасать своего ненаглядного и сделает только хуже.

– Ладно, – согласилась хозяйка дома.

Она шепнула несколько слов, взмахнула свободной рукой, и передо мной появилась полупрозрачная энергетическая стена.

– Начинаем, – скомандовал Анхельм.

Потом глянул на меня и ободряюще улыбнулся. Будто это не над ним собрались проводить сомнительный ритуал, а надо мной. Будто переживал за меня сильнее, чем за себя самого. И понимание этого мигом меня отрезвило.

Ведьмы зашептали заклинания. Сначала их слова звучали, как странные стихи, потом стали напоминать песню. Женщины повторяли одну и ту же строчку, каждый раз делая это всё громче и громче, а я с ужасом смотрела на происходящее и не верила собственным глазам.

На энергетическом уровне происходило немыслимое: Хельма вместе с яйцом начали окутывать магические потоки стихий, в которые вливались свет и тьма. Они закручивались, пронизывая мужчину, проходили через начерченные на его груди символы, окутывали голову, руки и ноги, соединяясь в области солнечного сплетения. Концентрация энергий увеличивалась с каждой секундой, ведьмы пели всё громче, а Гарсиния крепко сжимала кинжал. В тот момент, когда из-за макушек деревьев показалось солнце... она выкрикнула ту же магическую фразу и вдруг резко вогнала лезвие в грудь Анхельма. Прямо в сердце.

Я закричала. Ринулась к нему, но упёрлась в плотную преграду. И как ни старалась преодолеть её, но так и не смогла. Била кулаками, магией, даже табурет попыталась бросить, но безуспешно. В итоге упала на колени, уткнулась лбом в невидимую стену и с полным отчаянием смотрела на происходящий ужас.

Ведьмы продолжали петь, Гарсиния держалась за рукоять оружия, которым убила вергонского короля, и тоже повторяла за сёстрами. Та сила, что концентрировалась на месте ритуала, теперь лилась через

кинжал прямо в пронзённое сердце Хельма. А вот яйцо пропало – растворилось в энергии ритуала, и я не понимала, хорошо это или, наоборот, очень плохо.

И вдруг Гарсиния вытащила кинжал и отбросила в сторону, за пределы ритуального круга, и её оружие вспыхнуло тьмой и превратилось в пепел.

Демоновы ведьмы! Всегда знала, что они сумасшедшие!

Песня резко оборвалась. Женщины замолчали одновременно, будто кто-то заставил их закрыть рты. Они опустили руки, упали на колени и упёрлись лбами в пол, да так и застыли.

И если бы я не видела энергии, то окончательно решила бы, что они все тут умом тронулись. Но на магическом уровне в этот момент случился настоящий невидимый взрыв. Сила четырёх стихий, тьмы и света слилась воедино, ударила в Хельма и разнеслась в стороны настоящим взрывом. Он оказался таким сильным, что смёл установленную Гарсинией защиту, да и меня вместе с ней. Я отлетела в стену, словно пушинка. И, кажется, на какое-то время просто отключилась.

Правда, в себя пришла быстро. Кое-как разлепила веки, увидела лежащего на полу Хельма и попыталась встать. Голова кружилась, спина болела, ноги дрожали так, что не получалось идти. Пришлось передвигаться на четвереньках, но у меня была цель – Анхельм. И я добралась до него, пусть это и далось мне с огромными усилиями.

А когда оказалась рядом, тут же создала восстанавливающее плетение. Вот только раны не было... грудная клетка оказалась целой.

– Хельм, – позвала я, пытаюсь почувствовать удары его сердца. – Хельм!

Оно не билось. Пульса не было. Дыхания тоже.

– Хельм!!! – закричала, шибанув по его грудной клетке чистой силой. Не помогло.

Тогда я заставила себя собраться, сконцентрироваться и использовать плетения, которыми мы во время операций искусственно поддерживали работу сердца пациента. Не бьётся? Заставлю!

Плетение легло, как надо, заклинание-активатор сработало правильно, и спустя долгие десять секунд я всё-таки услышала, как в груди моего короля медленно, но ровно заработало сердце.

Так... теперь дыхание, ведь сам он не дышит.

Второе плетение легко на его рот, и теперь сила воздушной стихии попада́ла в лёгкие с правильной периодичностью. Грудная клетка начала медленно подниматься и опускаться, и мне стало чуть спокойнее.

Ведьмы не мешали, они вообще выглядели откровенно пришибленными, даже Гарсиния. Женщины так и сидели на полу, но отчего-то молчали, не сводя с меня глаз. Очень хотелось накричать на них, наброситься с кулаками, выплеснуть весь тот комок жутких эмоций, что окутывал меня сейчас, но я держалась, потому что важнее всего было помочь Анхельму.

Плетения работали, сердце билось, но на энергетическом уровне происходило нечто непостижимое. Аура Хельма стала совсем тусклой, едва заметной, и это пугало сильнее всего.

– Элин, его душа на грани, – сказала Гарсиния. – Он сейчас не здесь. Тело ты оживила, и это хорошо, ему так проще будет потом восстановиться. Но пока нам остаётся только ждать.

– Сколько? – спросила я устало.

– Неизвестно. Может, день, а может, и неделю.

– Если ты на самом деле та, кто предназначена ему богами, он вернётся к тебе, – проговорила Шарна. – Связь истинных очень сильна. Но тебе лучше быть с ним рядом.

– Буду, – заявила я решительно. А потом медленно выдохнула и заявила, уверяя прежде всего саму себя: – Он вернётся. И очень скоро.

Глава 21. Снег, гость и отчаянный зов

Погода портилась. С каждым днём на улице становилось всё холоднее. На несколько недель зарядили нескончаемые сильные ливни, а за ними пришли северные ветра и первые заморозки.

Каждое утро я просыпалась на рассвете, проверяла пульс Хельма, подпитывала магией плетения, поддерживающие работу его сердца и дыхания, а потом выходила на крыльцо и смотрела на небо.

Иногда оно встречало меня солнышком, и тогда в душе снова просыпалась надежда на лучшее. Но гораздо чаще над головой нависали тяжёлые серые тучи, и начинало казаться, что весь их груз давит на мои плечи.

Но я старалась держаться. Убеждала себя, что всё будет хорошо, что нужно продолжать бороться, но с каждым днём моя уверенность становилась все слабее.

Этим утром я точно так же вышла на крыльцо, но вместо грязи, серости и голых деревьев увидела настоящую сказку. Всё вокруг было укутано белым покрывалом. Снег облепил каждую веточку, украсил невысокий забор, застелил сплошным полотном землю. И эта красота мерцала и переливалась в лучах восходящего солнца.

– Красиво, – сказала за моей спиной Гарсиния.

– Очень, – ответила я ей, а в груди будто стало теплее. – Удивительно, ещё вчера шёл дождь, а сегодня неожиданно наступила зима.

– В этом году снег выпал раньше, чем всегда, – проговорила ведьма, встав рядом со мной у резных деревянных перил. – Но это всё равно хороший знак.

Правда, вздохнула она тяжело и даже с горечью, и я прекрасно её понимала. За два месяца, проведённых бок о бок, мы с ней почти сроднились. Сначала целыми днями перерывали её записи, пытаюсь найти способ помочь Хельму, много раз пробовали вернуть его душу, проводили новые и новые ритуалы, но ничего не помогало.

Гарсиния очень переживала за Анхельма. Она действительно считала его внуком, хотя приходилась ему довольно далёкой роднёй. А

однажды и меня начала называть внучкой, да и я как-то незаметно прикипела к ней душой.

Иногда к нам приходили другие ведьмы – те самые, что участвовали в ритуале перерождения. Каждый раз они проверяли состояние Хельма, тоже читали рядом с ним свои заклинания, но эффекта не было. И теперь всё чаще от них звучали намёки, что «мальчика нужно отпустить».

Но в этом вопросе я была настроена категорично, да и Гарсиния сразу заявила, что верит в своего внука. Вот только даже её дар предвидения на его счёт упрямо молчал.

– Я на завтрак кашу приготовила. Идём, – сказала ведьма, поманив меня за собой. – А потом нужно собрать в лесу бруснику. Сейчас самое время.

– Как скажешь, – ответила я ей. Брусника, так брусника.

Завтрак прошёл спокойно. После него я привычно взяла на себя мытьё посуды, а Гарсиния собралась на утренний обход территорий, где иногда наблюдались магические аномалии. Она уже надела полушубок, тёплые ботинки, намотала на голову платок, как вдруг... резко застыла.

– Что с тобой? – я мигом бросилась к ведьме.

Но она выставила перед собой ладонь, останавливая меня. Тогда-то и стало ясно, что её состояние как-то связано с колдовством.

– У нас гость, – сказала она, сдвинув седые брови. – Мужчина. Колдун. Идёт напрямиком к домику, хотя моя сила для чужаков всегда путает тропки. Скоро будет здесь.

– Ты знаешь, кто это может быть? – честно говоря, я основательно напряглась.

– Примерно, – она покачала головой. – Колдунов у нас очень мало. А сильных – так на пальцах одной руки пересчитать можно. И всё же... иди-ка ты к Хельму и не высывайся. Ещё неизвестно, что этому чужаку от меня нужно.

Я кивнула, не собираясь спорить. Даже после двух месяцев в этом доме колдовские дела оставались для меня чем-то потусторонним. Да, мне уже не раз приходилось видеть в действии ритуалы и заклинания ведьм, но они работали совершенно удивительным образом, совсем не так, как классическая магия, которую мы изучали в академии. Хотя,

признаюсь, за это время я неплохо научилась варить некоторые зелья, и Гарсиния даже не раз меня хвалила.

Когда я вошла в нашу комнатку, всё в ней оставалось прежним. Хельм лежал на кровати, и со стороны казалось, что он просто спит. Только его лицо было бледным, почти серым, губы давно потеряли цвет, а грудная клетка поднималась слишком медленно. И, что самое ужасное, я чувствовала в нём только пустую оболочку, в которой совсем не осталось жизни и души.

Подойдя ближе, погладила его по спутавшимся, теперь уже полностью белым волосам и опустилась на пол, где лежал мой свёрнутый матрас. Спала я теперь отдельно, потому что без объятий Анхельма мы на узкой койке не помещались, да и боялась я ночью ненароком сбить собственное плетение, помогающее его сердцу биться. Поэтому и пришлось перебраться на матрас.

– Доброго утра, хозяйюшка. Пустишь погреться? – прозвучал с улицы смутно знакомый мужской голос.

– Доброго утра, – ответила Гарсиния ровным спокойным тоном. – Сначала скажи, зачем пожаловал.

– Поговорить мне с тобой надо, – ответил гость. – Совет нужен. Заплачу, сколько скажешь.

Она не спешила с ответом, а я вся превратилась в слух. Очень хотелось выглянуть в окно, посмотреть, кто же там явился, но я понимала, что должна оставаться незамеченной.

– Ну, заходи. Чаем, так уж и быть, напою. А ты мне взамен расскажешь, что в столице нашей творится. А то до меня лишь слухи долетают, да и те друг другу противоречат.

– Конечно, – поспешил заверить её гость. – Всё расскажу.

Судя по звуку шагов и скрипнувшей двери, они прошли на кухню. Некоторое время голосов не было слышно, но позвякивала посуда, доносились разные бытовые шорохи. А потом мужчина снова заговорил:

– Гарсиния, мне часто снится Хельм, – его тон показался мне грустным и даже подавленным. – И эти сны очень странные. Раньше я просто видел его бродящим в сером марева. А два дня назад он будто сам пришёл ко мне, попросил помочь ему, открыть проход, а я не понимаю, о чём он, и как это сделать. Спрашивал у слугителей Девы

Заступницы, они даже провели несколько обрядов, но сны не прекратились. И, что странно, это началось ещё до его смерти.

Я опёрлась спиной на кровать, поймала холодную руку Анхельма и сжала его пальцы.

Да, за прошедшие два месяца в стране произошло немало жутких событий. Но теперь мне стал понятен гениальный план тех, кто устроил в Вергонии тихий и дерзкий переворот.

Новости до нас доходили с большим опозданием, да и были это скорее слухи, но они всё равно складывались в общую картину.

А говорили следующее. Король привёз в столицу невесту-айвирку, но девушка была бывшей рабыней, и в рабстве повредила психику. Во дворце она вела себя, как дикарка, часто ходила одна, кричала на слуг и придворных, несколько раз кидалась на охрану. А за неделю до предполагаемой свадьбы бросилась с ножом на короля, даже ранила его в плечо. При этом кричала, что ненавидит всех вергонцев, а Анхельма всё равно убьёт.

Тогда её остановила ведьма по имени Аделина. Да-да, та самая, которую Хельм считал подругой. Через несколько дней несчастную айвирку казнили за нападение на монарха.

А свадьбу отменять не стали, и женился подставной Анхельм на той самой ведьме. А через какое-то время в Харсайд явились представители Айвирии. Ну и, по слухам, во время официальной встречи они убили вергонского короля прямо в тронном зале – совсем как когда-то его отца.

Смуты в стране удалось избежать, так как молодая королева оказалась беременна, да и ведьмы её поддерживали, а идти против них никто не рискнул. Сейчас страной правил регент, коим стал лорд Четтер Гайсли. Говорили, что он был единственным из соратников короля, который остался верен ему до конца.

Конечно, убийство Анхельма айвам не простили, две недели назад была объявлена война, и в этот раз ведьмы решили открыто принять в ней участие.

Гарсиния выступала против, как и многие из её сестёр, но верховная ведьма приняла решение, и теперь все, кто отказывался ему подчиняться, считались отступницами.

Открытых крупных боёв пока не было, до нас дошли слухи лишь о нескольких стычках на границе, но даже эти новости очень

печалили.

Если бы только Хельм вернулся, он точно смог бы положить конец этому безобразию. Навёл бы порядок в своей стране, подписал бы новый мирный договор с Айвирией, обязательно разобрался бы во всём. Вот только его душа зависла где-то между мирами, и ни я, ни Гарсиния не представляли, как его вернуть.

– Когда ты увидел первый такой сон? – заинтересованным тоном спросила ведьма гостя.

– Не помню точно. Но, кажется, ещё до его женитьбы на ведьме, – ответил он. – Я тогда в камере в подземельях сидел. Мой дар блокировали ошейником, поэтому первые сны были смазанными. А когда меня отпустили, заменив заточение ссылкой, эти видения стали очень реалистичными.

– Расскажи подробнее. Что именно он говорил? – голос ведьмы показался мне встревоженным, а я вся превратилась в слух.

– Говорил, что пытается вернуться, но его не пускает барьер или стена. Что он не может через неё пробиться. А сегодня ночью он снова пришёл, но стал каким-то тусклым, полупрозрачным. И сказать смог только твоё имя. Потому я и поспешил к тебе.

– Демоновы копыта! – громко выругалась женщина и, судя по звуку, что-то разбила. – Да как я, дура старая, сама до этого не додумалась?! Так, сиди здесь. Сейчас разберёмся.

А потом вдруг крикнула:

– Эбелин! Неси все нейтрализующие зелья, какие у нас есть. Разводи в ведре один к одному с водой и тащи на улицу. Прихвати все пустые накопители.

Я вскочила на ноги, тут же вышла на кухню и столкнулась с удивлённым взглядом растерянного Холта.

– Живая?! – выпалил он, тоже быстро поднявшись.

– Ага, – ответила я ему.

Потом обернулась на открытую дверь спальни, где лежал Хельм, и поняла, что оставить его наедине с возможным предателем никак не могу.

– Клянись, что не принесёшь вреда и будешь оберегать жизнь Анхельма Вергонского! – выпалила я, ткнув пальцем в грудь колдуна. – Клянись, что ты его не предавал! Сейчас же!

– Анхельм... жив? – у Холтера заблестели глаза, а во взгляде появились неверие и затаённая надежда.

– Клянись! – потребовала я, повысив голос. – Или немедленно уходи.

– Клянусь, – поспешил ответить он и в точности повторил мою фразу. Потом закрепил клятву магией и повторил вопрос: – Хельм жив?

– Не совсем. Но я верю, что его можно спасти. И если ты его не предавал, то помогай.

– Да, твоя помощь понадобится, – сказала Гарсиния, о присутствии которой я умудрилась забыть. – В общем, детки, нужно как можно скорее убрать защитный купол над домом. Он очень старый, прочный, в нём немерено моей силы. И, видимо, именно он не пускает душу Хельма обратно.

– А если вынести Анхельма за границы защиты? – спросила я. – Будет быстрее?

– Куда? В заснеженный лес? А если он не очнётся сразу, то мы его попросту заморозим, – нервно произнесла она.

– Тогда давай, Холтер унесёт Хельма, пока ты снимаешь защиту, – выдала я новое предложение. – А я буду рядом с ним.

– Давай, – махнула рукой ведьма. – Только тёплые вещи возьми. Защита заканчивается в двадцати метрах от дома. Если идти на запад, там будет каменный алтарь. Положите Хельмушку туда. И... – она посмотрела мне в глаза, – зови его. Он должен тебя услышать.

Дальше всё происходило сумбурно и быстро. Мы с Холтом одели Анхельма в тёплые штаны и старый тулуп, потом Холтер перекинул его через плечо и понёс на улицу. Я семенила следом, следя за тем, чтобы не повредились плетения на сердце.

Алтарь был обычным кривоватым камнем прямоугольной формы. Я не раз проходила мимо него, но даже не подумала, что его, оказывается, используют в ритуалах. Когда Холт уложил на него Хельма, я тут же села рядом.

– Вернись, Анхельм, – говорила, касаясь его щёк, смахивая снежинки с волос. – Вернись к нам. Ты нужен Вергонии. Она без тебя скоро перестанет существовать. Ты нужен своим друзьям. Не все они тебя предали, есть те, кто до сих пор готов идти за тобой.

Но ничего не происходило.

Холт топтался рядом, смотрел на полумёртвого друга с растерянностью и болью. И молчал.

– Вернись! – крикнула я, обняв ладонями холодные щёки. На них давно появилась щетина, но выросла она всего на полсантиметра за все два месяца.

– Как он оказался в таком состоянии? – спросил Холт. – Что вообще произошло? Не понимаю.

Но я проигнорировала его вопрос. Появилось странное чувство, что Хельм рядом, совсем близко, что ему просто не хватает сил, чтобы вернуться в тело. Но как же помочь?

Думай, Эбелин! Думай!

– Что может приманить душу? Кровь? Вряд ли. Но что... – выпалила вслух.

– Другая душа, – прозвучал за моей спиной голос Холта. – А ведь, если верить Гарсинии, вы с ним связаны. Зови, Эбелин. Но так, чтобы он услышал.

– Как?! – выкрикнула, обернувшись. – Что говорить? Я же не служитель богов.

– Ты его женщина. Та, что предназначена ему этими самыми богами, – твёрдо ответил колдун. – Скажи то, что просит твоя душа. Прислушайся к ней. Если она хоть немного тянется к Хельму, значит, шанс есть.

Я снова посмотрела на Анхельма, взяла его за руку и зажмурилась. Что говорит моя душа? Она боится... безумно боится окончательно потерять этого мужчину. А ещё она верит ему, ощущает его родным, близким. Ей рядом с ним хорошо, тепло и спокойно. И она совершенно точно тянется к нему. К его душе.

Вот. Нашла!

Я попыталась мысленно потянуться к Хельму, точнее, к той тёплой энергии, что наполняла его раньше. И вдруг на самом деле ощутила лёгкий отклик. И тогда снова позвала. Громко. В голос:

– Вернись ко мне, Анхельм. Ты мне очень нужен. Ты очень для меня важен.

Опустила голову на его грудь, где, повинувшись моему плетению, билось сердце, и прошептала, вложив в этот шёпот всё своё желание, всю надежду, всю себя:

– Вернись.

Но всё осталось, как и было. Только удары под моей щекой будто стали более рваными. Видимо, я всё-таки умудрилась повредить плетение. Придётся накладывать заново.

И тут грудная клетка Хельма как-то особенно сильно поднялась, а потом резко опустилась и снова поднялась.

Я села ровно, окинула Анхельма быстрым взглядом и, не мешкая, запустила диагностическое плетение. Но когда оно показало, что пациент дышит сам, у меня вдруг разом закончились силы.

– Он вернулся, – проговорила я, боясь в это поверить. И тут же снова уложила голову ему на грудь, а на глазах навернулись слёзы невероятного облегчения.

Вдруг меня резко дёрнули и потащили в сторону. Я даже не поняла, что происходит, сообразила лишь, что это сделал Холтер. Попыталась возмутиться, но он остановился и развернул меня лицом к алтарю.

– Смотри магическим зрением, – сказал он строго и будто даже со страхом. – Видишь это?

Теперь я действительно увидела и то, что открылось моим глазам, выглядело поистине странно. Вокруг Анхельма сгущалась энергия. Она пульсировала, переливалась от светло-серого до тёмно-зелёного. И это была совершенно незнакомая магия, с какой мне никогда раньше сталкиваться не приходилось. В ней чувствовались агрессия и злость, да такие, от которых очень хотелось спрятаться.

Она быстро уплотнялась, окутывая Хельма собой, словно коконом, но при этом стали видны золотистые потоки, вливающиеся прямым в его грудь.

– Что это? – выдохнула я, теперь даже не думая вырываться из захвата.

– Понятия не имею, – произнёс в ответ Холт.

Тем временем зеленоватая энергия вокруг Анхельма уплотнилась, а кокон стал похож на яйцо. Вскоре она настолько уплотнилась, что рассмотреть что-либо внутри кокона стало невозможно.

– Хельм! – выкрикнула я, чувствуя полную беспомощность.

Нужно было срочно что-то делать, как-то помочь ему, но в голове не нашлось ни одной дельной мысли. А нервы натянулись настолько, что готовы были вот-вот лопнуть.

– Спокойно, – донёсся до слуха голос Гарсинии.

Ведьма шла по тропинке со стороны своего дома и выглядела какой-то взъерошенной. Остановившись рядом с нами, протянула раскрытые ладони к кокону и прикрыла глаза. Стояла она так, наверное, больше минуты, а когда снова повернулась к нам, на её лице сияла довольная улыбка.

– Всё в порядке, – сказала ведьма. – Я чувствую Хельма, он вернулся. А то, что сейчас происходит – правильно. Это и есть завершение ритуала перерождения. Сейчас вмешиваться не стоит. Нужно просто ждать.

– И сколько? – вырвался у меня вопрос, а от волнения и растерянности затряслись руки.

– Не знаю, – она пожала плечами. – Но подходить близко никому не рекомендую.

Гарсиния чуть помолчала и, вздохнув, добавила:

– Теперь только от Хельма зависит, чья сущность победит в итоге. Но я верю в него. Если уж он с того света смог вернуться, то с остальным обязательно справится.

Глава 22. Туман, Сайо и когти

Первые сутки мы по очереди дежурили возле алтарного камня, ждали, что вот-вот Хельм очнётся, разорвёт эти странные путы и вернётся к нам. Но ничего не менялось, только кокон из энергий становился всё плотнее и скоро стал похож на камень. Гарсиния даже решилась подойти к нему, потрогала, попыталась разбить, но не вышло.

– Нужно ждать, – сказала она нам тогда. – Правда, я даже не представляю, сколько.

И снова потянулись дни, но теперь они были наполнены надеждой и напряжением. Холт остался с нами в домике ведьмы, спал на кухне у печи на соломенном тюфяке. Он создал вокруг кокона с Анхельмом магический контур, который показывал малейшие вспышки энергии, и несколько раз в сутки ходил проверять, что там происходит.

Ранняя зима уверенно занимала позиции. Снегопады усилились, теперь высота сугробов в некоторых местах достигала полуметра. Холода крепчали, начался сезон ветров, но я всё равно каждый день ходила к алтарному камню, садилась рядом и говорила с Хельмом. Рассказывала ему о том, что, по слухам, происходит в его стране, о военных действиях, которые вот-вот войдут в полную силу; иногда говорила о своём прошлом или о том, чему научилась у Гарсинии. И каждый раз, перед тем, как уйти, прикладывала руку к твёрдой поверхности кокона и посылала внутрь чистую магию и эмоции собственной тоски.

– Возвращайся, – говорила с мольбой. – Ты нам нужен.

Конечно, ответа не было, но я всё равно ждала. Каждую ночь, укладываясь спать на узкой кровати, закрывала глаза и молила богиню Герду и Великие Стихии помочь Хельму. И каждый раз надеялась, что следующим утром он к нам вернётся.

Да, я действительно очень его ждала... каждый день, каждую минуту. И продолжала верить, что когда-нибудь этот день наступит.

Я плохо помнил, что происходило со мной после того, как ведьмы начали ритуал. Но момент, когда Гарсиния вонзила кинжал в моё сердце, отпечатался в памяти, будто его там выжгли.

Дальше всё смешалось, реальность пропала, сменившись чредой странных видений. Я то бесконечно падал на дно тёмной бездны, то возносился к небесам, то болтался в огромном океане, то лежал на раскалённой земле. А потом оказался в мрачном месте, где царили туманы, и там задержался дольше всего. Голода не было, жажды тоже. Я вроде как оставался жив, но обычные потребности почему-то отключились. А ещё со мной рядом всё время находилась молчаливая тень большого существа с крыльями и хвостом. Она таскалась за мной, словно привязанная, но не вызывала ни страха, ни даже опасения.

Иногда получалось уснуть, но вместо снов возникали очень реальные видения, в которых я был всего лишь наблюдателем. Я видел, как Лина выходит за меня замуж и объявляет, что у нас скоро родится ребёнок, но не испытал при этом даже удивления. С недоумением смотрел, как воины из делегации Айвирии набрасываются на меня и убивают. Потом с равнодушием взирал на то, как мой друг Чет активно утешает в постели мою жену Аделину, а после становится регентом.

Ничего из этого меня не трогало совершенно. И даже картинки первых стычек армий Вергонии и Айвирии на границе я разглядывал, словно что-то неважное. Но однажды увидел бледную Эниремию, качающую на руках свою дочь. Она ничего не говорила, просто смотрела перед собой заплаканными глазами, и это видение отозвалось во мне горечью и сожалением. Я даже попытался подойти к ней, обнять, но не смог сдвинуться с места.

А потом, словно наяву, увидел себя же, только лежащим на кровати без сознания. Эбелин сидела рядом, перебирала пальцами мои волосы и тихо что-то говорила. Мне стало настолько интересно, что я даже смог приблизиться и услышал её голос. Она звала меня, просила вернуться. Умоляла бороться и всё-таки отыскать путь обратно. А когда она взяла мою безвольную ладонь и прижала к своей щеке, мокрой от слёз, у меня будто включились потерянные эмоции.

Я в один момент осознал, что не имею права прохлаждаться здесь, когда моя страна трещит по швам, враги празднуют победу, а две самые важные для меня женщины льют слёзы. А значит, нужно сделать всё, чтобы найти путь обратно.

И я на самом деле начал искать. Бродил по туманному нигде, старался придумать, как из него выбраться, надеялся спросить хоть у кого-нибудь, но так и не встретил там ни одной сущности. А однажды сообразил, что привязанная ко мне тень – живая, что именно она может подсказать. Но тень на вопросы отвечать не желала, так и бродила за мной, как неприкаянная, будто я был для неё единственным ориентиром в этом странном месте.

По всему получалось, что моя душа сейчас существует отдельно от тела, и, чтобы вернуться, мне следовало их соединить. Я много раз пробовал пробиться к нему, шёл за зов Эбелин, представлял, как лечу через лес к домику старой ведьмы, но чем ближе оказывался, тем сильнее меня отталкивало обратно.

И тогда я начал вспоминать, кто в реальном мире может мне помочь. Конечно, сразу решил обратиться к Гарсинии, но, как ни старался увидеть её во сне, так ничего и не получилось. Попробовал пробиться в сон Холта и безумно обрадовался, осознав, что он меня слышит. Правда, все мои попытки поговорить с ним забирали просто уйму сил, а сказать удавалось не больше нескольких слов, которых катастрофически не хватало. После таких сеансов я долго лежал на земле среди тумана, не в состоянии подняться, а чёрная тень пристраивалась рядом и будто старалась поделиться со мной энергией.

Туманный мир давил. Чем дольше я в нём находился, тем больше ощущал слабость. А однажды, взглянув на свою руку, с ужасом осознал, что она стала полупрозрачной. Тень тоже потеряла плотность, но всё равно оставалась со мной. Мы постепенно растворялись с ней в этом жутком тумане, но я всё равно, раз за разом, пытался достучаться до Холта, хоть и понимал, что эти попытки меня убивают.

Всё изменилось внезапно. Сначала серая мгла сменился раскалённой пустыней, над которой в небе вихрями закручивались энергии стихий. И в этой пустыне я, наконец, увидел, кем на самом деле была преследующая меня тень.

Это оказалось странное существо, похожее на гигантскую птицу, полностью покрытую зеленовато-чёрной чешуёй. У него были

кожистые крылья, мощные лапы, шипастый гребень на голове и странно симпатичная морда, чем-то напоминающая кошачью. Только в глазах стояла пустота.

Впервые поймав его взгляд, я каким-то чудом сразу понял, что оно никуда возвращаться не хочет. Мне будто открылась его душа вместе со всеми мыслями. В них он носил имя Сайо и считал себя драконом. Он должен был появиться на свет несколько тысяч лет назад, но с ним что-то случилось. Он мечтал о том, чтобы уйти за грань, где его ждало перерождение и новая жизнь, и я был для него шансом.

Мы говорили, не говоря. Просто чувствовали друг друга, понимали, видели все, даже самые потаённые мысли. Я искренне хотел помочь этому существу, но не знал, как. Убить? Но мы с ним и так тут не совсем живые. Но дракону был известен способ.

Чтобы уйти, ему требовалась часть моей души, именно она могла перенести его за грань. Взамен он оставлял мне свою сущность и считал это очень даже выгодной для меня сделкой. Но я не представлял, как можно отделить часть души. Что от меня вообще потом останется?

«Я заберу то, что тебе мешает», – услышал я в голове голос Сайо.

«И что же это?»

«Твои обиды, – сказал он. – Они тоже часть твоей энергии, твоей души. Но они отравляют её, не дают раскрыться. Без них тебе станет легче, а я смогу унести с ними за грань».

«Забирай», – я даже думать не стал.

Этого «добра» у меня было хоть отбавляй. Правда, понял я это только после предложения дракона. Ведь действительно, многие годы носил в душе обиды: на мать, которая выбрала любовника, решив оставить нас с Эниремией. На отца, который не смог смириться с этим и в итоге убил супругу. На высшую аристократию, из-за которой я долгие годы был вынужден скрывать колдовской дар, изображая простого мага. На сестру, бросившую всё ради своей безумной любви к айву. Снова на отца, который ничего не давал мне сделать для страны, а сам планомерно толкал её в бездну, а потом, когда враги вошли во дворец, не имел смелости даже принять бой... а просто покончил с собой.

Гервин тогда заявил всем, что это он убил короля Каргала, но я знал правду. И однажды спросил айвирского кронпринца, зачем он это

придумал. Гервин ответил, что пошёл на обман из жалости, чтобы король остался в памяти подданных не презренным трусом, а правителем, проигравшим противнику в честном бою.

Да, кстати, обиды на Гервина у меня не было. Мы с ним много раз поквитались друг с другом за всё, и я его в чём-то даже уважал, как и Анмара.

А вот обиду на тех, кто предал меня и провернул за моей спиной переворот, я отдавать не стал. Нет, эти люди обязаны ответить мне за всё, и прощать их я не собирался.

Дракон забирал отравленные части моей души, вытягивая их прямо из моей груди. Они собирались в его верхних лапах, клубились серой дымкой с зеленовато-гнилостными вкраплениями и вызывали у меня лишь откровенную брезгливость.

«Теперь я смогу уйти», – проговорил Сайо, прижав к себе эту грязную энергию.

Она впиталась в его чешую, просочилась внутрь, а в глазах дракона вдруг появился живой блеск.

«Я выполнил свою часть сделки. Выполняй свою», – сказал я ему.

«Закрой глаза, – ответил он и сжал когтистой лапой мою руку. – Сейчас я уйду, а ты примешь мою сущность. Запомни одно, она подчинится только сильной воле. Если сделаешь это, никто больше не рискнёт стать твоим врагом».

Я усмехнулся, но веки всё же смежил. Мир завертелся, резко потемнел и вдруг рассыпался звёздами. Сознание померкло, погружаясь во мрак, а потом я вдруг открыл глаза, и увидел над собой тёмное ночное небо и укутанные снегом ветки деревьев. Некоторое время просто лежал, глядя наверх. Только когда почувствовал холод, решил всё-таки подняться... и не смог, глупо запутавшись в конечностях, которых оказалось пять.

Я сразу понял, что стал тем самым драконом, но строго запретил себе паниковать. Не время и не место, да и, вообще, нужно решать проблему, а не пугаться её. Сразу вспомнились слова Сайо про волю, и даже дышать стало легче.

Да, его сущность сильна, но я сильнее. И теперь она тоже часть меня, а значит, должна подчиняться.

Я медленно вдохнул морозный воздух, повёл головой, разминая шею, вытянул лапы-руки в стороны и мысленно представил себя

человеком. Собой.

По телу пронеслась волна незнакомой тёплой магии. Она совсем немного покалывала, даже слегка трещала. Эта сила окатила меня, словно волна, окутав всё тело, а потом схлынула, втянувшись обратно в районе солнечного сплетения.

И я вдруг почувствовал, как голую кожу щиплет мороз, посмотрел на себя, даже пощупал плечи, руки, живот, голову... и только теперь осознал, что снова стал собой... Расхохотался, потом разбежался и упал спиной в сугроб, набрал полные пригоршни снега и растёр ими лицо.

Хорошо!

Дева Заступница, как же прекрасно чувствовать себя живым! Снова быть собой!

Правда, довольно быстро холод начал пробирать настолько, что стало очень некомфортно. Поднявшись на ноги, создал вокруг себя тёплый полог и пошёл туда, где чувствовалась жизнь и высокая концентрация ведьмовской силы, и вскоре набрёл на дом Гарсинии.

Ну, а дальше уже не особенно раздумывал, куда направиться. Ведь там была та, к кому меня тянуло, словно к тёплому родному очагу. Та, что звала... Та, к кому я так стремился вернуться.

Эбелин

Мне снилось тёплое море и длинная кромка берега. Я сидела на бело-золотистом песке и смотрела вдаль. Высоко в голубом небе кружили чайки, а ещё выше – какая-то большая птица, но разглядеть её не позволяло яркое солнце. На душе было хорошо и спокойно, а ещё так тепло и уютно, что хотелось улыбаться, не переставая.

– Он пропал! – выкрикнул кто-то в стороне. Голос показался знакомым, но я не придавала этому значения.

– Как пропал?! – выпалила Гарсиния, каким-то образом оказавшись рядом со мной на пляже.

– Кокона нет, его тоже. Следы замело. Ушёл? – спросил появившийся рядом с ведьмой Холт.

– Далеко бы не ушёл. Посмотри у Эбелин в комнате, – проговорила Гарсиния.

– Да нет там его, я бы почувствовал. Ощущаю только энергию Элин.

Сон потихоньку растаял, но окончательно просыпаться совершенно не хотелось. Мне было так уютно, и даже чужие громкие голоса почти не мешали.

– Может, за домом в сарае? – озадаченно предположила ведьма.

– Сейчас гляну, – ответил ей Холтер и, судя по хлопнувшей двери, вышел из домика.

Сознание постепенно избавлялось от оков сна, и вместе с ним проснулись мысли.

А кого ищут ведьма и Холт? Неужели Хельма? Он очнулся?!

На этой мысли я резко села... точнее, попыталась, но меня быстро поймали и уложили обратно на удобное знакомое плечо.

– Спи, ещё рано, – хрипло проговорил кто-то над ухом.

Сглотнув, я сначала притихла, пытаюсь осмыслить происходящее, а потом всё-таки осторожно подняла голову и посмотрела на того, к кому так тесно прижималась в собственной постели.

– Хельм... – прошептала, боясь поверить, что это не продолжение сна, что он, действительно, лежит рядом, так близко, и что он... жив.

– Чего? – сонно спросил мужчина, не открывая глаз.

– Как ты себя чувствуешь?

– Паршиво, – ответил он и теснее прижал меня к себе. – Хочу спать и тебя. Не могу решить, какое желание сильнее. И если не собираешься участвовать в воплощении второго, то ложись, и давай спать дальше.

Я покорно уложила голову обратно и с наслаждением потёрлась носом о его шею. Хельм пах морозным утром и огнём. А ещё на нём не было ни рубашки, ни сорочки. Более того, моя нога под одеялом явно лежала на его обнажённом бедре.

– Ты не одет? – проговорила я растерянно.

– Угу, – сказал он, продолжая пытаться спать. – Одежда... пострадала. Восстановлению не подлежит. А другой я не нашёл. Лёг так. Уж очень хотелось отключиться.

И снова затих.

Некоторое время я лежала неподвижно, слушала его дыхание, ловила сильные и чёткие удары сердца, и эти звуки казались мне прекраснейшей симфонией. Заснуть даже не пыталась, хоть за окном действительно только начал разгораться рассвет. Меня очень волновало самочувствие Хельма, и его нужно было срочно проверить.

Создав плетение диагностики, я опустила его на грудь лежащего рядом мужчины и напитама магией. Только оно не сработало, не показало ничего, и это заставило меня насторожиться и даже испугаться.

– Ну, чего ты копошишься? – недовольно пробурчал Анхельм.

– Пытаюсь проанализировать состояние твоего здоровья, но магия не работает. Плетение распадается.

– Вот и замечательно, – ответил он, растягивая бледные губы в улыбке.

Я снова приподнялась и посмотрела на Хельма. Его побелевшие волосы были немного влажными, оттого казались седыми. На впалых щеках не было и намёка на румянец, кожа казалась серой, а под глазами красовались тёмные круги.

– Тебе нужно лечение. Выглядишь очень болезненно, – проговорила я, осторожно убрав с его лба несколько прядей. Потом коснулась его всей ладонью и направила чистую силу... и её организм вергонца принял легко.

Только это возымело неожиданный эффект. Хельм вдруг перевернулся, уложил меня на подушку, а сам лёг набок и внезапно поцеловал. Он смял мои губы так страстно и требовательно, что я даже растерялась. А когда его наглый язык скользнул в мой рот, во мне проснулась паника. Я попыталась его оттолкнуть, сбросить с себя, но добилась лишь того, что поцелуй стал более мягким, ласковым, нежным... но всё равно остался требовательным.

Продолжая целовать, Анхельм отбросил одеяло, задрал на мне сорочку и устроился между моих ног. Даже через ткань нижнего белья я ощутила жар и твёрдость его плоти и снова попыталась освободиться, оттолкнуть, отползти.

– Хельм, не надо, – взмолилась, кое-как отвернув голову.

Но он меня будто не слышал. Спустился поцелуями на шею, ласкал её, вылизывал, прикусывал, перемещаясь всё ниже.

– Анхельм, пожалуйста, перестань, – просила я, вцепившись в его плечи. – Не нужно. Я не хочу.

– Хочешь, – прошептал он, стягивая с моего плеча лямку сорочки. – Я чувствую твоё желание. И твой страх. Эта смесь безумно пьянит.

Он накрыл губами мою грудь, и я ощутила волну жара, прокатившуюся по телу. Но страх стал ещё сильнее. Я попыталась подняться, сбросить его с себя и даже умудрилась отодвинуться к изголовью кровати... но Хельм поймал мои ноги, развёл их в стороны и коснулся губами живота.

Вдруг я почувствовала резкую боль и с ужасом увидела, что пальцы Анхельма покрывает мелкая тёмно-зелёная чешуя, а вместо ногтей у него острые чёрные когти.

– Хватит! – закричала я, ударив по нему чистой силой. – Ты делаешь мне больно! У тебя когти!

Моя магия не оттолкнула его, а впиталась в кожу, но крик в этот раз возымел эффект. Анхельм остановился, поднял голову и с недоумением посмотрел сначала на меня, а потом на свою руку. Стоило ему заметить глубокие царапины на моём бедре, и он тут же отстранился и выдохнул, бледнея:

– Прости, Элин...

Хельм поднял на меня полный вины взгляд, будто лишь сейчас начал осознавать, что творил. А я с ужасом замерла, увидев его глаза... с тонкими вертикальными зрачками. Радужка была такой же голубой, как раньше, но сейчас будто даже немного светилась, и, если бы Хельм не смотрел так виновато, я бы точно закричала.

Дверь неожиданно распахнулась, и в комнату влетел Холт, да так и застыл, чуть не споткнувшись. В одной его руке сиял сгусток магии, в другой он держал клинок, а в обращённых на Хельма глазах отражался целый фейерверк самых разных эмоций.

Из-за его спины вышла Гарсиния, окинула нас с Хельмом внимательным взглядом и недовольно фыркнула.

– С возвращением, внучек, – сказала она строго. – Что ты тут устроил?!

Но Анхельм уже успел оценить ситуацию, а ещё вспомнить, кто он такой, потому следующая его фраза прозвучала холодно и властно.

– Выйдите, – приказал он, переводя взгляд с друга на ведьму.

– Чтобы ты тут дальше девочку мучил?! – возмутилась Гарсиния. – Кричала она совсем не от страсти. Я её с тобой не оставлю!

Хельм медленно выдохнул, сел ровно и внимательно посмотрел на незваных гостей.

– Идите на кухню. Я поговорю с Элин и выйду к вам. Вы сейчас здесь больше мешаете, чем помогаете.

– Не тронешь её? – с нажимом спросила ведьма.

– Не трону, – уже мягче ответил Хельм.

– Ну ладно, – нехотя согласилась хозяйка дома. – Но, если что, мы за стенкой.

С этими словами она направилась к выходу, утащив за собой всё ещё растерянного Холта. Когда дверь за ними закрылась, Хельм опустил голову и обхватил её руками. Когтей на его пальцах больше не было, как и чешуи, и это немало меня успокоило. Но я всё равно жалась в угол, боясь сделать лишнее движение.

Анхельм не спешил ничего говорить, так и сидел, глядя в пол, а я просто не знала, что делать. Попытаться уйти? А вдруг снова набросится? С ним же явно что-то не так. Когти эти... глаза странные.

– Твои царапины нужно обработать, – наконец, с тяжёлым вздохом сказал он, правда, так на меня и не посмотрел. – Гарсиния поможет.

– Я сама могу, – ответила ему и только теперь перевела взгляд на собственное бедро.

Кровь сочилась из ран, пачкая ногу и простыню, но заживляющее плетение быстро стянуло края. Увы, сразу они не затянутся, да и перевязать точно лишним не будет, но хотя бы кровь остановилась.

– Прости меня, – он вцепился в свои волосы, будто был готов вырвать пару клоков. – Я... не знаю, что на меня нашло. Я вообще чувствую себя странно, будто во мне стало в сотни раз больше силы... и эмоций. И страх твой ощущаю. Он холодный и напоминает мороз. Но ты хотела меня, и это я тоже отчётливо чувствовал. Видимо, потому и сорвался. Будто все сдерживающие тросы в один момент лопнули. Когти эти вылезли.

– Не делай так больше, – попросила я, разглядывая его профиль.

Он повернулся ко мне, поймал мой взгляд и сел прямо. Его глаза всё ещё были неправильными, но в них сияла искренняя вина и

странная решимость. Хельм протянул мне раскрытую ладонь, как часто делал раньше. А я, чуть посомневавшись, всё-таки вложила в неё свою.

– Элин, – он осторожно сжал мои пальцы и, подвинувшись чуть ближе, коснулся губами моего запястья. – Я научусь контролировать когти. Мне вообще нужно понять, что со мной стало после ритуала перерождения. Пока в голове каша, и единственное, что осознаю отчётливо – я хочу тебя, и мне очень сложно сдерживать эти желания. Потому, пока мне лучше держаться от тебя подальше.

Он снова поднёс к губам мою руку и провёл языком по центру ладони... а я вздрогнула от резкой волны жара и щекотных мурашек, прокатившейся по телу.

– И проблема в том... – Хельм чуть прикусил край моей ладони и прижал её к своей щеке, – ... что мои желания взаимны. Ты хочешь меня не меньше, ты откликаешься мне, тянешься ко мне. Я чувствую твоё возбуждение. Ему мешает только страх.

Я слушала его обволакивающий голос, наблюдала, как он ласкает мою руку, и понимала, что он прав. Да, меня останавливал именно страх, но контролировать его я не могла. Никак.

– Пока не совладаю с когтями и не разберусь с тем, кем я теперь стал, постараюсь к тебе не приближаться, – сказал он, отвернувшись. – Только, пожалуйста... не бойся меня.

– Когда ты адекватен и спокоен, как сейчас, я тебя не боюсь, – ответила, сев чуть ближе. И даже его нагота меня больше не смущала. – Хельм, я безумно рада, что ты вернулся, что с тобой всё хорошо.

Он посмотрел на меня с теплом и вдруг обнял и прижал к своему боку. И я даже не подумала сопротивляться или возмущаться. Сама уложила голову на его плечо и почувствовала, что все сложности второстепенны. Главное – что мы можем вот так быть рядом, главное – что мы оба живы.

– Про «хорошо» ещё нужно выяснить, – иронично ответил он, коснувшись губами моего виска. – Но я разберусь.

Некоторое время мы просто сидели в тишине, слушали приглушённые голоса, доносящиеся с кухни, и молчали. Но в этом молчании, в тёплых объятиях Анхельма, я чувствовала, будто

возрождаюсь из пепла, оживаю, снова становлюсь собой. А от осознания того, что он рядом, теперь хотелось глупо улыбаться.

– Мне нужно идти, иначе Гарсиния с Холтом снова прибегут сюда, спасти тебя от монстра, – проговорил Хельм, но даже не попытался отстраниться. – Ты не представляешь, как я не хочу уходить от тебя. Всё во мне тянется стать к тебе ближе, остаться рядом. Только... боюсь, что в итоге снова могу тебя поранить.

– Я не хочу, чтобы ты уходил, – призналась, замороженная его поразительной откровенностью.

– Тогда просто скажи, что я смогу вернуться в твои объятия.

Я приподняла голову, а он посмотрел на меня с нежной улыбкой. Когда Хельм потянулся к моим губам, я даже не подумала отворачиваться, наоборот, сама подалась к нему... и едва не утонула в безграничной нежности.

Мы целовались неторопливо, открыто, со всей переполняющей нас искренностью. Наверное, если бы после пробуждения Хельм начал целовать меня вот так, я бы на что угодно согласилась, а страх попросту смело бы моим желанием. Но всё получилось неправильно. А может, всё дело в том, что сейчас мы оба знали, что у этого нашего поцелуя не будет продолжения?

– Я научусь контролировать когти, обещаю тебе, – прошептал Анхельм, обняв моё лицо ладонями. – И с твоим страхом справлюсь. Всё у нас будет замечательно.

С этими словами он поднялся на ноги, накинул на себя лежащее на полу одеяло и вышел за дверь.

Глава 23. Дракон, прощание и клятва

Когда через полчаса я пришла на кухню, одетый и причёсанный Хельм сидел за столом и активно поглощал кашу с мясом. Гарсиния наблюдала за ним с интересом и лёгким восторгом во взгляде, а Холт, наоборот, смотрел на друга настороженно. И, что странно, все молчали.

Я налила себе чай и опустилась на лавку напротив Анхельма. Он бросил на меня быстрый взгляд и вернулся к еде. Только когда его большая тарелка опустела, король Вергонии сам убрал со стола грязную посуду и вернулся на своё место.

– Итак, – проговорил он, сложив пальцы в замок, – ситуация даже хуже, чем паршивая. Но решаемая. Вопрос лишь в том, с какого конца стоит начать её решать.

– С ведьм, – бросила Гарсиния. – Сейчас они – главная сила вергонской армии. Далеко не все сёстры одобряют эту войну, но верховная на стороне молодой королевы Аделины, а против неё никто идти не хочет.

Хельм задумчиво стукнул пальцами по столу.

– Для начала нужно остановить боевые действия, – сказал он. – Хотя бы на несколько дней. Айвы уже перешли границу?

– Нет. Последний бой, о котором я слышал, произошёл в Тривальской провинции. Раньше она была нашей территорией, но после войны, насколько ты помнишь...

– Помню, – остановил его Хельм. – В каком городе бои?

– Верес, – ответил Холтер.

– Он принадлежит Даворскому герцогству, – кивнул Анхельм. – Это владения отца Кэтрин, супруги ГERVина. Не сомневаюсь, что Гер снова сам командует армией.

– Так и есть. Его солдаты удерживают город, но наши каждый день продвигаются всё дальше, захватывая деревню за деревней. Всё же там живут в большинстве своём вергонцы, и они только рады приходу нашей армии. Хотя и не все.

– Кто командует нашими войсками? Точно не сама Лина и не Четтер, – проговорил король деловым тоном.

– Лорд Фелистер Камп назначен главнокомандующим. А отрядами в Тривальской провинции руководит Виктор Гарида.

Хельм задумчиво почесал покрытый светлой щетиной подбородок и снова посмотрел на Холта.

– Как он принял мою кончину? Как вообще её допустил?! Он же капитан моей личной гвардии! – в его голосе звучала плохо скрытая злость.

– Его не было во дворце. В тот день ты... то есть тот, кто тебя изображал, отправил его с поручением в Дортен.

– То есть, он будет на нашей стороне? – спросил Хельм и устало потёр лоб. – Демоновы предатели! Я уже не знаю, кому можно верить, а кому нет. Каждый вызывает сомнения. Нужны сведения, и ещё лучше – личный разговор. Тогда я смогу понять.

– Ну вот, ты уже сам ответил на свой вопрос, – развела руками стоящая у печи ведьма. – Придётся говорить с каждым, в ком ты сомневаешься. Но это тоже не первостепенная задача.

– Ты права. Сначала остановим войну, потом – всё остальное. Но возвращаться с того света я буду красиво.

– Так, и с чего ты начнёшь? – спросил Холт.

– С самого главного.

Оказалось, что когти – это не единственные изменения, случившиеся с Анхельмом после ритуала перерождения. На самом деле, он теперь мог полностью менять облик, становясь странным крылатым животным, покрытым чешуёй. Этот монстр имел зеленовато-чёрный окрас, обладал острым хвостом с шипами на конце и, судя по крыльям, мог летать.

После завтрака Холт покинул домик ведьмы. Хельм дал ему задание узнать всё о текущем положении дел в стране, о местах боёв, о том, что происходит во дворце, собрать верных людей. Да, Анхельм хотел начать действовать как можно скорее, но понимал, что без достоверной и актуальной информации хорошего плана не составить. Потому и был вынужден ждать сведений.

Проводив друга, Хельм отправился на улицу, а мы с Гарсинией, не сговариваясь, прилипли к окну. Но когда Анхельм вдруг начал раздеваться, вешая вещи на перила крыльца, я растерялась.

– Что он делает? Зачем? – вырвалось у меня.

– Видимо, при смене облика одежда мешает. Глянь.

Да я и так не отводила взгляда от Хельма. С жадностью смотрела, как он снимает с себя рубашку, брюки, любовалась его хоть и похудевшим, но всё равно очень красивым телом. Меня даже его голый зад не заставил отвести взгляда. Или, возможно, я просто окончательно приняла этого мужчину?

Оборот прошёл быстро. Тело Анхельма вдруг окутало плотной зеленоватой дымкой, а спустя несколько секунд на его месте оказался чешуйчатый ящер с кожистыми крыльями, размером с крупную лошадь. И, вроде, я должна была испугаться, ведь никогда раньше не видела подобных существ, но у меня этот зверь вызвал только умиление. Не пугали ни острые зубы, ни когти, ни шипы на его теле, я просто любовалась грацией и мощностью удивительного животного и в душе гордилась Хельмом.

Сначала он просто ходил туда-сюда, стараясь освоить новое тело. Казалось, ему мешал хвост, но вскоре наш король умудрился справиться и с этой конечностью. Когда он расправил крылья и попытался ими махать, я даже рассмеялась. Всё же представления о полётах у Анхельма были крайне неправильными.

– Иди к нему, – проговорила Гарсиния. – Не справится же сам. А о помощи не попросит. Гордый.

– С радостью, – ответила я и помчалась одеваться.

Когда я вышла на улицу, хмурый зверь сидел на снегу и смотрел в сторону леса. Над ним кружил чёрный ворон, в котором я с удивлением узнала Храна, а ведь он не появлялся здесь с того дня, как мы провели ритуал. Гарсиния полагала, что ворон не пережил случившегося с хозяином. Но, к счастью, она ошиблась.

Хран явно пытался показать Хельму, что нужно делать. Птица приземлилась перед зверем, сделала несколько шагов и начала махать крыльями. Монстр повторил, но, в отличие от ворона, взлететь так и не смог.

– Давай вместе, – предложила я, остановившись в паре метров от существа, в которое превратился Анхельм. – Я покажу, а ты

повторишь.

Он смотрел на меня с сомнением, которое на звериной морде выглядело устрашающе. Но в голубых глазах с вертикальными зрачками не было агрессии, даже наоборот, там отражался интерес... и явно не к полётам.

Я призвала крылья, расправила их и жестом показала Хельму сделать то же самое. Он повторил, и мы оба застыли.

— Теперь ты должен оттолкнуться от земли и несколько раз взмахнуть крыльями. Но эти взмахи должны быть большими, широкими. Ты словно загребаешь крыльями воздух, отталкиваешься от него. Это как с плаванием.

Зверь кивнул, сосредоточился и... в два взмаха оказался над деревьями. Я испугалась, что сейчас он растеряется и упадёт, но Хельм смог сообразить, что именно требуется делать дальше, и почти мягко опустился на землю. Я помчалась следом, приземлилась рядом и, лишь убедившись, что с ним всё хорошо, смогла вздохнуть спокойнее.

— Молодец. Это ты понял. Теперь давай расскажу про сам полёт, потоки воздуха и развороты.

Зверь кивнул, ворон сел на ближайшую ветку, и оба устали на меня с искренним вниманием. Я же перевела взгляд с одного на другого, снова посмотрела в глаза Хельму и улыбнулась. Не знаю, почему, но я сразу приняла его вторую ипостась, хотя раньше даже не слышала, чтобы подобные превращения были возможны. Но Анхельм Вергонский не раз доказывал, что способен менять не только обстоятельства, но и сам мир. Он будто бы вообще ничего не боялся, всегда шёл только вперёд, даже не думая оглядываться. Он был настоящим королём, готовым ради своей любимой страны на что угодно, даже пойти на сомнительный ритуал, который его фактически убил.

Но всё же... Хельм справился и с этим. Получил вторую ипостась в виде неизвестного животного, которое Гарсиния назвала драконом, и точно не собирался отступать.

Полёты он освоил за несколько часов. Мы с ним немного полетали над лесом, рассекая густой снегопад. Правда, я быстро замёрзла, зато дракону явно было тепло.

Когда я вернулась в дом, к нему вышла ведьма. Теперь они вместе проверяли, есть ли у этого существа доступ к магии Хельма.

Выяснилось, что зверь обладает и собственной магической силой, преимущественно, огненной. Он мог вспыхивать, как факел, и, пока тренировался, умудрился растопить вокруг себя весь снег. Потом он попробовал сосредотачивать пламя в передних лапах, и у него получились огненные шары, одним из которых он едва не поджёг сарай.

Ещё Гарсиния попробовала пробить чешую зверя кинжалом, но у неё не получилось. Даже маленькой чешуйки оторвать не удалось. Ведьма всё равно истыкала остриём всего дракона, выискивая слабое место, и такие обнаружались на животе, в паху, под мышками и на шее, там чешуйки оказались намного мягче и, при добавлении в удар магической силы, всё-таки получали повреждения.

А вот обычные магические атаки дракон просто поглощал, как губка воду. И, что самое удивительное, почувствовать его с помощью магии тоже не получалось. Он даже выстроенную Гарсинией защитную стену прошёл, будто не заметив. Отсюда следовал удивительный вывод, что магия на него не действует.

К вечеру мы втроём устали так, что даже на разговоры сил не осталось. Поужинали на закате и почти сразу отправились спать.

Я думала, Хельм придёт ко мне – хоть кровать и была узкой, но всё же раньше мы умудрялись спать на ней комфортно и с удовольствием. Но он остался ночевать на том тюфяке, где раньше спал Холтер. И, видя, как Анхельм устраивается там ко сну, я испытала настоящую досаду. А ещё вдруг стало грустно, что он предпочёл лечь спать один, но говорить, конечно, я ничего не стала. Пожелала ему и Гарсинии доброй ночи и ушла к себе.

Спала плохо. Несмотря на усталость, сон не шёл, а душу терзали самые разные мысли. Но больше всего я думала о том, что же будет со мной дальше, и что мне вообще теперь делать. Хельм ведь хотел жениться на мне только для того, чтобы выполнить условия мирного договора с Айвирией, и при этом не разругаться с ведьмами. Но теперь выходило, что началась новая война, и тот договор потерял

актуальность. А ведьмы и вовсе сейчас могут выступить против законного короля и поддержать ту гадину, что обманом стала королевой.

По всему получалось, что Хельму теперь нет надобности жениться, и я ему больше не нужна. Вот только как быть с клятвой, которую я ему дала? Ведь я подтвердила её магией, которая теперь будет требовать исполнения.

Иногда я всё-таки проваливалась в сон, но спала тревожно, просыпалась от каждого шороха и снова ворочалась, одолеваемая мыслями. По-хорошему, следовало спросить Анхельма о моей дальнейшей судьбе, но сейчас он спал, его организму требовался отдых, и ему точно было не до душевных терзаний бывшей рабыни.

А я думала, думала и никак не могла отделаться от назойливых мыслей. Рациональная часть меня уже решила, что лучше будет вернуться в Айвирию, тем более, там с меня сняты все обвинения. Возможно, получилось бы снова восстановиться в академии, повидать папу, постараться построить свою жизнь. Да, это был бы со всех сторон верный ход. И имел он, по крайней мере, один огромный минус: я не хотела расставаться с Хельмом.

Увы, моя глупая израненная душа каким-то непонятным образом приняла этого мужчину. Сейчас он казался мне самым родным, самым лучшим и со всех сторон моим. Мне было всё равно, какой он носит титул, сколько у него врагов и заоблачных амбиций. Меня даже наличие у него второй, драконьей, ипостаси не волновало. Я просто хотела быть с ним... но понимала, насколько это желание несбыточно.

Скоро он вернёт себе свою корону, накажет всех, кто был причастен к заговору, вычистит от предателей верхушку власти Вергонии, заставит свою драгоценную страну процветать. И тогда, возможно, задумается о том, что ему всё-таки нужно жениться, но жену он тоже будет выбирать исключительно из интересов королевства. А бывшая рабыня не принесёт ему ничего, кроме проблем, это было ясно, как погожий день.

Да, он испытывает ко мне симпатию, хочет меня, но это ведь мелочи, которые он точно не станет учитывать при выборе супруги. И, как бы мне ни хотелось остаться с ним, нужно просто принять тот факт, что этого никогда не случится.

До слуха донёлся едва различимый скрип входной двери, звук шагов, а потом всё стихло. Это не могли быть злоумышленники, никто из них просто не сумел бы подойти к домику. Значит, вернулся Холтер. Ну, а тихо стало по той причине, что он накрыл их с Хельмом заклинанием звукового полога. Видимо, обсуждают что-то важное. Да и не удивительно, ведь Холт уходил именно за информацией.

Что ж, скоро всё решится. Так или иначе. А мне стоит утром прямо спросить Анхельма о моём будущем. Понимаю, сейчас его куда больше интересует совсем другое, не мои вопросы, но... я должна их задать.

Решив дожидаться, когда уберут звуковой полог, и выйти на кухню, я зажгла свечу и снова улеглась на подушку. Сначала просто лежала, прислушиваясь, но потом устало прикрыла веки.

Кажется, всё-таки задремала, и в этот раз мне снился очень приятный сон. Словно наяву, я чувствовала, что рядом ложится Хельм, обнимает меня, целует... сначала в плечо, потом в шею. Эти поцелуи были такими приятными, такими нежными, что я не сдержалась, повернулась ему, обняла и сама потянулась к его губам.

Мы целовались медленно, чувственно, оба будто смаковали этот момент открытого наслаждения. Но Анхельм даже не думал распускать руки, переходить грань дозволенного, хотя я чувствовала, как нарастает его страсть. А мне так хотелось большего, иного, совсем других прикосновений, ласк. Сейчас, во сне, я, в самом деле, очень хотела этого мужчину, а для страха в моих грёзах просто не осталось места.

– Элин, ты пляшешь на моей сдержанности, – прошептал Хельм, лаская губами мочку моего уха. – А я ещё не совладал с когтями. Могу поранить.

– Всё равно, – ответила я, расстёгивая пуговицы на его рубашке, и сама его поцеловала.

Больше он ничего говорить не стал, зато его ласки буквально сводили с меня ума. Поцелуи становились всё жарче и спускались всё ниже. Он целовал мою грудь, вылизывал, посасывал, а я просто наслаждалась всем этим. Сама тоже гладила его сильные обнажённые плечи, зарывалась пальцами в волосы и млела от того, что мы соприкасались кожа к коже.

Момент, когда я поняла, что всё происходящее совсем не сон, оказался по-настоящему обжигающим. Хельм спустился ещё ниже, покрыл поцелуями мой живот и вдруг провёл языком прямо между моих разведённых ног. Меня же прошибло такой волной наслаждения, что я задрожала. Дыхание стало частым, сбивчивым, остатки сонливости испарились, и стало ясно, что всё это не грёза, а самая настоящая реальность.

– Хельм... – выдохнула я, замерев.

Он усмехнулся, погладил мои бёдра и снова лизнул... там. Я вздрогнула, но совсем не от страха, а от прострелившего всё тело острого, как бритва, наслаждения. Но ноги всё равно попыталась свести, правда, сделать это мне не позволили.

– Хельм, не надо... – шептала я, снова ощутив его горячий язык на своём лоне. – Это... Нельзя так.

– Мне можно, – ответил он, на мгновение прервав свои странные невероятные ласки. – Тем более, что тебе это нравится.

Он целовал меня там... ласкал языком, а я всё больше дрожала от наслаждения и нарастающего сладкого напряжения. Оно усиливалось с каждым новым прикосновением, напирало на меня, давило, но пока оставалось чем-то недостижимым. Запретным. Закрытым. Будто его что-то сдерживало, не позволяя обрушиться в полную силу.

И вдруг Хельм прекратил эту сладкую пытку, только меня это ни капли не обрадовало. Я хотела ещё, была готова молить его продолжить. Но он переместился выше и поцеловал меня в губы – так сладко, так горячо, так страстно. А в разгорячённое лоно упёрлась его твёрдая тёплая плоть.

Он входил в меня медленно, осторожно. Растягивал, наполнял собой, и от ощущения полного единения с ним я восторженно застонала. Это было так правильно, так волшебно, что из головы мигом пропали все мысли, а остатки страхов смело лавиной безумно приятных ощущений. И я сама подалась ему навстречу. Вцепилась в плечи, попыталась притянуть к себе сильнее и ощутила первый, такой необходимый мне толчок вперёд.

– Элин, – прошептал он, оторвавшись от моих губ. – Смотри на меня. Не отводи взгляда.

И я подчинилась. Смотрела в его глаза, пересечённые вертикальным зрачком, двигалась вместе с ним и наслаждалась

каждым моментом, каждым его движением.

Чувство сладкого напряжения всё нарастало. Оно давило на невидимый сдерживающий барьер, который едва держался. А я смотрела на Хельма, тонула в его затуманенном взгляде и... больше не боялась. Совсем.

Он снова склонился к моему лицу, жарко поцеловал в губы, задвигался быстрее, резче... и барьеры, сдерживающие моё удовольствие, рухнули. Оно прокатилось по телу обжигающей волной, за ней пришла вторая, третья... Кажется, я кричала... или мне просто показалось. Звуки пропали, тело стало лёгким-лёгким, как пёрышко, а волны всё продолжали накатывать, хоть и становились всё слабее.

Хельм продолжал двигаться во мне, но ему до пика оказалось достаточно всего нескольких толчков. И видеть удовольствие на его лице, понимать, что мы достигли его вместе, оказалось очень приятно.

Никогда раньше мне не приходилось испытывать ничего подобного, я была уверена, что не способна получать удовольствие от близости с мужчиной, но то, что произошло между нами, перекраивало все мои убеждения. И я могла с полной уверенностью сказать, что так хорошо, как сейчас, мне не было никогда в жизни.

Анхельм перевернулся на спину, утянув меня за собой и уложив сверху. Он всё ещё был во мне, и это не смущало, а, наоборот, продлевало наше с ним общее удовольствие. Я уткнулась в его шею, прикрыла глаза и почувствовала, что улыбаюсь.

— А я ведь зашёл попрощаться, — прошептал Хельм, глядя меня по спине и ягодицам. — Надеялся максимум получить поцелуй на удачу. А получил несравнимо больше. Элин...

Я нехотя приподнялась на руках и поймала его взгляд.

— Ты не представляешь, как мне с тобой хорошо, — признался он, глядя мне в глаза. — И так не хочется уходить.

— Куда ты собрался? Тем более, ночью? — спросила я.

Да, я лежала на нём, мы были совершенно обнажены, ещё несколько минут назад оба сгорали от страсти, но, как ни странно, я не испытывала ни смущения, ни скованности. Наоборот, мне было очень тепло и уютно. А ещё почему-то привычно, будто это далеко не первая наша близость.

— Холт пришёл с новостями. Медлить нельзя. Наша армия взяла Верес и движется к Тривалу. Айвирцы отступают. Им нечего

противопоставить силе отряда ведьм. Но после боя и сильного колдовства магическое поле над городом стало иным, и это очень плохой знак. Войну нужно остановить как можно скорее.

– Я хочу помочь. Пойду с тобой, – сказала я уверенно, но он лишь отрицательно качнул головой и быстро поцеловал меня в губы.

– Мне Лина ничего сделать не сможет. Моя кровь, которую она украла, больше не будет действовать. Я теперь перерождённый, да и не совсем человек. А вот твою кровь она может использовать, наслать на тебя проклятие или попробовать подчинить. Поэтому, Элин, ты пока останешься здесь, под защитой Гарсинии.

– А потом? – я не могла не спросить. Да, на кону стояло благополучие мира и будущее двух стран, но и оставаться в неведении не хотелось.

– Будет видно, – он снова меня поцеловал и осторожно уложил рядом с собой. – Но я думаю, что для тебя безопаснее всего вернуться в Айвирию. И ещё...

Он вдруг сел, коснулся рукой моей груди в области сердца и сказал:

– Ты поклялась, что выйдешь за меня замуж. Я освобождаю тебя от этой клятвы. Ты больше ничего мне не должна.

Моя магия откликнулась на его слова, клятва потеряла силу, но... вместо радости я ощутила странную пустоту. Ведь сейчас Хельм фактически отказался от меня, от нашего возможного союза, от свадьбы. Да, когда-то я дала ему клятву, почти не имея иного выхода. Тогда он был для меня чужим человеком, хоть и спасавшим не раз. И в тот момент я даже представить не могла, что однажды этот мужчина станет мне так бесконечно дорог.

Анхельм потянул меня за руку, помогая сесть, и вдруг крепко прижал к своей груди.

– Не грусти, Элин. Я чувствую твою боль и обиду. Поверь, меньше всего мне хочется тебя обижать. Эта клятва связывает тебе руки. Через несколько часов я вступлю в игру, которая может закончиться чем угодно, вплоть до моего полного провала. А ты подтверждала клятву магией, и будешь мучиться, если её не исполнишь.

Он нежно погладил меня по волосам, и мне не удалось сдержаться и не всхлипнуть.

– Я не могу сейчас ничего тебе обещать. Меня ждут сложные дни, полные опасностей и постоянного напряжения. Но клянусь, что сделаю всё, чтобы ты смогла жить хорошо. Прошу лишь об одном: не отказывайся от моей помощи.

Сначала хотелось гордо заявить, что мне ничего от него не надо, кроме него самого, но я заставила себя притушить эмоции, включить голову и всё-таки смирить гордость.

– Скажи... мы когда-нибудь встретимся снова? Или мне лучше сразу постараться выбросить тебя из сердца? – я подняла голову и поймала его грустный взгляд.

В голубых глазах с вертикальными зрачками отражалась горечь и искреннее сожаление. Он ничего не говорил, но смотрел так искренне, что я опять всхлипнула. Хельм легко поцеловал меня в губы, снова крепко прижал к себе и поднялся с кровати.

Одевался он молча. В свете почти догоревшей свечи его волосы отливали золотом, а кожа казалась бронзовой. Но, когда он застёгивал рубашку, на пальцах вылезли когти. Он медленно вздохнул, явно попытался с ними сладить, но пропадать они никак не желали. Видя это, я подошла к Хельму и принялась вдевать пуговички в петли.

Он молчал. Его взгляд блуждал по моему лицу, спускался к обнажённым плечам, груди, а дыхание становилось всё более напряжённым.

– Я не принадлежу себе, Элин, – проговорил он, отвернувшись в сторону. – Главное – благополучие и процветание Вергонии.

– Знаю, ты говорил, – в моём голосе звучала обречённость.

– Я бы очень хотел остаться с тобой. Был бы я обычным человеком, поверь, приложил бы все силы, чтобы ты стала моей законной женой. Но я король. На моих плечах ответственность за народ и королевство. И в первую очередь я должен думать о них.

Я приложила палец к его губам, он замолчал и посмотрел мне в глаза.

Мы больше не говорили. Просто смотрели друг на друга, впитывали эти последние мгновения, когда можем быть вместе, и оба понимали, что больше этого не повторится. Моё сердце рыдало, душа стонала, а сознание отчаянно придумывало варианты того, как остаться с Хельмом. Увы... он сделал свой выбор, точнее, этот выбор

сделали за него давно, ещё при рождении. Он правитель Вергонии, это у него в крови. А я? А мне придётся снова учиться жить. Без него.

Когда он ушёл, когда за ними с Холтом закрылась входная дверь домика ведьмы, я упала лицом в подушку и разрыдалась по-настоящему. Плакала, выла, била кулаками по матрасу, а потом притянула колени к груди, сжалась и закрыла глаза.

Той ночью я так и не уснула. Лежала, думала, вспоминала, прокручивала в памяти все моменты моей жизни, в которых присутствовал Хельм. Нашу первую встречу в замке Айнс, столкновение в академии, его признание в том, что он колдун, наши встречи на обрыве. Как ни странно, но сейчас даже тот момент, когда он спас меня от Ринора и его дружков, казался мне ценным воспоминанием. И разговор в кабинете ГERVина, и суд больше не виделись мне жуткими событиями... ведь в них рядом со мной был Хельм. Словно огромное тёплое солнце, он освещал собой все эти воспоминания, согревая мою душу.

С первыми лучами рассвета нового дня я почти успокоилась. Буря в сознании улеглась, наступило странное просветление. Да, Анхельм ушёл, и, скорее всего, наши с ним пути больше никогда не пересекутся, и всё же... я рада, что он был в моей жизни. Да, сначала сам её сломал, потом попытался это исправить. Вынудил меня согласиться стать его женой, но при этом избавил от обвинений и рабского ошейника. Из-за него я едва не погибла от рук похитителей, но именно он вернул свет в мою жизнь, погрязшую во мраке.

Теперь наши с ним дороги разошлись и, возможно, больше никогда не пересекутся. Ему предстоит снова совершить нечто невероятное: вернуть корону, отыскать предателей, заговорщиков, остановить войну. Мне же нужно всего лишь попробовать наладить свою жизнь. И я должна справиться. Если не ради себя, то хотя бы ради того, чтобы доказать Хельму, что тоже способна на многое.

Глава 24. Дворец, бывший друг и колдовская любовь

Анхельм

Вернуть власть оказалось делом плёвым. Я знал свой дворец, как никто другой, более того, это древнее сооружение, пропитанное магией моих предков, подчинялось мне беспрекословно. Пройдя тайными ходами прямо в королевские покои с небольшим отрядом верных мне людей, собранных Холтом, я отдал приказ захватить Четтера и охрану, ну, а Лину решил поймать сам.

Королева и регент сидели за столом в гостиной, ждали, пока им подадут завтрак, а получили встречу со мной. Увидев, как при моём появлении вытянулись их лица, я даже улыбнулся. Но потом бывший друг бросился вперёд с боевым плетением, а Лина начала шептать слова активации проклятия.

Ну да, приди я сюда вот так сразу после их нападения, это стало бы полным провалом. Но сейчас мне были не страшны любые проклятия, пусть даже на моей крови. И Аделина об этом не знала.

Её я обездвигил лично. Руки чесались сразу свернуть ей шею, но меня останавливали две вещи: желание допросить эту тварь и... её беременность. Увы, это всё осложняло, но я не сомневался, что найду способ развязать язык бывшей подруге.

Едва я пересёк порог королевских покоев, как доверенные люди тут же пустили по городу слух, что король Анхельм жив, вернулся, а королева-ведьма, которая пыталась сжить его со свету, скоро за всё заплатит. Это тоже являлось частью моего плана, ведь ни одна новость не распространяется так быстро, как свежая сплетня.

Охрана королевы не сопротивлялась нашему захвату – глупостью со стороны Лины было оставлять при себе тех, кто служил в моей личной гвардии. Хотя, она ведь была уверена, что избавилась от меня. Ну, вот теперь и расплачивается за свои ошибки.

– Не могу поверить, что ты вернулся! – изобразив радость, воскликнула Аделина. – Я так рада, что ты жив!

Врала. Я чувствовал её злость, досаду, раздражение. После перерождения я вообще хорошо стал различать чужие эмоции. Видимо, это тоже было частью способностей, полученных от Сайо.

Поставленный на колени Чет благоразумно молчал. Он знал мой характер лучше, чем его сообщница. Если бы он сейчас хоть что-то сказал, то стал бы тем, на кого выплеснется мой гнев.

– Жив, – вздохнул я, садясь в кресло. – Но не твоими молитвами, Лина. И давайте не будем ходить кругами. Предлагаю сделку, – я повернулся к Чету: – Рассказываешь всё, сдаёшь всех, и я казню тебя лично, но оставлю в живых твоего ребёнка. После его рождения Лину казнят, а ваша дочь останется с ведьмами.

– Мы ни в чём не виноваты! – выкрикнула Аделина, которая ещё надеялась как-то выйти из этой ситуации. Только выхода я ей не оставил. – Мои сёстры не простят тебе моего убийства.

– А я не стану тебя убивать. Они сами это сделают. Потому что покой в стране им дороже жизни одной смутьянки. Кстати, это слова верховной, и она очень ждёт встречи с тобой.

Я повернулся к бывшему другу:

– Твой ответ, Чет, – сказал холодно. – Предлагаю тебе это только потому, что ты много раз меня выручал. Жаль, что в итоге всё равно предал.

– Он ничего тебе не скажет! – прошипела стоявшая на коленях ведьма.

Она выглядела стройной, хотя округлившийся живот уже немного выделялся. Это пока останавливало меня от серьёзных шагов, но надолго не удержит.

– Четтер не виноват. Ты ошибаешься. Он очень за тебя переживал. Это всё сделала я! Сама!

– А меня, конечно, тоже ты сама изображала, – проговорил я с холодной усмешкой. – Лина, я выясню правду. Поверь, мне известно много способов развязывать языки, и Чет об этом знает. Пока я даю ему возможность сознаться. Но скоро передумаю.

– Я согласен, – проговорил предатель, подняв на меня полный сожаления взгляд. – Скажу всё. Отвечу на все твои вопросы. Клянусь. Только... позаботься о моей дочери.

– Это будет зависеть от того, что именно ты расскажешь, – ответил я, замораживая в себе все эмоции. Сейчас они только мешали,

да и не место им во время допроса.

На Чета надели сковывающий магию ошейник, связали руки и увели из покоев. А вот Лина так и продолжала стоять на коленях на полу, обездвиженная моим заклинанием. Связывать её я не хотел, ошейник-блокиратор мог навредить ребёнку. Но эту предательницу следовало изолировать, хотя бы до суда. Потом я передам её ведьмам, и пусть сами с ней разбираются.

– Как ты выжил? Почему на тебя не действуют мои заклинания? – пыталась задавать вопросы бывшая королева. – Это же невозможно.

Я наклонился ближе, коснулся вытянувшимся когтем её подбородка и посмотрел изменившимся глазами. Теперь я научился менять зрачки по своему желанию, а сейчас был настолько собран, что даже когти смог контролировать. И ужас в глазах Аделины стал для моей души настоящим бальзамом.

– Ты... монстр! – выкрикнула она.

– Почти, – кивнул я и приказал парням из моего отряда: – Отведите эту особу в северную башню, в самую нижнюю комнату. И всё-таки наденьте блокиратор на шею. Иначе нельзя.

– Нет! Хельм! – вот теперь ей стало страшно. – Это навредит девочке! Ты не можешь!

– Почему же не могу? Могу. Но могу и отказаться от этого решения, если принесёшь клятву не использовать свой дар во вред никогда и никому. И поклянёшься, что примешь своё наказание и не попытаешься сбежать.

– Клянусь! – воскликнула она и вскинула голову.

Глупая, жизнь научила меня, что верить словам нельзя.

– Нет, подтверждай клятву кровью и заклинанием, – проговорил я спокойно.

Вот теперь она не спешила соглашаться, а я усмехнулся. Что и требовалось доказать.

– Надевайте ошейник, – сказал парням. И снова обратился к Лине: – Если передумаешь, дай знать. Сейчас здоровье твоей дочери в твоих руках. Выбирай, что важнее.

...Когда её уводили, я ничего не почувствовал: ни злорадства, ни жалости, ни триумфа. Будто всё происходящее было самым обычным событием, простым и рутинным. Ну, предали друг и близкая подруга, с

кем не бывает? Вот только где-то глубоко в душе я всё ещё не мог это принять и даже надеялся, что Чету найдутся оправдания.

Мне очень хотелось в это верить.

В тронном зале стоял гул. Людей набилось столько, что казалось, будто это огромное помещение начинает растягиваться. Но собравшиеся даже не думали расходиться, наоборот, с каждой минутой их становилось всё больше.

Подхалимы. Подлизы. Приспособленцы.

Едва почуяв, что власть снова меняется, они тут же перемахнули под мою руку, хотя ещё вчера в рот заглядывали своим так называемой королеве и регенту. По сути, им всем плевать, кто носит корону и отдаёт распоряжения, каждого волнует только собственная шкура и свой кошелёк. Остальное для них второстепенно.

Я сидел на троне и с равнодушным видом наблюдал, как гвардейцы заводят в зал бледного Четтера и заставляют его опуститься на колени в нескольких метрах от меня. От такого зрелища даже толпа притихла, но до слуха то и дело доносились чьи-то перешёптывания. Зато атмосфера вокруг заметно изменилась, и теперь вместо алчности и воодушевления окружающих я ощущал их беспокойство. Что не удивительно, ведь на месте поверженного Чета мог оказаться любой из них.

Холт стоял за моим плечом, и сейчас он был единственным, кому я вообще мог верить. Единственным... кроме Элин. Но она далеко, в безопасности, и ей точно не место среди всей окружающей меня грязи. Она и так успела хлебнуть от судьбы немало плохого, и, как никто, заслуживает нормальной, спокойной и счастливой жизни.

— Четтер Гайсли, — проговорил я, не вставая с трона. — Признаёшь ли твою вину?

— Признаю, — проямлил он, глядя в пол.

— Что ж, в таком случае, расскажи-ка собравшимся здесь господам, в чём именно ты виноват, — продолжил я равнодушно.

Да, со стороны я казался ледяной глыбой, но в действительности же душу сжигали огненные смерчи, превращая ещё живую её часть в чёрный пепел.

Чет молчал, продолжая смотреть в пол, зато вокруг стало очень тихо. Настолько, что я слышал только нервное дыхание толпы придворных.

— Говори, — приказал я, совсем немного повысив голос, но этого оказалось достаточно.

Бывший друг на несколько секунд зажмурился, но потом всё же начал отвечать:

— Я виноват в том... что помог организовать ваше похищение, — сказал он негромко, но в повисшей тишине его слышали все.

— И всё? — спросил я с усмешкой.

— Нет, — Чет сглотнул. — Я... знал, что вас хотят убить, и не помешал этому.

— Дальше, — кивнул я.

— Я... — он сжал пальцы в кулаки, но всё же продолжил: — Используя оборотное зелье, я играл во дворце вашу роль, чтобы никто не заподозрил, что настоящий король... погиб.

По залу прокатился удивлённый возглас, снова поднялся шум. Но оказалось достаточно одного взмаха рукой, чтобы все дружно заткнулись. Я бы с радостью обошёлся без этого прилюдного признания, тем более, что сам присутствовал на допросе Четтера, даже задавал ему вопросы. Но нынешнее представление было организовано совсем не для развлечения. Я должен был донести до жителей страны реальную версию произошедшего, поэтому публичное покаяние Чета было самым верным ходом.

— Как именно вы пытались меня убить? — задал я новый вопрос.

— Аделина... создала проклятие на основе вашей крови, — проговорил Четтер.

— То есть, вы с ней не оставили мне ни единого шанса на выживание, — пояснил я. — И всё же я выжил. Правда, за это мне пришлось заплатить свою цену. Но скажи всем этим людям, Чет, кто же на самом деле женился на Аделине, и чьего ребёнка она носит?

— Я, — он склонился ещё ниже и теперь почти касался пола рыжей растрёпанной чёлкой. — Ребёнок мой.

– А что же стало с айвиркой Эбелин, которую вы привезли во дворец?

– Это была не она. Девушка... горничная. Она согласилась сыграть роль вашей невесты. Мы поили её особым зельем, чтобы она сошла с ума.

Я кивнул. Собравшиеся в зале придворные слушали очень внимательно и теперь, казалось, боялись даже пошевелиться.

– Как я понимаю, когда послы Айвирии явились предъявлять претензии за её убийство, короля уже изображал не ты? – задал я новый вопрос.

– Это всё было спланировано, – признался он, не поднимая головы. – Тогда роль короля играл приговорённый каторжник под зельем подчинения. Айвов тоже опоили. Они себя не контролировали.

Я горько усмехнулся и, поднявшись с трона, медленно подошёл к бывшему другу, которому когда-то верил, как самому себе. Мне было безумно горько осознавать его хладнокровное предательство, но даже сейчас, когда он признавал свою вину перед всеми, я глупо искал хоть одну причину его оправдать.

Полчаса назад, когда он, валяясь в моих ногах, умолял позволить ему хотя бы увидеть рождение дочери, со слезами просил позаботиться о его ребёнке, я был слишком зол, чтобы проявить хоть какую-то снисходительность. Но сейчас, видя его таким: растоптанным, признавшим вину, потерявшим всякую надежду, – вдруг почувствовал, как в душе шевельнулось сочувствие.

Простить? Нет. Такое не прощают.

Заменить казнь каторгой? Тоже нельзя. Это покажет меня слишком мягким для правителя.

– Скажи, Чет, – я присел на корточки рядом с ним. – Ответь, глядя мне в глаза. Почему ты пошёл на всё это? Я хочу знать.

Он не сразу поднял голову. Но когда всё же посмотрел на меня, в его взгляде отражалась только бесконечная вина.

– Прости, – прошептал бывший друг, а в его глазах стояли слёзы. – Я влюбился, как идиот. Был готов на всё ради её благосклонности. Она вертела мной, заставляла идти на то, что я никогда бы не сделал даже в мыслях. Я сам себя понимать перестал. Главным стали её желания, её цели...

И у меня в голове будто разгорелся рассвет, а сердце наполнилось надеждой, которую я тут же поспешил задушить. Нет. Нельзя. Не время.

– Приведите Аделину, – приказал я, повернувшись к одному из гвардейцев.

А как только тот ушёл, я создал над нами с Четом купол, не пропускающий звуки, и сказал тихо:

– Я не хочу тебя убивать. Всё во мне противится этому. Слишком много мы прошли вместе. Ты мне был больше, чем другом. Братом. И вот скажи, Чет, что мне делать?

Он шмыгнул носом. Его трясло, а в глазах была полная безысходность.

– Я пошёл против тебя, Хельм. Этого нельзя прощать. Что бы там ни двигало мной, какие бы ни были у этого причины, важны лишь факты. За содеянное сам себя я бы подверг публичным пыткам и долгой казни, чтобы другие видели, какой исход может их ждать, – он судорожно вздохнул. – Знай. Я принимаю свою участь. Признаю вину, понимаю всю её глубину. Да, ты пообещал, что убьёшь меня сам и быстро, но я возвращаю тебе это обещание. Прошу только об одном: позаботься о моей дочери. Она точно ни в чём не виновата.

– Судьба Лины тебя не беспокоит? – спросил я холодно.

– Беспокоит. Очень. Я безумно за неё переживаю. Но знаю, что ты не причинишь ей вреда, пока она не родит. То есть, сейчас она в относительной безопасности. Но я готов взять и её вину на себя.

– Нет. Она доживёт только до рождения вашего ребёнка. Потом будет казнена, в этом не сомневайся. Её мне ни капли не жаль, и интуиция со мной согласна.

Я развеял купол и вернулся на трон. Приказал Чету перечислить всех, кто был причастен к заговору, и он, кивнув, продолжил свой рассказ. Правда, все названные им люди сейчас находились в камерах и допросных, но толпе придворных будет полезно узнать их имена и причины арестов.

Лину привели, когда Четтер уже закончил давать свои публичные показания. Её поставили на колени рядом с ним, но, в отличие от Чета, она даже не думала в чём-то каяться и смотрела на всех с гордостью истинной королевы.

– Аделина, я задам тебе только один вопрос, – проговорил я, чуть склонив голову набок. – Скажи, применяла ли ты к Четтеру приворот?

– Нет, – заявила она громко и уверенно.

А у меня на душе вмиг стало легче, ведь я почувствовал, что это ложь.

Я снова поднялся, подошёл к ней и, коснувшись её подбородка, прошептал заклинание истины. Оно было болезненным, забирало очень много энергии, но с некоторых пор магической силы во мне стало неизмеримо много. А ещё оно могло выжечь сознание... да только Лину мне было не жаль.

Девушка вскрикнула, пошатнулась, но всё-таки сумела не упасть. Когда же она снова посмотрела на меня, в её глазах стоял ужас.

– Повторяю вопрос. Ты применяла к Четтеру приворотные ритуалы или зелья?

Она повела головой и начала раскачиваться из стороны в сторону, словно пыталась впасть в транс. Да, это считалось одним из способов противостоять действию чужого колдовства, но сейчас не помогло.

– Да, – всё-таки сказала ведьма, а Чет рядом замер с широко распахнутыми глазами.

– Какой? – спросил я Аделину.

– Истинной любви, – проговорили её губы, а в глазах при этом стояла паника.

– Запрещённый. На крови. С жертвами, – перечислил я то, что знал об этом ритуале. – Что и требовалось доказать.

Развевая своё заклинание, я снова направился к трону.

– Почему же ты сразу меня не приворожила? – спросил с неуместно весёлой усмешкой.

После её слов у меня, наконец, появилась, полная картина произошедшего. Теперь всё действительно встало на свои места.

– Ты колдун, на тебя не подействовало, – сказала она, зло сощурившись.

А я... рассмеялся. Но в этом смехе не было ни радости, ни удовольствия. Только непонятное облегчение.

– Я любила тебя! Любила! А ты меня – ни капельки! Только пользовался мной и моим даром! – выкрикнула ведьма, вскочив на ноги. – Я должна была стать твоей королевой! Я, а не какая-то рабыня из Айвирии! Сломанная крылатая девчонка не имела права забирать

то, что принадлежало мне! И ты предал мои чувства этим выбором! Ты...

Я щёлкнул пальцами, и она тут же захлопнула рот и застыла изваянием. Повинуясь моему знаку, гвардейцы вывели её из зала. Как только ведьма скрылась за дверью, придворные будто оживились и начали перешёптываться, а я снова обратился к своему другу-предателю:

– Твою судьбу, Четтер Гайсли, решит суд. Но каким бы ни оказалось его решение, я дам тебе возможность увидеть дочь. На этом всё.

Выйдя из зала, я на мгновение остановился и медленно выдохнул. Холт ободряюще похлопал меня по плечу, но говорить ничего не стал. Нет, мы всё обсудим, но позже, когда эмоции утихнут, а информация в голове уложится по правильным местам.

Сейчас мне больше всего хотелось просто плюнуть на всех и вернуться в дом Гарсинии, где всё было честно, открыто, просто и понятно. Где меня ждала Эбелин. Но путь мой лежал на границу с Айвирией, где сегодня на закате я назначил встречу Гервину. Бессмысленную войну между нашими странами нужно заканчивать, причём в самое ближайшее время.

Правда, при мысли о новых мирных переговорах, которые, наверняка, опять затянутся на несколько месяцев, стало тошно. Но нам всё равно придётся подписать договор, только касаться теперь он будет лишь отношений между нашими странами, никак не затрагивая мою личную жизнь.

Стоило подумать о личном, и перед глазами снова встал образ Эбелин. Такой красивой, искренней, настоящей... моей. Когда-то она сказала, что я стал для неё чудом. На самом же деле всё наоборот – это она стала чудом для меня. Моим светом, моим маяком в беспросветном мраке. И сейчас я цеплялся за воспоминания о её взгляде, улыбке, её губах... и на душе становилось легче.

Я бы многое отдал, чтобы сейчас она была рядом, но... я не стану обрекать её на такую жизнь. Со мной она всегда будет в опасности, в постоянном напряжении. Этот дворец – хуже самого жуткого серпентария. Здесь почти нет честных людей, здесь каждый во всём ищет только свою выгоду. Это место убьёт в Элин свет гораздо

быстрее, чем пребывание в рабстве. Я не могу обрекать её на такую жизнь. Не имею морального права.

Да, это решение со всех сторон выглядело правильным, вот только всё во мне ему противилось до такой степени, что хотелось кричать. Даже будучи королём, самым сильным колдуном в стране, единственным драконом в мире, я не мог позволить себе того, чего хотелось больше всего на свете – быть рядом с девушкой, которая стала мне безумно дорога.

– Как только заключим мирный договор с Айвирией, проведём во дворце масштабную чистку, – сказал я Холту, когда мы вошли в мой кабинет. – Мне до демонов надоели твари, которых волнует лишь собственное обогащение, власть и интриги.

– Они привыкли так жить. До сих пор уверены, что их титулы, связи и деньги делают их неуязвимыми перед королевской властью, – ответил друг, опустившись в кресло.

– В таком случае, следует поменять кое-какие законы. А ещё, Холт, я подпишу приказ о роспуске Королевского Совета. Оставим только Совет Министров и создадим законодательное собрание, куда будут входить представители каждой провинции. Пусть думают, какие законы нужны Вергонии, может, и в самом деле предложат что-нибудь дельное. Но решать отныне буду только я.

– Тебе не позволят. Это противоречит традициям. Они взбунтуются, – возразил Холтер, и в его глазах я увидел сожаление. Он тоже понимал, что нашей стране нужны перемены, и очень серьёзные.

– Пусть попробуют, – проговорил я, устало откинувшись на спинку кресла. – Многие до сих пор видят во мне мальчика, юного принца, который вечно пропадал в разъездах и только во время войны стал интересоваться Вергонией. Они всё ещё тешат себя мыслью, что я не смогу ничего изменить, не стану переделывать привычный всем порядок. Да только, Холт, они ошибаются. Стану, ещё как. И однажды моё королевство будет сильным, процветающим, таким, в котором каждый житель сможет испытывать гордость за свою страну.

– Я верю в тебя, – ответил Холтер. – И буду помогать всем, чем смогу.

– Всё получится, друг мой. Хоть и будет непросто. Но... я чувствую, что это правильный путь.

Я повернулся к окну, увидел сидящего на карнизе Храма и поспешил впустить его внутрь. Ворон прошагал по столу, забрался на моё предплечье и распушил перья.

– Ты собираешься раскрыть информацию о том, что можешь становиться драконом? – поинтересовался друг, посмотрев на птицу.

– Да. Но это тоже нужно сделать так, чтобы появление у правителя драконьей ипостаси люди приняли, как благословение богов. Пусть считают, что это дар Девы Заступницы и Отца Защитника. Тогда все задуманные мной перемены тоже будут восприняты легче и правильнее. Думаю, после объявления перемирия мы устроим народные гулянья, вот там на площади я им и покажусь. Главное, сделать всё красиво и никого не напугать.

Холт улыбнулся и почему-то посмотрел на меня, как на сумасшедшего.

– Меня всегда поражали твои идеи, Хельм. Но в этот раз это даже звучит невероятно. Как не напугать людей драконом? Ты себя видел в этой ипостаси? Да тебя даже Гарсиния опасалась. Только Элин приняла сразу.

Одного упоминания Эбелин мне хватило, чтобы от сердца разлилось тепло. Да, она не боялась меня ни в одной ипостаси. И действительно приняла со всеми моими прегрешениями и недостатками.

– Я придумаю, как это проверить, – ответил другу.

А сам вдруг подумал, что, если бы у меня получилось очистить дворец от опасных людей и продажных тварей, если бы я смог сделать его настоящим домом, а не гнездом ядовитых гадов... то был бы рад видеть здесь Элин.

Но пока лучше сосредоточиться на главном. Ведь если я хочу добиться цели, то работать над этим придётся очень много и просчитывать каждый ход на десять шагов вперёд.

Но я смогу. Справлюсь. У меня просто нет иного выхода.

Глава 25. Переговоры, враги и возвращение

Место для встречи я позволил выбрать Гервину. В послании указал, что он может взять с собой не больше десяти солдат, и заверил, что хочу просто поговорить. Поставил под текстом подпись, королевскую печать, хотел бы оставить ещё и оттиск ауры, но с некоторых пор она у меня сильно изменилась. Потому пришлось отправлять письмо так.

Доставить его вызвался Вислер, причём едва не уговаривал меня отправить именно его.

– Хельм, я два с половиной месяца просидел в подземельях дворца, – сказал друг. – Мне безумно хочется почувствовать свободу. Да и его высочество знает меня в лицо, то есть сразу, скорее всего, не прикончит и хотя бы выслушает.

Он рассказывал, что наотрез отказался сотрудничать с Четом, потому его и продолжали держать в застенках, да ещё и в той их части, куда имели доступ только доверенные охранники. Просто Висл всегда был слишком принципиальным и наблюдательным и так до конца и не поверил, что это именно я отдал приказ об его аресте. Он чувствовал, что во дворце происходит нечто крайне странное, но из своей камеры сделать ничего не мог.

Холт же отличался хитростью и рассудительностью, да и происхождение имел гораздо более высокое, чем Висл, потому его отпустили быстро, отправив в родовое имение под домашний арест. Правда, охраняли его хорошо, но Холтер всё равно умудрялся периодически уходить по своим делам, оставляя вместо себя лакея под оборотным зельем.

Он собрал тех, кто тоже подозревал Чета в заговоре. Они пытались проводить своё расследование и нашли много нестыковок. Даже побывали в том лесном домике, где нас с Элин держали после похищения, допросили тех бандитов. Но выяснили лишь то, что мы с Эбелин были отравлены и сброшены с обрыва в реку.

Именно благодаря Холту, у которого, считай, была уже готовая команда, я смог быстро и легко вернуть себе власть и обличить

главных предателей. Но остановить войну в любом случае мог только я. Лично.

Отправившийся передать Гервину послание Вислер к назначенному часу не вернулся. Но мне доставили запечатанный королевской печатью Айвирии конверт. В письме Гер соглашался на встречу, указал время и место. Приписал, что говорить со мной он будет только после того, как удостоверится, что перед ним действительно я. А жизнь Вислера станет гарантией моей сговорчивости и лояльности.

Впрочем, всё, как всегда. Гервин вёл себя предсказуемо, что даже вызвало у меня улыбку. А вот о том, как буду доказывать ему свою личность, я даже задумываться не стал. Сам поймёт. Всё же у нас давно сложилось довольно специфическое общение, и я сильно сомневаюсь, что даже самый лучший актёр смог бы достоверно изобразить меня в диалоге с айвирским кронпринцем.

– Ну и что с твоей аурой? – вместо приветствия выдал Гервин, когда на закате мы встретились на берегу полноводной реки неподалёку от Тривала.

Здесь оказалось тихое уединённое место: с одной стороны его закрывали скалы, с двух других росли раскидистые колючие кусты, а с третьей текла полноводная река. Попасть сюда можно было либо на крыльях, либо по воде. И, конечно, моим людям пришлось добираться на лодках.

Сейчас линия фронта проходила как раз по этому берегу, а мы находились на той стороне, которую занимала вергонская армия. И даже этот момент Гер использовал, чтобы щёлкнуть меня по носу.

– А что с моей аурой? – картинно удивился я, сделав несколько шагов к нему. Правда, остановился на приличном расстоянии. – Аура, как аура.

– Она стала другой, – холодно бросил Гер.

– Ах, ты это имеешь в виду. Ну да. Изменилась немного. Как и я сам, – я развёл руками и позволил зрачкам вытянуться в линию.

Гервин заметил, озадаченно приподнял тёмную бровь и чуть склонил голову на бок.

– Даже представлять не хочу, что ты с собой сделал, – проговорил он с едва заметным сочувствием. – Твой дружок рассказал о некоторых деталях неудавшегося переворота. И всё же... я должен удостовериться, что передо мной действительно Анхельм Вергонский.

Я задумался, пытаюсь вспомнить что-нибудь такое безобидное, но известное только мне и Гервину. Но тут он меня опередил.

– Однажды ты помогал лечить Кэтрин. Когда попытался со мной торговаться, одна ведьма назвала тебя...

– Мелочным колдунишкой, – закончил я за него, и Гервин широко ухмыльнулся. – Передавай той ведьме привет. Скажи, что я всё помню и вряд ли забуду.

Гер не ответил, но теперь рассматривал меня куда внимательней, с гораздо большим интересом. И казалось, что он действительно был рад меня видеть.

– Демонова ты задница, Хельм! – вдруг выдал наследник айвирского престола. – Представляешь, я же, правда, расстроился, когда узнал, что тебя убили. Не верил до последнего. Ведь ты же тот ещё изворотливый змей. Выкрутился. Как всегда.

Я пожал плечами и тоже улыбнулся. Несмотря на наше постоянное противостояние, слышать это от Гервина было приятно.

– Давай к делу, – решил я закончить с лирикой и перейти к истинной цели встречи. – Войну нужно заканчивать. Предлагаю прямо завтра начать переговоры. Наступление вергонской армии я остановил, сейчас у них приказ только обороняться. И я предлагаю оставить границу, как сейчас есть, по реке. Это существенно упростит торговлю между нашими странами. К тому же колдовские атаки ведьм сильно повлияли на магический фон, теперь именно ведьмам придётся заниматься его восстановлением, а на вашей территории они действовать не смогут. Да и вообще, Гер, сам понимаешь, почему завоевать эти территории было так легко. С прошлой войны минуло совсем немного времени, и живущие здесь люди всё ещё считают себя вергонцами. Если сейчас мы снова отдадим их территории вам, они сами бунт поднимут.

Он слушал внимательно, обдумывал каждую мою фразу, но отвечать пока не спешил. А чуть помолчав, задал совершенно

неожиданный вопрос.

– А что стало с той девочкой-рабыней? Кажется, Эбелин. Она хоть жива? – спросил Гер, глядя на меня с холодной снисходительностью и упрёком.

У меня же от одного упоминания её имени в душе будто разгорелось тёплое ласковое пламя. Оно не обжигало, а лишь согревало и словно наполняло светом тьму моего сердца.

– Жива, Гер. С ней всё хорошо. И я хотел попросить тебя...

– Попросить? – он картинно удивился. – Да неужели! Очень интересно. Проси.

Я скрипнул зубами, борясь с желанием дать ему в морду. Но пришлось сдержаться, всё же здесь слишком много свидетелей.

– Элин вернётся в Айвирию. Посодействуй её восстановлению в академии на том же курсе. Она умненькая, старательная, быстро нагонит то, что пропустила. И пусть ей предоставят отдельную комнату, сомневаюсь, что ей будет легко ужиться с соседкой.

С каждой моей фразой взгляд Гервина становился всё более обескураженным, а в конце он почему-то хлопнул в ладоши и с шальной улыбкой кивнул.

– Сделаю, – ответил, пока не поставив ни одного условия. – И знаешь, что... предлагаю завтра же подписать предварительный вариант мирного договора. После чего начнём отводить войска. С остальной бюрократией разберёмся с тобой сами, и уже не спеша. По поводу территорий нужно подумать. Такое решение я не могу принимать сам, нужно узнать мнение короля. К тому же эта война началась не по вине Айвирии, нас в неё буквально втянули. Она стала последствием твоего просчёта и интриг твоих подданных. Так что вопрос территорий мы ещё обсудим.

– Ты же понимаешь, что, если решишь оттяпать слишком много, перемирие станет временным, – выдал я, едва сдерживая раздражение.

– А ты разве не понимаешь, что, если я сейчас уступлю, то покажу не только свою слабость, но и слабость своей армии? – холодно бросил Гер.

Я фыркнул. Да уж, легко не будет. Эти переговоры рискуют затянуться так же, как прошлые. Но придётся собрать волю в кулак и постараться найти самое лучшее решение для всех.

– В любом случае, Гер, боёв больше быть не должно, – сказал я. – Дальше бодаться будем только мы с тобой. И, надеюсь, сможем быстро прийти к общему решению.

Гервин задумчиво переступил с ноги на ногу и посмотрел в сторону заходящего солнца.

– Знаешь, я тут подумал, что устрою твою Эбелин в академию и даже скрытую охрану приставлю. Мне, в общем-то, несложно, – произнёс он, словно размышляя вслух. – Но, сам понимаешь, что пока итоговый вариант мирного договора не подписан, у меня не будет времени этим заниматься.

А вот и первые условия его помощи. Что ж, ожидаемо. Хотя я сам виноват – сам же дал ему этот рычаг давления. Правда, и козыри выложил ещё не все. Но их, пожалуй, стоит приберечь на момент обсуждения самых спорных моментов.

– Значит, утром на этом самом месте официально подпишем соглашение о прекращении военных действий, – подвёл я итог. – И сразу же начнём обсуждение мирного договора.

– Согласен, – кивнул Гервин и протянул мне руку для скрепления этого соглашения.

Я крепко пожал его ладонь, но когда хотел отпустить, Гер удержал, а его взгляд стал откровенно подозрительным.

– У тебя не только аура и глаза изменились. Ты вообще на магическом уровне ощущаешься иначе. Словно не человек, – проговорил он. – Скажи-ка, Хельм, что ты всё-таки с собой сделал?

– Спасал свою страну и свою жизнь, – ответил я честно. – Это привело к некоторым изменениям во мне. Своим войскам я уже эти самые изменения продемонстрировал. Они меня приняли.

– Так покажи и мне, – Гер смотрел серьёзно, внешне казался невозмутимым, но я чувствовал, что он опасается.

– Что ж, – я усмехнулся. – Ладно. Тем более, слухи всё равно скоро дойдут. Только прикажи своим постоять в сторонке и никаких действий не предпринимать. Это мирная встреча, значит, вреда я ни тебе, ни им не причиню. И лучше отойди на пару метров.

Он кивнул, отпустил меня и отступил назад. Смотрел при этом так же спокойно, но настороженность в нём теперь ощущалась гораздо ярче.

Одежду было жаль, но и раздеваться при посторонних совсем не хотелось. К тому же я знал, что до такого дойдёт, и прихватил с собой плащ. Это, конечно, не мундир главнокомандующего, но уже хоть что-то.

Сосредоточившись на внутренней сущности, я прикрыл глаза и представил себя драконом. По телу пронеслась волна колючей магии, а моё тело плавно поменяло форму. Это происходило довольно быстро и уже почти перестало причинять дискомфорт. Но драконья ипостась пока всё равно воспринималась мной как чужая.

Гер отшатнулся и начал медленно отступать. В его руке сияло тёмным боевое плетение, а за спиной появились белые крылья. Мне же захотелось рассмеяться, жаль, драконья пасть этого не позволяла. Ведь таким потрясённым я ГERVина не видел никогда. Он разглядывал меня округлившимися глазами, а страх в нём боролся с решительным желанием вступить в бой.

Я же насмешливо смотрел на него и, решив добить самообладание врага, взмахнул крыльями, сделал круг над рекой и мягко приземлился рядом со своими солдатами.

Один из них вышел из строя, протянул мне длинный чёрный плащ. А уже спустя полминуты я шёл к ГERVину, накинув это одеяние на голое тело.

– Дракон? – сказал он, разглядывая меня так, будто я до сих пор в звериной форме.

– Именно, – кивнул я. – Сами боги даровали мне вторую ипостась.

Гер посмотрел со скепсисом, но говорить по поводу участия богов в моей аванюре ничего не стал.

– Выглядит... устрашающе, – лишь сказал он. – Мне ждать, что теперь у тебя в войсках будут такие... хм, существа?

– Нет. Я один. И в войне не заинтересован.

– Это радует, – выдохнул он и насмешливо добавил: – Что ж, зато теперь твоя внутренняя суть нашла отражение во внешности. Кстати, от тебя обязательно захотят избавиться. Мы-то подпишем мирный договор, да и в тебе живом больше заинтересованы, чем в мёртвом. Но есть другие соседи.

Он говорил правильные вещи, и я всё это отчётливо понимал. Но придётся как-то разбираться и с такими последствиями.

– Ладно, – покачал головой Гервин. – За девочкой твоей мы присмотрим. Я даже не стану сообщать никому о твоём к ней особом отношении. Хотя, признаться, удивлён, что нашлась та, о ком ты переживаешь, даже когда твоя драгоценная Вергония в полной заднице. Не думал, что с тобой такое вообще может случиться. Но, видимо, справедливость всё же существует.

Он издал короткий смешок.

– Даже не пытайся использовать её как рычаг давления на меня, – произнёс я с открытой угрозой.

– Не в твоих интересах мне угрожать, – бросил он. – Но, так уж и быть, обещаю, что в наше с тобой противостояние втягивать её не стану.

– И на том спасибо.

Я посмотрел на реку, перевёл взгляд на темнеющее небо, но справиться с неуместным волнением за Элин никак не получалось. Да, сейчас она в безопасности, но вечно прятаться нельзя. Ей необходимо учиться, развиваться как целителю, строить своё будущее. А для этого она должна вернуться в Айвирию. Вот только глупо будет верить лишь слову Гервина. Я приставлю к Эбелин ещё и своих ребят.

– Что ж, Хельм. Думаю, на данный момент наш разговор можно считать оконченным, – проговорил Гер. – Постарайся до завтра не убиться, чтобы мы смогли всё подписать.

– Сообщи Эниремии, что я жив, – попросил я. – Хотя, скорее всего, она уже и так знает.

Он кивнул.

На этом мы разошлись, чтобы встретиться утром и официально закончить эту войну. А пока и ему, и мне предстояло много работы. Следовало продумать каждый пункт будущего соглашения, просчитать моменты, по которым можно будет уступить, отметить условия, на которых придётся обязательно настоять. И для всех будет лучше, если мы сможем договориться прямо завтра. Потому что у меня нет ни сил, ни желания тратить время на противостояние с Гервином, в то время, как во дворце до сих пор могут оставаться заговорщики, а страна пребывает в упадке.

И всё же сегодняшней встречей я остался доволен, и даже проникся уважением к Гервину за то, что тот так просто принял меня драконом. Всё же у него действительно железные нервы. Ну, а если он

действительно поможет Элин и сдержит своё слово, то я готов даже пересмотреть отношение к нему. Ведь, как ты ни крути, а нам куда выгоднее дружить, чем враждовать. Но вот получится ли... покажет только время.

Эбелин

С той ночи, как Хельм покинул домик ведьмы, я не находила себе места. Постоянно думала о том, где он сейчас, что делает, не ввязался ли в новую авантюру, которая может закончиться для него трагично. Переживала о том, как его драконью ипостась примут придворные, да и простые люди. Не объявят ли опасным чудовищем и не кинутся ли убивать всей толпой?

А ещё... я очень скучала по нему и искренне мечтала, чтобы он вернулся. Да, помнила его слова о том, что мне лучше будет отправиться в Айвирию, но всё равно втайне надеялась остаться с ним и сама же себя ругала за эту глупую надежду.

Чтобы отвлечься, постоянно старалась быть чем-то занятой. Нашла у Гарсинии огромную книгу по травам и зельям, скрупулёзно выписывала из неё все самые интересные сочетания и рецепты. Помогала ведьме по дому, даже вызвалась навести порядок в многочисленных коробках с её записями. В общем, занималась чем угодно, лишь бы не думать о Хельме. Увы, он всё равно был в моих мыслях постоянно.

По ночам Гарсиния уходила куда-то на несколько часов, а утром делилась со мной новостями из столицы. Она рассказала о том, что у Хельма всё получилось, он вернул себе трон, наказал тех, кто пытался организовать переворот, быстро остановил войну. А в день празднования перемирия в столице вышел к собравшемуся на площади народу, рассказал о том, что для спасения Вергонии был вынужден пройти очень древний ритуал и теперь, с благословления богов, стал драконом. Закончив речь, он превратился в крылатого ящера, пролетел над Харсайдом и вернулся к потрясенным жителям столицы. Снова

став собой, приказал раздать всем вино и угощения и объявил следующий день выходным по всей стране.

В общем, сумел обратить ситуацию с крылатым чудовищем себе на пользу – что, в общем-то, не удивительно, это ведь Хельм. В народе его теперь буквально боготворили, называя символом возрождения Вергонии, Великим Драконом, и были готовы на него молиться.

Я помнила его слова о том, что мне нужно вернуться в Айвирию. Однажды даже порывалась уйти сама, но Гарсиния не отпустила.

– Куда ты пойдёшь одна? – сказала она тогда. – Тут даже по моим тропкам идти до ближайшего города два часа по заснеженному лесу. Да и там что делать станешь? Документов у тебя нет, денег – нет, разрешения на пересечение границы – тоже нет. Мне Хельм перед уходом сказал, чтобы я присматривала за тобой, и что, как только будет можно, он отправит тебя домой. Если ещё не явился, значит, там для тебя ещё слишком опасно. Так что пока просто жди.

И я ждала. Коротала дни за помощью ведьме, изучала её справочники по лекарственным травам, особенно интересные заметки переписывала себе, старалась наполнять своё ожидание максимально полезными вещами. Но проходили дни... за ними недели, а Хельма всё не было. И у меня всё чаще стала появляться мысль, что он просто обо мне забыл.

А ведь это вполне могло быть правдой. Теперь между Вергонией и Айвирией подписан новый мирный договор, фиктивная невеста Анхельму больше не нужна, а значит, незачем обо мне и помнить.

Я старалась гнать от себя эти горькие мысли, не хотела в них верить, но чем больше времени проходило, тем сильнее становилось моё отчаяние. Он ведь мог хотя бы прислать записку. Написать буквально пару строк, и мне стало бы легче. Но он молчал.

Вчера ночью Гарсиния снова уходила и вернулась около трёх часов утра. За завтраком выглядела озадаченной и как будто поникшей. Когда я спросила, в чём причина её беспокойства, ведьма медленно

покачала головой, не желая рассказывать. Когда с едой было покончено, она вдруг всё-таки заговорила.

– Неделю назад в Сертон привезли Аделину – ту самую ведьму, которая пыталась сжить Хельма со свету. Она беременна, у неё дочка будет. И Анхельм взял с неё уйму магических клятв, и всё же позволил выносить ребёнка. Потом Лину казнят... а девочка останется сиротой.

Я слушала внимательно, но высказывать своё мнение не спешила. Малышку было жаль, вот только вряд ли рядом с такой матерью она смогла бы вырасти хорошим человеком. Скорее, из неё сделали бы орудие мести Анхельму.

– А кто её отец? – спросила я.

– Четтер. Тот самый друг, который предал Хельма. Его тоже пока не казнили, но тут я не знаю, чего ждут. У него есть сестра, сейчас она живёт в Айвирии, возможно, заберёт девочку к себе. Есть ещё мать Лины, но та отреклась от дочери. Сомневаюсь, что примет внуку, особенно, если та родится магом, а не ведьмой.

– Забери себе, – предложила я.

– Что ты, нет, – отмахнулась Гарсиния. – Куда мне младенца? Но о судьбе малышки нужно позаботиться. Я чувствую, что это важно.

– Сообщи Хельму. Он прислушается к твоим словам, – предложила я. – Всё же, коль решил казнить обоих её родителей, а девочку оставить в живых, так пусть думает, кому поручить воспитание.

Гарсиния посмотрела на меня с удивлением и только хотела что-то ответить, но вдруг застыла, а её глаза будто остекленели. За время жизни у ведьмы я видела подобное не раз: такое состояние означало, что она уловила колебание энергий на своей территории, или же смотрит глазами своего кота-фамильяра, который большую часть времени проводил в лесу, а в домике почти не появлялся.

– Сюда направляется мужчина. Колдун. Он уже пересёк ручей, идёт со стороны гор...

Она не успела договорить, а я уже помчалась к двери. Выскочила на улицу без куртки, прямо в домашних тапочках, и понеслась вперёд по тропинке. С неба валил густой снег, на улице стоял мороз, но ничто не могло остановить меня на пути к моей цели.

Гарсиния что-то кричала мне в спину, из-за шума ветра я не смогла ничего расслышать. Наверняка же причитала, что я выскочила,

толком не одевшись. Но сейчас мне было всё равно. Ведь ко мне шёл Хельм.

Я бежала вперёд, пробираясь через высокие сугробы. Дважды споткнулась, но даже не подумала остановиться или хотя бы сбавить скорость. Вся моя суть тянулась к мужчине, по которому успела истосковаться. И мне было всё равно, что он скажет, я просто хотела хотя бы на мгновение его обнять, убедиться, что с ним всё хорошо, почувствовать его тепло... его поцелуй.

Увидев сквозь пелену снегопада тёмный силуэт, я рванула ещё быстрее. Мужчина был в чёрном пальто и меховой шапке, шёл по снегу, как по твёрдой поверхности. И в тот миг, когда между нами оставалось всего несколько метров... я вдруг поняла, что это не Хельм.

Все силы, весь мой нездоровый энтузиазм в один момент закончились. Я резко остановилась, будто наткнувшись на невидимую стену. Ноги ослабели, а в душе стало так пусто, будто в ней пробили огромную дыру.

Я села прямо в снег и даже не пыталась подняться. Мне не нужны были слова или пояснения, не хотелось ничего слышать, никого видеть. Ведь по одному сочувственному взгляду гостя уже и так было понятно, что мои глупые надежды не оправдаются.

Холт резко вытянул моё безвольное тело из сугроба, поставил перед собой, а потом и вовсе закутал в своё тёплое пальто. Заметив, что обувь на мне тоже далеко не зимняя, он удручённо вздохнул и поднял меня на руки.

– Хотел бы я найти женщину, которая бы вот так ко мне бежала, – проговорил он, продолжив путь к домику ведьмы. – Прости, Эбелин, что я – не он.

Я не стала отвечать или что-то спрашивать. Душу скручивало от горького разочарования, а пустота в ней разрасталась всё сильнее.

– Хельм отправил меня за тобой, – всё же пояснил Холтер, шагая вперёд. – Приказал доставить в твою академию, проследить, чтобы ты хорошо устроилась. Твои документы уже там, тебя зачислили на тот же третий курс, обещали дать возможность догнать пропущенный материал.

Я слушала его молча и, наверное, должна была радоваться, что моё заточение среди глухого леса в домике ведьмы закончилось. Но вместо этого у меня на глазах наворачивались слёзы.

– Не грусти, всё будет хорошо, – сказал Холт, ставя меня на ступеньку крылечка. Он стёр слёзы с моих щёк и ободряюще улыбнулся. – Сейчас это самый правильный ход.

Я кивнула, но не потому, что была согласна, а просто показывала, что приняла его слова.

– Он... передавал мне записку? – спросила, собравшись с силами. – Может, что-то на словах?

По тому, как Холтер отвёл в сторону взгляд, стало ясно, что ничего подобного не было.

Что ж... вот и ответ на все мои вопросы и ожидания.

Ну и плевать!

В дом я зашла сама. Молча повесила чужое пальто на крючок при входе и направилась в свою комнату собирать вещи. Впрочем, моего там ничего не было. Одежду дала Гарсиния, книги тоже принадлежали ей. С собой я взяла только собственные записи, сложила их стопочкой, скрутила в трубочку и связала лентой. Вот и все мои пожитки.

Когда вернулась на кухню, ведьма тихо переговаривалась с Холтом, но, заметив меня, оба замолчали.

– Эби, он просил отдать тебе вот это, – проговорил Холтер, указав на стоящую на столе большую шкатулку, выполненную в виде сундучка. – Здесь деньги и драгоценности. Пожалуйста, не отказывайся. Тебе это точно пригодится.

Я молча кивнула. Отдал, значит, приму. Хотя сейчас мне было всё равно, что там внутри, и в какую сумму его величество оценил мою помощь, мои чувства и моё разбитое сердце. Больше всего хотелось просто сесть прямо на пол и глупо расплакаться. Но я запретила себе слабость.

Вместо этого сняла с вешалки тёплую куртку, выданную мне ведьмой, и принялась одеваться.

– Дай ему время, – сказала Гарсиния, когда мы прощались на пороге. – Однажды он всё осознает.

– Знаешь, – ответила я ей, – если бы он пришёл или хотя бы написал мне, если бы попросил дождаться, я бы ждала. Сколько угодно. Но не стоит строить иллюзий и надеяться на невозможное. Хельма волнует только Вергония. Она – его единственная женщина и самая главная любовь.

– Ты сильная, Элин, – проговорила ведьма, обняв меня, как родную внучку. – Я верю, что ты сможешь переступить через всё это и жить дальше. Знаю, что не любишь предсказания, но скажу, что вижу: теперь у тебя всё наладится. Тёмная полоса осталась позади, а впереди ждут новые свершения, победы, достижения. Ты молода, красива, талантлива. Я очень рада, что познакомилась с тобой. И, знаешь, если тебе когда-нибудь будет нужен совет мудрой подруги, просто скажи это вслух, и тогда тропинки сами приведут тебя ко мне.

– Спасибо, Гарсиния, – я сжала её холодную бледную ладонь. – Я тоже очень рада, что познакомилась с тобой. Но не уверена, что мы ещё хоть когда-нибудь встретимся.

– Не зарекайся, – она ухмыльнулась так, словно точно знала, когда состоится наша следующая встреча. – Да, будущее зыбко, но в твоём случае оно уже определено. Главное, не живи прошлым, опусти его. И тогда сама увидишь, как на смену плохим моментам придут хорошие, яркие и счастливые.

Я кивнула, принимая её слова, но ответить мне было нечего. Сейчас думать о хорошем никак не получалось. По правде говоря, я вообще старалась ни о чём не думать.

Словно заводная механическая кукла, я пошла за Холтом. Поначалу он ещё пытался говорить со мной, но быстро понял, насколько это сейчас бессмысленно.

Не представляю, сколько у нас заняла дорога – время вдруг потеряло для меня значение. Лес сменился городом, потом была порталная станция, приведшая нас в айвирскую столицу. Дальше мы ехали на машине, шли через заснеженный двор академии, но мне было всё равно. И даже объятия ректора не заставили меня выбраться из этого эмоционального вакуума.

Чуть легче стало только в ванне, куда я забралась, оказавшись в выделенных мне комнатах. Тёплая вода окутывала, словно кокон, согревала, убаюкивала. И, лёжа в облаке пены, глядя на запотевшее зеркало, я с кристальной ясностью осознала, что теперь всё точно будет иначе.

Наша с Хельмом история закончилась, пути разошлись. Он отпустил меня, как и обещал, и мне бы стоило радоваться, что теперь смогу продолжить учёбу, снова буду жить, как свободная айвирка, но... на сердце было очень мрачно.

Наверное, когда-нибудь это пройдёт. Наступит день, и я смогу вспоминать о вергонском короле с тёплой улыбкой. Но пока сердце сковывали обида и грусть. Ведь, несмотря на собственные заявления, на логику и здравый смысл, я умудрилась так глупо влюбиться. Да ещё и в того, кто способен любить только свою страну.

Часть третья. Целительница и король

Глава 26. Предложение, отказ и согласие

Полтора года спустя

Эбелин

– Эби, даже не пытайся придумать отговорку. Я уже столько их от тебя слышала, что не сосчитать. Но завтра ты обязательно должна присутствовать. Если не как моя фрейлина, то просто как гостя. И не нужно мне говорить, что это не для тебя. Нет! Мало того, что ты по рождению аристократка, так в этом году ещё и в академии отличилась.

Кэтрин стояла посреди аллеи, ведущей к административному корпусу, руки она упёрла в бока и казалась очень грозной. Проходящие мимо нас студенты опасливо поглядывали на принцессу в гневе, а на меня, наоборот, смотрели с сочувствием. Наверняка, были уверены, что я получаю выговор от супруги кронпринца. На самом же деле всё было совсем не так.

– Кэт, ну не хочу я, – протянула, едва не застонав. – Что мне там делать? И не говори, что составлять тебе компанию. Ты уж точно на таких вечерах не скучаешь. Да и Эниремия будет с тобой.

– А вот это вряд ли. Как только она узнала, что её драгоценный братец принял официальное приглашение ГERVина, сразу же начала сгорать от предвкушения встречи. Так что на неё рассчитывать не стоит. И вообще, Эбелин, я не хотела говорить, потому что знала твой ответ, но...

Она взяла меня за руку и сжала пальцы так крепко, будто боялась, что я сейчас вырвусь и убегу.

– Ты – моя подруга, – сказала Кэт подозрительно вкрадчивым тоном. – И я очень хочу, чтобы завтра, на церемонии именнаяречения именно ты держала на руках моего сына. Чтобы стала для него калтонией. Так ведь у айвов называют ту, что принимает на себя роль такой второй мамы?

Я смотрела на Кэт широко распахнутыми глазами и не могла поверить в услышанное. Нет. Мне точно показалось. Она не могла говорить всерьёз. Это просто шутка.

– Гервин одобрил твою кандидатуру, – сообщила она, добив меня этой фразой окончательно.

– Он не мог. Я же... – выпалила я внезапно охрипшим голосом.

– Ты стала мне очень дорога, ты талантливый целитель и просто хорошая девушка, – и не думая шутить, перебила Кэтрин. – Понимаю, что для этого ритуала нужно твоё добровольное согласие и искреннее желание. Не стану ничего тебе навязывать и пойму, если откажешься. И всё же, Эби... я хочу, чтобы калтонией для Астера стала именно ты.

У меня просто не нашлось слов для ответа. Я понимала, какую невероятную честь Кэтрин оказывает мне своим предложением, и какую безумную ответственность я взвалю на себя, если соглашусь. Ведь она предлагает не просто стать калтонией для её малыша, а второй матерью для наследника престола Айвирии!

– Кэт, – выдавила я из себя. – Это слишком.

– Ты справишься. Тем более, на роль калтона Гервин так никого и не выбрал. Будешь одна. Только ты.

Мы говорили, стоя посреди аллеи и скрыв звуки с помощью артефакта, поэтому Кэтрин даже не пыталась сдерживать эмоции или подбирать слова. Она смотрела на меня с надеждой и доверием, и я понимала, что не откажу. Даже не потому, что не хочу её обидеть, нет... просто за прошедшие полтора года нашей дружбы мне часто приходилось видеть обратную сторону жизни супруги кронпринца. В ней было очень много сложностей, опасностей, условностей, и не раз Кэт рыдала у меня на плече. Не из-за мужа – он-то как раз души не чаял в своей Кэтрин. Но среди придворных находилось немало тех, кого такая жена наследника совершенно не устраивала.

– Хорошо. Согласна. Это для меня большая честь, – сказала я, решившись. – И Астера я очень люблю.

– Знаю, Эби, – Кэт улыбнулась, но в глазах её промелькнуло сочувствие. – Однажды ты станешь замечательной матерью. Вот, кстати, на празднике, может, тебе кто-нибудь из мужчин и приглянется?

Я вздохнула и отвела взгляд.

– Давай не будем, – попросила твёрдым тоном. – Я приду с Кастелом.

Кэтрин посмотрела с осуждением, но говорить ничего не стала.

– Ладно. Как хочешь. Значит, завтра в полдень буду ждать тебе в моих покоях. Кастелу придётся остаться с гостями. Думаю, час без тебя он переживёт.

На этом мы с Кэтрин распрощались. Она в сопровождении охраны отправилась во дворец, а я – домой.

Учебный год в академии завершился, сегодня мы с Кэт сдали последний экзамен за четвёртый курс, и теперь могли совершенно спокойно отдыхать от учёбы до самой осени. Правда, я собиралась провести это время в клинике отца, но для меня работа – лучший отдых. Теперь главное пережить завтрашнюю церемонию именнаяречения наследника.

Брошенную Кэтрин фразу о том, что на празднике будет присутствовать брат Эниремии, я всеми силами старалась пропустить мимо ушей, но она въелась в голову, словно едкая кислота. Прожгла все барьеры, смела так долго выстраиваемые мной заслоны памяти и раскрылась в ней огромным цветком.

Хельм...

Приедет.

Но не ко мне. Надо зарубить это себе на носу.

И вообще, никакой он мне не Хельм, а его величество Анхельм Вергонский. Чужой. Недоступный. Тот, кто отказался от меня. Тот, кто выбросил меня из своей жизни, как только перестал во мне нуждаться. Отправил Холта, чтобы тот вернул меня в академию, откупился драгоценностями, а сам вернулся к своей любимой Вергонии. И вряд ли часто вспоминал рабыню, с которой его когда-то свело предсказание Гарсинии.

Тогда, после возвращения к учёбе, меня очень поддержали Кэтрин и Кастел. Кэт помогла мне наверстать пропущенный материал, Кас окружил заботой и вниманием, хотя определённой черты всё равно не переступал. А вскоре в столицу перебрался и отец.

На деньги от продажи переданных Холтом драгоценностей мы с папой купили дом неподалёку от академии, и даже хватило на открытие клиники. Постепенно всё действительно наладилось, а жизнь вошла в привычное русло.

Год назад Кэтрин родила сына. С тех пор я стала частой гостьей во дворце, точнее, конечно, в её покоях, и много времени проводила с малышом Астером. Перестала пугаться Гервина, умудрилась подружиться с королевой, которая иногда часами играла с внуком. А вот от Эниремии я старалась держаться подальше – слишком уж эта девушка напоминала мне о Хельме. И она явно чувствовала мою отчуждённость, потому сама тоже не спешила со мной общаться.

Кэтрин однажды спросила, какие отношения связывают меня с вергонским королём, мне не хотелось врать, но и правду говорить я тоже не стала. Попросила тогда подругу не трогать эту тему и постараться не упоминать при мне Анхельма. Она прислушалась и больше о нём не заговаривала.

Я знала, что за прошедшие полтора года он дважды бывал с визитами в Айвирии, но на меня времени не нашёл, что лучше всего говорило о его ко мне истинном отношении. Увы, как я ни старалась окончательно выбросить его из мыслей и из сердца, пока получалось плохо.

И всё же, несмотря ни на что, я была ему благодарна и не испытывала негатива. Злилась скорее на себя: за глупость, наивность... и главное – за то, что умудрилась в него влюбиться.

Стараясь выгнать его из своих мыслей, усердно училась, много читала, помогала отцу в клинике. Как-то даже согласилась пойти на свидание с очень симпатичным и интересным мужчиной. Он держал меня за руку, обнимал за талию и, по сути, вёл себя очень сдержанно и обходительно, а я постоянно вздрагивала и старалась отстраниться. Понятное дело, что больше мы с ним не встречались, а с другими я подобный опыт повторять не стала.

Увы, меня пугали мужчины. Все, кроме разве что отца и пациентов клиники. Я не могла спокойно находиться рядом с парнями, даже в академии отсаживалась подальше, из-за чего заработала себе прозвище «недотрога Эби» и не думала на него обижаться. Часто ловила на себе заинтересованные мужские взгляды, но испытывала при этом только страх. И давно смирилась с тем, что в моём случае поможет только целитель душ, но до сих пор так и не решилась обратиться к такому специалисту.

А ведь завтра на празднике будут танцы. Отказывать всем подряд – невежливо. Некоторые могут принять отказ за оскорбление. Такое

уже было на балу в честь дня рождения короля, куда меня, считай, силой затащила Кэт. Именно поэтому теперь на подобные мероприятия я ходила только с Кастелом и представляла его как своего жениха. По этикету отказ из-за присутствия в зале моего мужчины считался уважительной причиной, такой довод для высокородных айвов выглядел приемлемым, ну а я могла спокойно наблюдать за танцующими, не опасаясь кого-то обидеть отказом.

Правда, с Кастелом я тоже не танцевала. Его прикосновения превращали меня в подобие ледяной статуи. Максимум, на что соглашалась – это держать его за руку. Не знаю, почему он до сих пор оставался со мной, почему поддерживал легенду о помолвке, которой не было, но его помощь я очень ценила.

Вот и завтра нам с ним придётся отправиться во дворец на праздник в честь именованья наследника престола, юного принца Астера. Я очень надеялась, что всё пройдет спокойно и без осложнений, что я смогу удержать свои страхи под контролем. Но присутствие Анхельма станет для меня настоящим испытанием, на иное не стоит и надеяться.

Анхельм

Гервин смотрел на меня выжидающе и, судя по взгляду, даже не думал шутить. Да и вообще, я что-то не припомню наличия у него чувства юмора. Обычно все его фразы имели двойное, а то и тройное дно. Но то, что он предлагал мне сейчас, просто не лезло ни в какие ворота.

– Ты в своём уме? – не сдержавшись, спросил я. – Может, тебе у лекаря провериться?

– Я здоров, – отмахнулся он. – У меня жена – целитель, уж поверь, она пристально следит за состоянием моего здоровья, в том числе, и психического.

– Тогда я не понимаю, почему ты предлагаешь мне такое? – проговорил я, разведя руками. – Честно, Гер, я бы тебе подобного никогда предлагать не стал. И даже не могу представить ситуацию, в которой бы мне пришлось изменить своё решение.

– Считай это политическим ходом. Ещё одним шагом на укрепление связей между нашими странами, – ответил он деловым тоном.

Нет, если бы я знал его хуже, то мог бы принять такой ответ. Но Гервин Дарвид всегда ставил семью выше политических вопросов. А наши отношения были далеки от дружбы. Пусть после подписания нового мирного договора в них многое изменилось, мы даже научились говорить, не стараясь уколоть друг друга каждой фразой, но при этом всё равно оставались давними врагами.

– Допустим, ты желаешь таким образом обезопасить сына, – я принялся рассуждать вслух. – Примерно представляю себе ритуал, после него у меня уже никак не получится сделать ничего плохого твоему наследнику. Но, Гер... серьёзно, я тебе лучше так клятву дам, что не стану ему вредить. Хоть сейчас.

– То есть, ты отказываешься стать калтоном для моего ребёнка? – холодно и спокойно уточнил он. – Что ж, это было ожидаемо. Увы, других кандидатов у меня нет.

Он переложил документы с правой стороны на левую, составил их ровной стопочкой и спросил:

– Как идут разработки нового месторождения в Сентари?

– Полным ходом, – улыбнулся я и даже чуть расслабился.

Это месторождение было открыто год назад почти случайно и оказалось таким большим, что я начал опасаться новой войны. Всё же такие безумные запасы золота могли любых союзников мигом превратить в противников. К счастью, пока всё оставалось спокойно, а благодаря начавшейся добыче я умудрился не только расплатиться по всем долгам страны, которых насчитывалось немало, но и начать полномасштабное строительство магических школ, академий, больниц и даже железной дороги.

– Я бы хотел увеличить поставки. Скажем, на пятьдесят процентов. Знаю, что ты был против, но всё же предлагаю обговорить этот вариант, – продолжил Гер.

– Прости, но нет. Контракты заключены, нормы добычи распределены. В ближайшие два года менять мы ничего не будем, – ответил я.

Гер подпёр голову рукой.

– У этого золота уникальные свойства. Оно гораздо лучше скапливает и удерживает энергию. Наши учёные предоставили мне научный труд, из которого следует, что, если применять этот металл при создании стационарных порталов, это существенно снизит затраты на переходы. А ещё они считают, что из него можно создать карманные артефакты – порталы многоразового использования. И я говорю тебе об этом, чтобы подвести к новому предложению. Мои специалисты, твои материалы, твоя территория, прибыль от продажи пополам.

А вот это предложение показалось мне интересным. Увы, с магами высокого класса в моём королевстве было даже хуже, чем туго. Если же организовать мастерскую артефактов на базе академии, привлечь наших одарённых ребят и обязать айвирских специалистов брать их в ученики и помощники, то из этого может выйти толк. Но прибыль мы точно будем делить иначе, хватит айвирам и двадцати процентов.

Я как раз обдумывал условия возможного соглашения, когда в дверь кабинета негромко постучали, причём каким-то особенным перестуком.

– Входи, – сказал Гервин, и перед нами предстала улыбающаяся Кэтрин.

Пришлось встать, поприветствовать её, как полагается по этикету. Она изобразила реверанс и подошла к супругу.

– Она согласилась, – проговорила Кэтрин. – Хоть и не сразу.

– Отлично, – кивнул Гервин. – А вот Анхельм отказался, да ещё и посчитал меня сумасшедшим, раз я предлагаю ему такое.

– Что ж, – улыбка Кэт чуть поникла, а я получил укоризненный взгляд. – Жаль. Из тебя, Анхельм, вышел бы хороший калтон. Мне кажется, и Эби было бы спокойнее, что не на неё одну повесили такую ответственность.

Меня словно молнией ударило прямо в сердце, даже дыхание сбилось, и сохранять невозмутимость стало безумно трудно. И всё же я смог взять эмоции под контроль, привычно заткнуть все лишние чувства, и сам обратился к Кэтрин.

– Ты имеешь в виду девушку, которой вы предложили стать калтонией?

– Да, – она улыбнулась мило и лучезарно. – Эбелин Лиссер. Ты должен её помнить.

О да. Только я бы сказал иначе: «Не в силах её забыть».

Я не просто помнил о ней – она была в моей голове всегда. О чём бы я ни думал, чем бы я ни занимался, где-то на фоне этих мыслей обязательно присутствовала Элин. И никакие практики, зелья, обряды и прочее так и не смогли изгнать её из моего сознания и подсознания.

Одним богам известно, сколько раз я хотел бросить всё и поехать к ней. Хоть на день, хоть на час. Но не мог, ведь понимал, что отпустить её снова будет невыносимо сложно, а в Вергонии для неё ещё слишком опасно.

До сих пор не закрыто несколько расследований, касающихся попытки переворота полуторалетней давности. Среди министров оставалось несколько неблагонадёжных, они могли представлять опасность, но пока так ни на чём и не попались. В столице ещё проживало несколько семей беспринципных аристократов, каждый из которых считал, что я обязан жениться именно на его дочери. Следовательно, та, кого я назову невестой, сразу попадёт под их удар.

Я понимал, что дворец – не место для Эбелин, но с каждым днём мои собственные доводы таяли под гнётом тоски по этой девушке. Раз в неделю приставленный к ней агент присылал мне информацию: что делала, с кем общалась, как проходит её учёба. Я знал, что она живёт с отцом, крепко сдружилась с Кэтрин, а вот отношений с мужчиной так и не завела. А ещё у неё был липовый жених, с которым она вела себя отстранённо и сдержано, скорее, как с хорошим знакомым. То есть, их свадьбы опасаться не стоило вовсе.

Иногда я думал, как бы отреагировал, если бы мне доложили, что у Эби появился возлюбленный? Если бы она действительно завела с кем-то романтические отношения? Вероятнее всего, меня не удержали бы ни обязанности, ни обстоятельства, ни совесть. Я бы просто забрал её в Харсайд и уже там бы мы оба начали выяснять, остались ли у неё ко мне чувства... или их никогда не было.

– Хельм, ты здесь? – насмешливым тоном позвал Гервин. – Похоже, из нас двоих именно ты не в себе. Говорю с тобой, а ты будто в трансе.

– Извини, задумался, – бросил я, потом перевёл взгляд на Кэт и уверенно сказал: – Я согласен стать калтоном для вашего сына.

Кэт удивлённо моргнула, растерянно повернулась к супругу, а Гервин улыбнулся так довольно, будто именно такого поворота и ожидал.

Демонов хитрец! Зато я понял всю суть его задумки. И, что самое удивительное, у меня не возникло ни единого порыва её сломать. Более того, я вдруг окончательно и бесповоротно понял, что нужно делать. И пути назад у меня, кажется, уже нет.

Глава 27. Церемония, побег и танец

Эбелин

Ритуал должен был пройти в дворцовом храме, но по правилам начинался он от дома родителей малыша, а в случае Кэтрин – от покоев кронпринца. До храма ребёнка несла родная мать, а мне, как калтонии, следовало идти строго за ней, чтобы потом у самых дверей взять названного сына на руки и внести на территорию святыни.

– А сколько примерно будет идти вся церемония? – спросила я у Кэтрин, которая нервно поправляла оборки на строгом белом платье.

– Гервин сказал, около получаса, – ответила она. – Я сама на подобном никогда не присутствовала. В Вергонии таких ритуалов нет.

Она то и дело поглядывала на часы и казалась взвинченной.

– А если стихии его не примут? Если что-то пойдёт не так? – выпалила Кэт, всплеснув руками. – Или Астер напугается служителей? Или случится ещё что-то?

– Не переживай ты так. Справимся. Всё пройдёт отлично.

– Но наш сын айв только наполовину. Что, если богиня Герда решит, что он не достоин быть принцем? Что, если у него не будет крыльев?

Я уже предлагала ей принять успокоительное, но Кэтрин отказалась наотрез. Обычно она была крайне уравновешенной и здравомыслящей, но если уж начинала нервничать, то делала это со всей искренностью и воодушевлением.

– Будут у него крылья, – заверила я подругу. – И он айв, не сомневайся, это уже сейчас чувствуется.

Дверь открылась, и няня внесла в гостиную улыбающегося мальчишку. Увидев мать, Астер сразу потянулся к ней. Кэт взяла его на руки, прижала к груди, и в её глазах появилось так необходимое сейчас спокойствие. Малыш обнял маму за шею и шаловливо улыбнулся, но тут заметил меня и тут же потребовал опустить его на пол.

Астеру всего несколько недель назад исполнился год, но, тем не менее, ходил он уже уверенно и даже пытался бегать. До меня он

дошёл легко и сам попросился на ручки. Отказать этому обаятельному голубоглазому brunetu я никак не смогла.

– Пора идти, – медленно выдохнув, сказала Кэтрин. И тихо добавила: – Скорее бы всё это закончилось. Надеюсь, всё пройдёт хорошо.

В торжественном шествии до храма принимали участие, наверное, все женщины дворца: от королевы до горничных. Но на саму церемонию должны были попасть лишь избранные – родственники и близкие друзья, а остальным предстояло ждать во дворе.

И всё шло хорошо: мы без происшествий добрались до заветной двери, Кэт передала мне Астера, под пение хора я внесла малыша в храм... но, идя к алтарю, вдруг почувствовала, будто меня укутало тёплой волной: приятной, ласковой, нежной. Это было очень знакомое ощущение из прошлого, такую реакцию вызывал у меня лишь один человек. Но он никак не мог быть здесь, его бы точно не пустили на церемонию.

Отбросив лишние мысли, я дошла до алтаря, где стоял служитель в белой рясе, и поклонилась ему. По правилам, теперь я должна была смотреть только вперёд, но когда вдруг почувствовала, что за моей спиной кто-то стоит, причём довольно близко, то едва сдержала желание обернуться.

Обряд начался, пение хора звучало все громче, вокруг нас закружили стихии. Астер наблюдал за полупрозрачными вихрями энергий с интересом и широкой улыбкой, а они касались его ручек, ножек, головы и будто щекотали. Это продолжалось довольно долго, но, наконец, стихии сплелись, успокоились и взорвались пылью, осыпавшей нас с маленьким принцем золотистыми искрами.

– Передайте сына калтону, – сказал служитель мне. – А сами встаньте справа от него.

В этот момент я растерялась. Ведь Кэт говорила, что калтона не будет, они так никого и не нашли. И кому мне отдать Астера?

– Давай, Элин, – услышала я у самого уха мягкий и до боли знакомый голос.

Хельм появился передо мной, как мираж. Как чудо, в которое уже не веришь. Как грёза, которая неожиданно стала реальностью. И пока я пыталась поверить своим глазам, он забрал у меня Астера, улыбнулся ему и встал перед служителем.

Мне следовало прислушиваться к продолжающемуся обряду, следить за происходящим вокруг, но я глупо рассматривала Анхельма и никак не могла отвернуться. Он почти не изменился, разве что волосы стали длиннее, и теперь королю Вергонии приходилось собирать их в низкий хвост. На нём был белый мундир, пальцы украшали несколько перстней, а на голове красовалась золотая корона. Именно она казалась лишней во всём образе, Хельм и без неё выглядел, как настоящий король.

Я знала его совсем другим, оттого сейчас будто бы смотрела на незнакомца. А он так внимательно слушал служителя, настолько был погружен в ритуал, что совсем не замечал моего пристального внимания.

Пришлось заставить себя тоже вернуться к происходящему, а то ещё провороню какой-нибудь важный момент, и Кэт это очень огорчит.

Когда перед статуей богини Герды служитель нарёк малыша именем Астер и вписал его в храмовую книгу, церемония закончилась. Теперь, по правилам, калтон должен был передать ребёнка отцу, а тот – вынести из храма и показать людям. Считалось, что после церемонии имянаречения ребёнок получает защиту стихий и богини Герды, и ему больше не страшны чужие злые взгляды и мелкие проклятия.

Видя, как Хельм вручает малыша Гервину, я вдруг с кристальной ясностью поняла, что мне срочно нужно уходить. Не факт, что Анхельм вообще решит со мной разговаривать, но рисковать не стоило. И пока вокруг царила суета, я отошла к боковой аллее и направилась в сторону делового крыла дворца. Мне было жизненно необходимо хоть немного побыть одной, успокоить нервы, разобраться с эмоциями. А главное – оказаться подальше от венценосного вергонца, который одним своим присутствием умудрился выбить меня из равновесия.

Когда спустя полчаса я пришла в зал приёмов, здесь уже собралась целая толпа разодетых гостей, а праздник должен был начаться с минуты на минуту. Так хотелось спрятаться где-нибудь за колонной и весь вечер просидеть там, но Кэт же не позволит. Да и перед Кастелом неудобно, он же сюда только из-за меня пришёл. Поэтому первым делом я решила отыскать своего кавалера.

Каст ждал на первом балконе от входа, как мы с ним и договаривались. Увидев меня, восхищённо улыбнулся и изобразил

учтивый поклон.

– Ты великолепна. Очень красивая, – сказал он, взяв меня за руку. А поднеся мои пальчики к губам, добавил: – Я бы многое отдал, если бы ты согласилась стать моей настоящей невестой.

– Кастел, – виновато проговорила я. – Ты же знаешь...

– Твой недуг излечим, Эби. Поверь, я интересовался у специалистов. Тут дело в том, что ты сама не хочешь от него избавляться.

В его голосе звучал мягкий укор, а взгляд обжигал грустью. Я не раз говорила Касту, что не смогу его полюбить, предлагала закончить наши странные отношения, чтобы дать ему шанс найти себе нормальную девушку, но он всегда отказывался, уверяя, что уже нашёл свою единственную, и другая ему не нужна.

– Идём в зал, – я попыталась закрыть неприятную тему. – Мне нужно присутствовать на официальной части вечера. Потом можем уйти, если хочешь.

– Как тебе будет угодно, – проговорил он, отведя взгляд. Уложил мою руку на сгиб своего локтя и повёл в зал.

– Разрешите пригласить вас на танец.

Услышав рядом голос Хельма, я вздрогнула и крепче вцепилась в локоть Кастела. Весь вечер мне удавалось избегать этой встречи. Благо Анхельм был фигурой заметной, проводил время или с сестрой и её супругом, или с Гервином и Кэт, или со своей свитой, да и местные красавицы не давали ему прохода. Решив, что на всякие глупости вроде разговора со мной у него просто не останется времени, я успокоилась, даже смогла немного расслабиться. Но, как оказалось, зря.

– Прошу прощения, ваше величество, но моя невеста не танцует, – чуть дрогнувшим голосом, но всё же твёрдо ответил Каст.

Хельм вздёрнул светлую бровь, холодно посмотрел на моего кавалера и снова перевёл на меня вопросительный взгляд.

– Эбелин? – сказал он, вложив в моё имя всё, что хотел спросить.

– Простите, ваше величество, но я действительно предпочитаю на подобных мероприятиях не танцевать с посторонними мужчинами, – ответила я, собрав в кулак всё своё хладнокровие.

Но вместо того, чтобы молча удалиться, он протянул мне руку в приглашающем жесте.

– Эбелин, не ставьте меня в неловкое положение, – проговорил он холодно. – Я всё же гость вашей страны, а ваш отказ может спровоцировать лишние разговоры и существенно испортить отношения между нашими королевствами.

Фактически, он не оставлял мне выбора. И как бы ни хотелось прямо сейчас изобразить обморок или как-то иначе избежать этого танца, пришлось соглашаться.

Едва я вложила руку в его ладонь, и по телу пронеслась обжигающая волна. Хельм мягко сжал мои пальцы, кивнул Кастелу и неспешно повёл меня к танцующим. Зазвучали первые аккорды, оркестр заиграл мягкую неспешную мелодию, и Анхельм осторожно приобнял меня за талию, как и требовал танец.

Мы закружили вместе с остальными парами, но мне казалось, что моё сердце сейчас стучит так громко и сильно, что его может услышать каждый.

– Ты слишком напряжена, – тихо сказал Хельм. – Я тебя пугаю?

– Нет, ваше величество, – ответила максимально спокойно и холодно, а смотреть старалась выше его плеча. – Я просто не люблю танцевать. С чужими.

– Элин, – он наклонился чуть ближе к моему уху, – с каких пор я стал тебе чужим?

Стоило промолчать, перевести тему или придумать подходящую отговорку. Но что-то дёрнуло меня сказать правду:

– Наверное, с тех самых, как вернулись в свою привычную жизнь, а надобность в невесте из Айвирии отпала.

Он чуть крепче сжал мои пальцы, а я почувствовала его недовольство. Вот только меня не проняло.

– Не ври, что была со мной только из-за клятвы и договора, – сказал Анхельм. – Мы оба знаем, что это не так.

– И мы оба знаем, что вы забыли о моём существовании сразу после того, как вернули свою драгоценную корону, – бросила я с упрёком. – Кстати, спасибо за откуп. Те драгоценности позволили нам

с отцом приобрести дом. Ведь после освобождения ему не стали возвращать конфискованное имущество.

Хельм напряжённо и резко вздохнул, но промолчал. Правда, хватило его молчания всего на полминуты.

– Нам надо поговорить. Наедине. Без свидетелей. Это важно, Элин, – сказал он серьёзным, назидательным тоном. – Давай встретимся сегодня после бала. Назначь любое место.

– О чём нам с вами разговаривать? – спросила я устало. – У вас своя жизнь, у меня – своя. Они далеки друг от друга и вряд ли будут часто пересекаться.

– А я хотел рассказать тебе о Гарсинии, Холте, о том, что стало с ведьмой, пытавшейся меня убить. Ещё о некоем рабе Риноре, который отбывал наказание в каменоломнях на севере Айвирии, а некоторое время назад сбежал.

Я испуганно вздрогнула, но Хельм прижал меня чуть ближе к себе и осторожно погладил по спине.

– Тебе нечего бояться. Насколько я знаю, добежал он только до ближайшего обрыва, попытался каким-то чудом призвать крылья, но они не раскрылись. Так что эта тварь больше никому и никогда не причинит вреда.

Его слова не успокоили, даже наоборот, заставили ещё больше нервничать. Вопреки логике, я не могла порадоваться кончине своего бывшего хозяина. Ведь жизнь бесценна, даже если она принадлежит такому отвратительному айву.

Мелодия стала стихать, пришло время заканчивать танец, но, вопреки логике, вместо облегчения меня окутало разочарование.

– Я буду ждать тебя в полночь на той лавочке, где мы с тобой так часто встречались, – сказал Хельм, прежде чем отпустить меня. – Пожалуйста, прилетай.

Отвечать я не стала, тем более, что мы почти дошли до того места, где стоял Кастел. Хельм кивнул на прощание и скрылся в толпе. Мне же в этот момент отчаянно захотелось пойти с ним, догнать... но я осталась на месте.

– Вы с ним настолько хорошо знакомы? – спросил Каст, хозяйским жестом положив ладонь на мою талию, а в его голосе слышалась ревность. – Ты позволила ему тебя обнимать и при этом не дрожала. Говорила с ним уверенно, даже дерзко. Так может, дело не в

твоей травме, а во мне? Может, ты только меня держишь на расстоянии?

– Прекрати, – буркнула я, одарив его холодным взглядом. – Что касается его величества... Только благодаря его показаниям с меня сняли обвинения, и потом я некоторое время была вынуждена жить в Вергонии. Да, мы хорошо знакомы, но между нами ничего нет.

После таких пояснений Каст стушевался и больше эту тему не поднимал. Правда, на празднике мы пробыли ещё всего чуть больше часа. А когда я сказала, что хочу уйти, он не стал возражать.

Кэт тоже спокойно отнеслась к моему уходу. Когда мы подошли попрощаться, она бросила быстрый взгляд на стоящего в стороне Хельма и понимающе улыбнулась. В действительности, о наших с ним взаимоотношениях я не рассказывала никому, это было только моей тайной, моим тёплым нежным воспоминанием, которым не хотелось делиться ни с одним человеком. Но, как мне кажется, Кэтрин догадывалась, что я далеко не равнодушна к вергонскому королю, правда, вслух она на это ни разу не намекала.

Когда мы с Кастелом шли к выходу из зала, я чувствовала на себе пристальный, обжигающий взгляд Хельма. Мне очень хотелось увидеть его ещё хотя бы мельком, но я смогла не обернуться.

Нет, наше общение не имеет смысла. Мне давно пора окончательно выбросить его из головы, стереть воспоминания о нём, начать новую жизнь. И встречаться нам не стоит, и обсуждать нам нечего. Это ведь всё только усложнит.

Хотя... возможно, если бы мы поговорили, то я сумела бы поставить точку в своих иллюзиях. И может, не сразу, но всё-таки смогла бы выбросить из сердца Анхельма Вергонского.

Вот только рассчитывать на это не стоило. По-хорошему, мне лучше держаться от него подальше. Ведь уже завтра он вернётся в свою Вергонию, и его вряд ли будет волновать то, как ноет без него моя истрёпанная душа и болит разбитое сердце.

Анхельм

На тёмном небе сияли две луны: Гайса и Фейра. Они равнодушно смотрели на меня с разных сторон небосвода и будто насмехались над наивным самоуверенным бедолагой. Будь я на их месте, тоже взирал бы на себя снисходительно, как на придурка, решившего, что мир крутится исключительно вокруг него, и всё должно получаться только так, как ему хочется.

Пригубив вина из бокала, я снял с ближайшего блюда металлический колпак и пальцами вытащил оттуда кусочек ароматной рыбы.

Мне казалось, что она должна понравиться Элин, как и это лёгкое сухое вино с фруктовыми нотками... как и сервированный на двоих круглый стол и удобные плетёные кресла... как и золотистые огоньки, украсившие все ближайшие деревья. Я хотел сделать ей сюрприз, показать себя с романтической стороны, да и просто порадовать. Но что-то в моём плане явно пошло не так.

Со стороны тропинки послышался звук шагов, а спустя несколько мгновений в круге света появился Висл. Он старался делать вид, что всё в порядке, но я заметил промелькнувшее в его взгляде сочувствие.

– Долго собираешься ждать? – спросил он, стараясь говорить равнодушно. – Уже два часа ночи. Может, пойдём?

Я снова посмотрел на луны: сначала на фиолетовую Гайсу, потом на золотистую Фейру, и опять пригубил вино.

– Как думаешь, почему она не прилетела? – спросил я друга.

– Тут много вариантов, Хельм, – ответил он, заняв кресло напротив меня. – Не смогла. Не захотела. Побоялась. А вообще, если тебе это настолько важно, спроси у неё сам. Наведайся в гости прямо с утра и задай этот вопрос в лоб. Тем более, ты точно почувствуешь, если она солжёт.

Я прокрутил в голове его фразу и решительно поднялся с места.

– Уходим? – поинтересовался Вислер, который как раз потянулся за виноградом.

– Да, – кивнул я. – Только распорядись, чтобы здесь всё убрали. И возвращайся во дворец без меня.

– А ты? – нахмурился Висл.

– А мне предстоит важный разговор. И ждать до утра я не стану.

Я направился к тропинке, но был остановлен окликом Висла:

– Хельм, это не лучшая идея, – сказал он, пытаясь меня вразумить. – Сейчас у вас точно не получится продуктивного диалога.

– Значит, начнём с непродуктивного, а там и до важных тем доберёмся.

– Одумайся! – не сдавался Вислер. – Серьёзно.

– Нет, Висл.

И ушёл, не став ничего ему объяснять.

Конечно, с точки зрения здравого смысла, моё решение казалось возмутительным. Но я чувствовал, что поступить нужно именно так. Отстранённости и напускной холодности Эбелин мне на балу с головой хватило. Я хотел получить её искренность, услышать честные ответы на свои вопросы и понять, что в действительности я для неё значу. А для этого моя дерзкая задумка подходит просто идеально. Значит, её нужно осуществить как можно скорее.

Глава 28. Ночной гость, отец и приглашение

Эбелин

У меня никак не получалось уснуть. В голову безостановочно лезли мысли о Хельме, танце с ним, назначенной встрече, в какой-то момент я даже хотела пересмотреть своё решение и всё-таки полететь к нему, но вовремя взяла себя в руки. Нет, это бессмысленно и ни к чему не приведёт. Моя жизнь только наладилась, пришла к стабильности, стала понятной и предсказуемой. Я так долго её выстраивала, училась, зарабатывала репутацию талантливого целителя. В академии на меня только совсем недавно перестали показывать пальцем и шептаться, что я бывшая рабыня. Теперь ко мне всё чаще обращались за советом другие студенты, а преподаватели смотрели с уважением.

А Хельм... это яркая вспышка, которая может согреть, а может и сжечь. Для него всегда на первом месте будет его страна, его амбиции, политические ходы и чёткий расчёт. У нас с ним нет и не может быть общего будущего. Не знаю, что он хотел обсудить, зачем вообще назначил эту встречу ночью в пустынном месте, но я правильно поступила, что не пошла.

Да, правильно... Но почему тогда так ноет сердце и болит душа? Почему так безумно хочется выбраться на крышу, призвать крылья и рвануть к нему? Хотя... вряд ли он до сих пор ждёт. Наверняка, увидев, что меня нет на месте, сразу ушёл. В конце концов, он король и должен ценить своё время, а не тратить его на какую-то айвирку, решившую проигнорировать его приглашение.

Мне почти удалось задремать, когда до слуха донёсся щелчок открываемого замка на моей двери. Да, я закрывалась даже в отцовском доме, это давно стало привычкой, так я чувствовала себя спокойнее. Но сейчас кто-то явно смог открыть запертую изнутри щеколду, и это заставило меня мгновенно собраться.

Я быстро поднялась с постели, создала в руке обездвиживающее плетение, уже собралась кричать, звать на помощь... как вдруг в

лунном свете увидела мужчину с белыми волосами.

– Элин, не пугайся, это всего лишь я, – проговорил он, закрывая за собой дверь.

– Хельм?! – выпалила я, боясь поверить своим глазам.

Но уже чувствовала, что это действительно он. Сердце застучало часто, в груди потеплело, а низ живота сладко заныл. И так нестерпимо захотелось подойти ближе, прижаться к нему, ощутить его тепло. Но я сдержалась.

– Ты проник в мою спальню, – сказала возмущённо и даже скрестила руки на груди. – Это недопустимо.

– Ты не пришла на встречу, – ответил он и медленно направился ко мне.

– Я не обещала, что приду.

Он подошёл так близко, что мне пришлось упереть ладонь в его грудь – только это заставило его остановиться. Хотя мы оба понимали, что Хельм просто даёт мне иллюзию контроля над ситуацией.

– Я ждал. А потом решил отправиться к тебе сам, – сказал он и накрыл мою ладонь своей, мягко сжал и отвёл в сторону.

– Уходи, Хельм, – я отвернулась, но даже не попробовала высвободить руку. – Нам не о чем говорить. Всё уже было сказано. Наши дороги давно разошлись.

– А что мешает им сойтись вновь? – поинтересовался он с улыбкой.

Легко погладил меня по щеке и коснулся подбородка.

– Разве что-то изменилось? – я всё-таки посмотрела ему в глаза.

– Много, – шепнул он и коснулся губами моей щеки.

Я замерла, не в силах отпрянуть. Прикрыла глаза, глупо наслаждаясь такой простой лаской. А Хельм запустил руку в мои волосы, чуть помассировал затылок... а его губы накрыли мои.

По телу мгновенно разлилась нега, всё моё существо потянулось к нахальному вергонцу. И как я ни старалась оставаться холодной и отчуждённой, но эта маска слишком быстро треснула и рассыпалась, выпуская на волю мои истинные эмоции.

Я обняла его за шею и ответила на поцелуй, вкладывая в него все те чувства, что сейчас клубились в душе. И злость, и обиду, и тоску, и нежность. Я ведь так сучала по нему, хоть и запрещала себе о нём

думать. Но сейчас он был рядом... и у меня не нашлось сил и воли его оттолкнуть.

Хельм целовал нежно, осторожно, гладил мои плечи, спину и прижимал к себе всё крепче. Но во мне уже пылали пожары острых, как бритва, эмоций. Хотелось, чтобы он понял, как мне было плохо без него, как я злюсь на себя, что сейчас так глупо таю в его объятиях. И я укусила его за губу. Думала, после этого он отстранится, отпустит, но он издал полный желания стон, а от осторожной нежности не осталось и следа.

Поцелуи стали резкими, страстными, такими яркими, что у меня подкосились ноги. А Хельм вдруг подхватил меня на руки и шагнул к кровати.

– Как же я по тебе соскучился, – шептал он, лаская поцелуями мою шею.

Я не стала отвечать, да и вообще уже не могла адекватно мыслить. Все мои желания свелись к тому, чтобы скорее почувствовать под пальцами его обнажённую кожу. Я выправила из-под ремня его рубашку и, наконец, коснулась тёплой сильной спины моего короля. Но он не собирался оставаться в долгу, потянул наверх мою ночную сорочку и, сняв, отбросил в сторону. А затем стащил через голову и свою рубашку, проигнорировав пуговицы.

Мы снова целовались, как сумасшедшие. Кусались, сталкивались зубами, языками, пили дыхание друг друга, будто были друг для друга самым вкусным и необходимым живительным бальзамом.

– Я так тебя хочу, Элин. У меня нет сил сдерживаться. Прости, если пугаю, я постараюсь действовать осторожнее, – проговорил он, на мгновение отстранившись.

Вместо ответа я сама поцеловала его, потянувшись к ремню на брюках. А едва он понял, что именно я пытаюсь сделать, как сам быстро избавился от остатков своей одежды.

Но, несмотря на сжигающую нас обоих страсть, он входил в меня медленно, не разрывая поцелуя. А полностью оказавшись внутри, остановился, приподнялся на руках и посмотрел мне в глаза.

– Вот теперь всё правильно, – сказал Хельм, лаская меня чуть затуманенным взглядом.

– Что? – не поняла я и сама двинула бёдрами, призывая его к действию.

Он начал двигаться, но продолжал удерживать мой взгляд своим.
– Всё. Ты, я, мы.

Я не осознавала смысл его слов, да и не могла сейчас думать. Мне хотелось совсем иного. И Хельм понял, снова завладел моими губами, а толчки стали резче, быстрее. Каждый из них задевал внутри невидимые струны, всё сильнее вознося меня к вершинам надвигающегося наслаждения. Я двигалась вместе с Хельмом, ловила его ритм и, кажется, уже начала постанывать в голос.

А потом моя вселенная взорвалась миллиардами звёзд, а по телу прокатились несколько волн чистейшего, концентрированного удовольствия. На мгновение показалось, что меня качает на волнах огромного океана, и только сладкие, резкие движения Анхельма во мне оставались единственной связью с реальностью.

Он пришёл к пику почти сразу после меня. Его оргазм оказался таким же сильным, но, ловя своё наслаждение, Хельм снова завладел моими губами, будто стараясь разделить со мной удовольствие. Мне даже показалось, что я смогла уловить его эмоции, в которых расслабленность смешивалась с безграничной нежностью. И так захотелось раствориться в этом моменте, остановить такой прекрасный миг и уж точно не думать о том, что ждёт нас в реальности.

Вот только реальность ждать не пожелала, она ворвалась к нам неожиданно и резко. Внезапно с грохотом распахнулась дверь, над головой зажегся яркий свет, а грубый мужской голос грозно прорычал:

– А ну слезь с моей дочери! Иначе прикончу прямо с голым задом!

Папа?!

Я отпихнула от себя Хельма, поспешила прикрыться и сразу же села на постели.

– Папа, всё в порядке. Ничего ужасного не произошло, – поспешила я заверить его. – Не нужно никого убивать.

– Это я сам решу! – рыкнул он, держа наготове боевое плетение.

Анхельм мгновенно натянул штаны и встал перед моим отцом.

– Эрн Лиссер, спокойно, – сказал вергонец, выставив перед собой ладони. – Эбелин со мной по своему желанию. Я никогда не стал бы ни к чему её принуждать.

– Моя дочь не переносит, когда её касаются мужчины, – прорычал в ответ отец. – Даже моё близкое присутствие рядом её напрягает. И ты

хочешь сказать, что она сама позволила тебе влезть в её постель? Чем ты её накачал? Что это за афродизиаки? Наверняка из запрещённых. Немедленно отвечай правду! Он может её отравить!

– Папа! – воскликнула я, кутаясь в одеяло. Даже смогла встать между ним и Хельмом, но смотрела при этом только на отца. – Он ничего мне не давал. Это не первая наша ночь.

– Даже так?! – выкрикнул родитель. – Отойди, Эби, я сейчас расскажу этому хлыщу, как спать с моей дочерью. Нашёл себе подстилку!

Я была так обескуражена его обвинением, что просто застыла на месте. Хельм шагнул ко мне, обнял за талию и мягко отодвинул в сторону. Сам же остался лицом к лицу с моим отцом, но выглядел при этом таким уверенным, будто именно он контролирует ситуацию.

– Не смейте оскорблять Элин, – сказал он твёрдо. – Она моя невеста. Будущая жена. И предлагаю вам убрать магию, она всё равно мне не повредит, а Эбелин может случайно поранить. Давайте выйдем, поговорим спокойно.

Я переводила обескураженный взгляд с чуть растерянного отца, на собранного, серьёзного Хельма, и просто не представляла, как реагировать на его слова.

Невеста? Будущая жена? Ему что, опять понадобилось показать всем ту, что, по мнению Гарсинии, предназначена для него богами? Он снова решил втянуть меня в свои игры?

– Я ему не невеста! – заявила я, глядя в глаза отцу. – Но между нами в прошлом была определённая связь. Сейчас мы просто оба глупо сорвались. Папа, прости за эту сцену. Нам стоило вести себя тише. Но Хельм уже уходит.

Повисла тяжёлая тишина, в которой так и чувствовалось недоумение одного мужчины и злость другого. Причём злился именно Анхельм.

– Эрн Лиссер, позвольте поговорить с вашей дочерью наедине. У нас с Элин явно возникло недопонимание. Потом я обязательно всё вам объясню и официально попрошу руки Эбелин. А сейчас оставьте нас.

Хельм давил аурой и авторитетом. Он смотрел на моего отца так строго, что тот даже стушевался. И, в итоге, махнул рукой, сказал, что будет ждать внизу, и вышел.

Едва за ним закрылась дверь, я обернулась к Хельму.

– Как это понимать?! Тебе снова нужно прикрытие? Хочешь, чтобы я опять сыграла роль твоей жены? Зачем, Анхельм? – меня несло. Эмоции били через край, а чувство обиды было среди них самым сильным. – Снова используешь и выбросишь?

Он шагнул ко мне, но я отпрянула. Упёрлась спиной в стену и продолжила отступать вдоль неё. Хельм наблюдал за мной с холодной решимостью, но приближаться больше не пытался.

– Элин, дай мне сказать. Ты видишь ситуацию совершенно неправильно, – он говорил холодно, но спокойно. – И я пришёл к тебе только потому, что очень соскучился. Безумно хотел тебя увидеть.

– Прошло полтора года, Хельм. Ты несколько раз за это время побывал в Айвирии, и желания увидеть меня у тебя почему-то не возникало. А тут вдруг резко соскучился! Именно после того, как мы встретились на балу. Или теперь, когда я стала калтонией юного принца, то начала интересоваться тобой ещё и с политической точки зрения? Так вот, не нужно мной играть или делать меня пешкой в своих играх. Больше всего я хочу просто жить спокойно.

Анхельм сделал шаг ко мне и сразу остановился.

– Ты упрямо не даёшь мне ничего сказать, – проговорил он, покачивая головой. – На балу изображала чужую, на встречу не пришла, теперь тоже только обвиняешь. А я ведь хотел сделать всё красиво, по правилам. Если бы ты соизволила прилететь на наше место в академии, мы бы там спокойно поговорили. Я хотел тебя порадовать, хотел начать всё заново. Со свидания, как бывает у нормальных людей. Но ты отказалась, и я пришёл сюда. Вот только разговора снова не получилось, хотя и тут виноват не я один – мы оба в эту пропасть прыгнули.

Я отвела взгляд, расправила плечи и всё-таки спросила, всеми силами стараясь говорить равнодушно:

– И что же ты хотел сказать?

– Сейчас ты меня не услышишь, – он медленно покачал головой и подобрал с пола свою рубашку. – Отдыхай, Элин. Поговорим в другой раз.

И направился к выходу из комнаты.

Я же оказалась не готова к тому, что он так просто уйдёт. Без объяснений, без попыток оправдаться.

Первым порывом было побежать за ним. И я даже сделала несколько шагов к двери, но вдруг поняла, что это глупо. Хельм прав, сейчас мы ни до чего хорошего не договоримся. Я на взводе, он – тоже. Но... когда теперь случится этот «другой раз»? И случится ли вообще?

Хотя, может, всё это – просто попытка уйти от разговора? Может, он и невестой меня назвал, чтобы обезоружить и успокоить папу? А что, своего рода политический ход, вполне в репертуаре вергонского короля.

И не надо надумывать лишнего, строить иллюзии, мечтать об ответных чувствах. Я же знаю Хельма – если бы он не хотел уходить, то не ушёл бы. И сказал бы всё, что собирался. Он ведь всегда добивается тех целей, которые считает важными. А значит... нечего и ждать.

Вот и пусть катится! И никогда больше не смеет возвращаться!

Увы, моего воинственного настроения хватило ненадолго. Он разлетелся вдребезги, едва стоило осознать, что Хельм действительно может больше никогда не вернуться. Он ведь не простой парень, а король. А я наговорила ему столько всего, не стала его слушать, обвинила в коварстве, а ещё и на встречу не пришла. Нанесла столько ударов по его королевской гордости... Била, не думая, что делаю больно.

Нет, так нельзя! Нужно срочно всё исправлять!

И, не думая больше ни секунды, натянула найденную в углу сорочку и бегом понеслась прочь из комнаты.

Анхельм

Спускаясь вниз по ступенькам, я быстро застёгивал рубашку и пытался приглушить слишком уж разыгравшиеся эмоции. Обычно у меня хорошо получалось возвращать себя в спокойное, рассудительное состояние, но сегодня выдержка почему-то давала сбой.

Висл был прав, не стоило идти к Элин среди ночи. Но я всё равно не жалел, что пришёл. Ведь она не была готова к такой встрече, поэтому даже не пыталась что-то изображать или прятать чувства.

Эбелин тоже скучала по мне, а целовала так, что я забывал обо всех своих обязанностях. И у неё совершенно точно были ко мне чувства, оттого её так обидело моё долгое отсутствие в её жизни.

Но теперь уж она никуда от меня не денется. Хватит. Враги никогда не переведутся, сложные ситуации будут возникать и дальше, бесконечно ждать благополучного времени слишком глупо. Да, я сам сделал так, чтобы Элин оказалась подальше от всех политических игр моего двора, думал, что это для нас с ней будет лучшим решением. Но теперь окончательно убедился, что больше так не хочу.

– Уже уходите? – донёсся до меня желчный и злой голос отца Эбелин.

Он сидел в кресле посреди просторной гостиной, утопающей в полумраке, и смотрел на лестницу. Видимо, ждал здесь именно меня.

– Нет, – ответил я, преодолев последние ступеньки. – Как раз собирался поговорить с вами. Только предлагаю для начала познакомиться.

– Мне известно, кто вы, – ответил он, поднимаясь на ноги. – Лицо сразу показалось мне знакомым, а когда Элин назвала вас Хельмом, я внезапно вспомнил, где и при каких обстоятельствах видел вас раньше.

Теперь он стоял напротив, смотрел мне в глаза и казался решительным и серьёзным.

– Я виноват перед вами и перед Эбелин, – проговорил я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. – И постарался искупить свою вину. Но это дела прошлого, которое всем нам лучше бы вычеркнуть из памяти. В настоящем же я хочу жениться на вашей дочери.

– Почему? Она ведь совершенно вам не подходит. Ни по происхождению, ни по статусу, ни по магическому потенциалу, – ответил он, скрестив руки на груди. – Эби – простая студентка-целительница. У нас с ней от прошлого благосостояния остались только приставки эрн и эрни к фамилии.

Возразить на это было нечего. Он говорил правильные вещи, логичные. Но я всё равно собирался поступить вопреки этой логике, потому что сегодня, увидев Элин, окончательно осознал, что хочу быть с ней. Хочу, чтобы она засыпала и просыпалась со мной, чтобы улыбалась мне, делилась со мной своими мыслями, переживаниями. Чтобы была только моей.

Сегодня, когда она вошла в храм, держа на руках сына ГERVина, я вдруг почувствовал жгучую досаду. И так захотелось увидеть её совсем с другим малышом. С моим. Нашим. И плевать на политику, выгоду и прочее. В конце концов, я и так живу интересами Вергонии, делаю всё возможное для процветания своей страны. И если выберу в королевы женщину, с которой действительно хочу быть, хуже уж точно никому не станет. Скорее, даже наоборот.

– Вы правы, – ответил я эрну Лиссеру. – Брак с Элин не принесёт мне ни экономической, ни политической выгоды. Но я всё равно на ней женюсь. Потому что хочу этого.

– В вас говорят желания плоти, – мужчина снисходительно усмехнулся.

– Считаете меня таким беспросветным и наивным глупцом? – ответил я на его усмешку.

– Нет, но... – он опустил голову, будто ему было тяжело выдерживать мой взгляд. И, медленно выдохнув, вдруг предложил: – Идёмте на кухню. Не знаю, как вам, а мне точно необходим успокоительный отвар. Не каждый день застаёшь в постели дочери короля соседней страны.

Эта фраза удивительным образом смягчила накалённую обстановку. Возражать я не стал. Мне самому требовалась хоть какая-то передышка в столь сложном разговоре, а кухня – именно то место, где говорить на личные темы намного проще.

Пока эрн Лиссер заваривал травы, я прошёл по просторному уютному помещению с небольшим столом и довольно современной магической техникой. Опустившись на деревянный стул, предоставил, как Эбелин готовит тут вечерами, и на душе стало теплее.

– Что ответила Эби на ваше предложение? – спросил хозяин дома, ставя передо мной чашку.

– Ничего определённого, – сказал я. – Мы толком не поговорили, но обязательно всё обсудим.

– А если она не согласится? Вы примете её отказ? – мужчина сел напротив меня и пригубил дымящийся, пахнувший травами напиток. – Для вас вообще имеет значение её мнение? У Эби, между прочим, есть жених.

– Знаю. Но он скорее друг. Хотя у меня может быть неточная информация, – я тоже отпил немного, оказалось вкусно.

– К тому же, вместе со статусом вашей жены идёт и статус королевы, – добавил он. – Ваше величество, Эби и так по вашей вине пережила немало страшного. Ей до сих пор снятся кошмары. Её жизнь только-только наладилась, вошла в колею. Ей нужен надёжный любящий мужчина, семья, уют и спокойствие. Всё то, чего вы дать ей не сможете. Я люблю дочь, ценю её таланты, но роль супруги правителя не для неё.

От его слов сжималось сердце. Он был прав и в самом деле думал в первую очередь об Элин. Я попытался найти подходящие доводы, чтобы возразить, но... все они казались слишком эгоистичными. Да я хотел быть с ней, но... не обреку ли я её этим на страдания? Не станет ли она несчастной рядом со мной?

Вдруг до слуха донёсся звук быстрых шагов. А спустя полминуты в дверном проёме появилась взволнованная Элин. Увидев меня, вздохнула с непередаваемым облегчением.

Следуя порыву, я поднялся, сделал к ней всего шаг, и она доверчиво влетела в мои объятия.

– Ты не ушёл, – прошептала она мне в шею и будто бы даже всхлипнула.

Я прижал её к себе крепче. Она была такой хрупкой, такой нежной и по-настоящему моей. Сейчас Эбелин казалась ранимой, но ведь именно она не раз меня спасала, была рядом в очень сложные моменты, помогала, поддерживала. Она вытянула меня с грани. И нет, Эбелин точно не слабая. Эта девушка прошла через рабство, но смогла вернуться к жизни, не сломалась, не обозлилась, не утратила способности сострадать. И я уверен, из неё получится лучшая королева, именно такая, какая нужна Вергонии.

– Не ушёл. Мы ведь с тобой толком не поговорили, – ответил я, коснувшись губами её виска и вдохнув такой приятный, такой родной запах.

Вернувшись к столу, я усадил Элин к себе на колени, а она доверчиво меня обняла. А вот эрн Лиссер вдруг поднялся.

– Значит, поговорите сейчас. Не буду вам мешать, – сказал он и, взяв свою чашку, вышел из кухни, даже дверь за собой прикрыл.

Некоторое время мы просто сидели в тишине. Я обнимал Элин, она задумчиво перебирала пальцами мои волосы на затылке, и казалось, что в этом мире, кроме нас, больше нет никого и ничего.

Только мы вдвоём и эта уютная кухня. Мне стало безумно хорошо и спокойно, и отчаянно захотелось, чтобы так было всегда.

Но, думается мне, что, если я сейчас снова спрошу Эбелин, выйдет ли она за меня замуж, она откажется. Найдёт сотню логичных доводов против или же просто испугается рискнуть. А значит, нужно действовать тоньше. Ведь если крепость не сдаётся при лобовой атаке, то нужно быть хитрее и начать осаду.

— Я приглашаю тебя в гости, — сказал я, поймав её руку. — Насколько мне известно, сейчас в академии каникулы, а значит, ты совершенно свободна. Хочу показать тебе Вергонию: Харсайд, Сертон, побережье, мой дворец. А ещё столичную академию магии и колдовства. Увы, не смогу всё время находиться рядом с тобой, работы у меня немало, но обещаю, что каждый вечер мы будем проводить вместе.

Она приподняла голову и с сомнением посмотрела мне в глаза.

— Можешь взять с собой отца, друзей, друзей. Кого хочешь, — добавил я, поднеся к губам её пальчики. — Вдруг тебе настолько понравится моя страна, что ты захочешь стать её королевой?

— Хельм, — она произнесла моё имя с лёгким упрёком, но больше ничего говорить не стала.

— Вместе навестим Гарсинию, — добавил я, нежно ей улыбнувшись. — А ещё...

Мягко поцеловал её в губы и тихо добавил:

— Будем вместе летать. Согласна?

— Хельм, — теперь она тоже улыбалась. — Как от такого предложения вообще можно отказаться? Но и соглашаться неправильно.

— Так ты и не отказывайся, — ответил я. — Просто разреши себе это. Нам обоим. Мне ведь тоже очень нужен отдых, Элин. Я уже и не помню, когда позволял себе хотя бы день не заниматься делами страны. Поверь, полтора года после моего торжественного возвращения во дворец были очень сложными.

Она мягко обняла моё лицо ладонями и коснулась губами губ.

— Хорошо, я согласна, — ответила она, согревая меня своим взглядом. — Только папа, скорее всего, откажется, у него в клинике много работы. А близких друзей, кроме Кэтрин, у меня нет.

– Тогда я приглашу Эниремию с мелкой, чтобы тебе не было одиноко. Сестра давно хотела посетить родную страну, но до недавних пор это было опасно. Сейчас уже намного спокойнее. А там – вдруг и Гервин отпустит с вами свою ненаглядную Кэт?

– Было бы замечательно, – Элин улыбнулась, а я вздохнул с облегчением и мысленно похвалил себя за находчивость.

– Я должен был покинуть Айвирию завтра, но теперь задержусь ещё на сутки. Успеешь собрать вещи?

– Конечно, – она легко рассмеялась, а у меня на душе стало ещё теплее.

Элин поднялась с моих коленей и за руку потянула меня к себе.

– Идём спать. Скоро рассвет, а мы совсем не отдохнули, – сказала моя черноволосая фея.

И, видя Эбелин такой: милой, улыбающейся, чуточку лукавой и откровенно счастливой, – я понял, что не отпущу её. Сделаю всё возможное, чтобы она сама захотела остаться со мной на самых законных основаниях. Стала моей королевой.

Лишь сейчас, рядом с ней, я осознал одну безумно важную вещь и понял то, что когда-то пыталась объяснить мне Гарсиния. Только во взаимной любви человек чувствует себя по-настоящему живым и цельным, по-настоящему счастливым. И если до этого момента я считал, что просто отношусь к Элин по-особенному, то теперь понял, что именно чувствую.

Ведь, когда она рядом, мне дышится легче, потоки магии ощущаются проще, даже груз ответственности давит не так сильно. С этой девушкой я будто оживаю и по-настоящему живу, а не просто делаю что-то необходимое для страны. Каждая минута с ней – как полёт, как великая магия, как чистейший поток силы. И, что самое восхитительное, – я вижу в её глазах те же эмоции, какие испытываю сам.

Не думал, что это когда-нибудь случится.

Считал, что не способен на подобное.

Был уверен, что такие чувства делают мужчину уязвимым и слабым.

И всё же... стоит признаться самому себе и всем демонам моего прошлого: я люблю Эбелин.

Люблю... и чувствую, что она тоже меня любит.

Эпилог

Год спустя

Дворцовый сад благоухал смесью цветочных ароматов. Недавно распустились особые вергонские розы, сорт которых вывел наш садовник лично для меня. Он назвал их «Королева Элин» и наотрез отказался давать им другое название. Хельм тогда сначала разозлился, но потом все-таки принял такой жест своего подданного. А меня иногда стал называть своей розочкой.

Вдыхая запах летнего утра, я пила чай на широком полукруглом балконе королевских покоев и наслаждалась теплом нового дня. Анхельм ушёл рано, он всегда вставал на рассвете, и обычно я тоже просыпалась и завтракала с ним, но сегодня ночью один очень юный принц устроил нам концерт, и ни я – как дипломированный целитель, ни Хельм – как сильнейший колдун королевства, никак не могли его успокоить. Наш трёхмесячный сын плакал так, будто что-то его пугало, а уснул только на рассвете.

Когда неделю назад это случилось в первый раз, мы отнеслись к ситуации философски. Но потом такое начало повторяться каждую ночь. Лишь стоило темноте опуститься на округу, и у Артейна начиналась истерика.

Позавчера Хельм сдался и усыпил его магией, самым лёгким из заклинаний, ведь малыш уже сам безумно вымотался от собственного плача. Так мы все проспали до утра. Но пришёл вечер, и всё началось заново.

Немного помогали прогулки по саду. Там наш Тей успокаивался и засыпал, но лишь стоило войти в здание, и он снова начинал орать. Мы перебрали все возможные варианты, к нам приходили трое самых именитых целителей Вергонии, папа примчался из Айвирии, даже Кэтрин нашла время к нам заглянуть, но все они лишь разводили руками. Физически Артейн был абсолютно здоров, для раскрытия магических каналов ещё тоже слишком рано. Ни проклятий, ни других

враждебных колдовских воздействий никто не нашёл. Мы перепробовали все способы, все варианты... и оставался только один.

– Ну, и где твой крикун? – спросила вышедшая на балкон старая ведьма в белом платье.

Я обрадовано вскочила на ноги и от души обняла старушку.

– Гарсиния! Очень рада тебя видеть! Знаю, что ты не любишь покидать свой дом, но...

– Забудь. Ясно же, что просто так вы бы меня не вызвали. Что случилось? – спросила она, садясь в плетёное кресло у небольшого столика.

Я заняла своё место и начала подробно рассказывать, что происходило с Артейном в последнюю неделю. Она слушала внимательно, а когда рассказ закончился, ведьма основательно задумалась.

Не став ей мешать, я вернулась в покои, прошла в детскую и с щемящей нежностью коснулась маленьких тёплых пальчиков спящего в колыбели сына. В утренние часы он спал особенно сладко, даже на кормление не просыпался, а я обожала его разглядывать. Сейчас было рано говорить, на кого из нас он похож больше, но цвет волос наш мальчик унаследовал от отца, от меня же ему достались цвет глаз и форма носа. Хельм говорил, что чувствует в нём будущего колдуна, и это радовало нас обоих, всё же Тей – наследник престола Вергонии. Родись он айвом, его вряд ли приняли бы как правителя.

Хотя, возможно, я ошибаюсь. Ведь пока я не прибыла с Хельмом в прошлом году в Харсайд, была уверена, что стану здесь чужачкой. Но оказалось, что простые вергонцы, в принципе, ко всему относятся довольно легко. После того, как наш с Анхельмом снимок напечатали в главной газете страны, назвав меня в статье избранницей короля, я вдруг стала кем-то вроде народной героини. Кто-то пустил слух, что именно я помогла ему переродиться и получить драконью ипостась, другие уверенно утверждали, что я изначально была предназначена их правителю Девой Заступницей и Отцом Защитником, и все дружно игнорировали тот факт, что я – айвирка.

Во дворце меня приняли так, что появилось ощущение, будто я вернулась домой. Не знаю, как Анхельм этого добился, но на меня даже горничные смотрели с благоговением, а знатные дамы вели себя со мной очень радушно. Я смогла подружиться с одной молодой

аристократкой, Камилой Вертской, которая тоже училась в академии на целителя. Однажды она по большому секрету рассказала мне, как после своего возвращения Хельм вычислял своих недоброжелателей, заставлял их сознаваться и наказывал. Причём куда сильнее казни предателей пугала полная конфискация всего имущества рода. Так что сейчас во дворце не осталось никого, кто хотя бы мог помыслить о причинении вреда его величеству. Ну, и каждый понимал, что за свою женщину Анхельм Вергонский будет стоять горой, и у обитателей дворца остались только два варианта: или принять меня с распростёртыми объятиями, или уехать куда подальше.

Нет, я знала, что мой милый Анхельм, мог быть очень суровым и жестоким, когда того требовали обстоятельства. Но со мной он всегда сдерживал свою тёмную сторону и оставался, прежде всего, любящим мужчиной.

Когда я приехала в Вергонию гостьей, Хельм окружил меня вниманием. Мы много времени проводили вместе, он показывал мне своё королевство, а я с каждым днём всё сильнее влюблялась в эту прекрасную страну... и в её короля.

В итоге согласие на брак хитрый Анхельм получил от меня всего через неделю после моего приезда. А через две в городе ведьм мы с ним прошли через ритуал скрепления судеб. Причём в тот момент оба считали, что так будет правильней всего.

Ещё через месяц состоялась официальная свадьба, с толпами гостей, иностранными делегациями и всеми необходимыми атрибутами. Но больше всего меня радовала встреча с мамой, которую я не видела много лет. Ведь когда-то она поклялась моему отцу не приезжать в Айвирию, а теперь получила возможность со мной увидеться. Не могу сказать, что мы так сразу нашли общий язык и прониклись друг к другу любовью, но я была очень рада с ней пообщаться.

Она провела у нас всего несколько дней, а потом была вынуждена вернуться на свою новую родину, к мужу и сыновьям, но пообещала в следующий раз навеститься к нам со всей семьёй. Правда, пока этот визит у них почему-то откладывался.

Даже на празднование рождения Артейна они не приехали, отчего мне стало немного обидно. Хотя Гарсиния тогда тоже не почтила нас визитом. Но зато сейчас явилась по первому зову.

– Спит твоя кроха? – спросила ведьма, тихо войдя в детскую. – Ну, так даже лучше. Уйди-ка на часок.

– Как? – я растерялась. – А если Артейн проснётся? Он же есть захочет. Расплачется.

– Молодец, что сама грудью кормишь, это важно для малыша, – похвалила Гарсиния. – Иди и не волнуйся. Если даже проснётся твоя кровиночка, я смогу с ним совладать. Лучше вон к мужу сходи. Я, пока сюда шла, краем уха слышала от проходящих мимо чиновников, что зверствует он. Вместе же ночами не спите. Усмири благоверного, пока он никого не прибил. А я пока один древний ритуал проведу. Есть у меня мыслишка о причинах беспокойного сна вашего мальчика. Заодно и проверю. А как закончу, сообщу Хельму.

Мне не хотелось уходить, я считала, что не должна оставлять сына одного с незнакомой ему старушкой, но всё же решила послушаться. Быстро привела себя в порядок и отправилась в рабочий кабинет супруга.

У него в это время не было никого из посетителей, потому вошла я без стука. Хельм сидел за письменным столом, чертил какую-то схему и выглядел очень уставшим.

– Что-то случилось? – спросил он, поманив меня ближе, а потом бесцеремонно усадил к себе на колени.

– Гарсиния. Проводит ритуал, – отозвалась я, обняв супруга.

Он крепко прижал меня к себе, коснулся губами шеи и погладил по спине.

– Надеюсь, она поможет. Я очень люблю Артейна, но неделя без сна почти превратила меня в монстра. Бесят все и всё. Начинает казаться, что вокруг одни идиоты. Хотя я сам их выбирал, сам назначал, многими даже восхищался.

– Всё будет хорошо, – я пропустила сквозь пальцы пряди его волос и поцеловала в губы.

– Из академии прислали на доработку твою дипломную работу, – он указал на лежавшую на углу стола белую папку. – Эрн Лиссер всё же согласился возглавить восточную клинику, обещал завтра прибыть. А ещё сказал, что часть персонала привезёт с собой из Айвирии. Так что вопрос с твоей практикой решён.

Хельм самодовольно улыбнулся, а я крепко обняла его за шею и звонко чмокнула в щёку. Не устаю восхищаться собственным

супругом. Я ведь просто как-то обронила, что сожалею о невозможности пройти практику у отца и его коллег, и Анхельм нашёл решение, которое оказалось выгодно всем, включая Вергонию. Кстати, пятый курс я заканчивала в академии в Харсайде, куда мой король пригласил из других стран несколько именитых профессоров. Так что переезд в другую страну благотворно сказался даже на моём образвании.

Мы говорили, целовались, я даже вызвалась помочь Хельму с разбором документов, так и прошёл отведённый Гарсинией час. Правда, она не стала вызывать нас, а явилась в кабинет сама.

– Всё, дорогие мои, будет теперь ваш малыш спокойно спать по ночам, – сказала она.

– Ты поняла причину его истерик? – спросил Хельм.

– А причина – дворец, – развела она руками. – Он же древний, пропитанный магией десятков поколений королей. Он сам как живое существо.

– Да, – кивнул Хельм. – Я чувствую его с самого детства. Он слушает меня, как своего хозяина.

– Так вот, дворец распознал в твоём сыне сильного колдуна из рода Вергонских и попытался установить с ним связь, – пояснила ведьма. – Оттого и крики по ночам. Рано ещё вашему мальчику живые артефакты такого масштаба приручать. Подождём хотя бы лет до пяти, а пока я ему амулетик на шею повесила. Он защитит от внимания дворца. Потом Артейну будет проще договориться с этой машиной.

Мы с Хельмом обескуражено переглянулись.

– Спасибо тебе, – сказала я Гарсинии.

– Мне приятно вам помогать, – расплылась в улыбке ведьма. – А мальчика своего воспитывайте поостроже. Силы в нём будет немерено, если сразу не начнёт думать о последствиях, то может натворить немало дел. Зато девочки ваши будут удивительно разумными, наверное, в мать пойдут.

– Какие девочки? – не поняла я.

– Не бойся, Элин, до их рождения ещё несколько лет. Ты успеешь и восстановиться, и привыкнуть к материнству, и даже практику свою пройти.

Хельм рассмеялся: искренне, громко, от души, я тоже улыбнулась, но пока ещё пребывала в лёгком шоке.

– Ладно, пойду я, – сказала ведьма, глядя на нас с весёлым сочувствием. – Зовите, когда Артейн начнёт когти отращивать и пытаться взлететь. Я как раз недавно нашла в своих закромах ритуал сдерживания сути.

У меня от этих слов голова пошла кругом. Пришлось схватиться за Хельма, хотя и он выглядел совершенно потрясённым.

– То есть, хочешь сказать, что Артейн тоже получит возможность становиться драконом? – спросил он у Гарсинии.

– Нет, – она покачала головой и снова улыбнулась. – Не только он, а все твои дети. И девочки, и самый младший сын тоже. Можно сказать, что мы с вами положили начало новой расе. Но... – она снова развела руками, – я даже представить не могу, к чему это в итоге приведёт. Скажу главное – воспитывайте наследников достойными людьми. И тогда, возможно, Вергония станет не просто страной, а великим королевством драконов.

Вечером, когда Артейн впервые за неделю спокойно заснул, я уложила сына в кроватку, активировала артефакты, следящие за его сном, и отправилась в нашу спальню. Хельм сидел на кровати и снова что-то записывал, но при моём появлении убрал на тумбочку документы и поманил меня к себе. Устроившись у него под боком, я счастливо вздохнула.

– Ну что, моя королева, чувствуешь себя великой родоначальницей новой расы? – спросил он шутливо.

– Не хочу об этом думать, – ответила я. – Страшно становится.

– Не бойся. Пока дракон у тебя только один, – весело усмехнулся он. – И он, если честно, очень хочет крепко тебя обнять и сладко уснуть до самого утра.

– Тебя совсем не страшит предсказанное Гарсинией будущее? – спросила я, посмотрев ему в глаза. – Вдруг...

Он накрыл мои губы пальцем и медленно покачал головой.

– Может быть что угодно, Элин. Всего невозможно учесть или предугадать. И всё, что мы можем, это действительно воспитывать

детей достойными людьми, научить их тому, что знаем сами, и позволить им самим строить свою жизнь. Мы ведь всё равно не сумеем защитить их от всего, но в наших силах подать им правильный пример. Так давай будем для них самой любящей семьёй.

Я слушала его, и сердце наполнялось нежностью. А он смотрел на меня, и в его глазах я видела настоящую, искреннюю любовь. Любовь, которая действительно излечила мою душу от прошлых травм, помогла затянуться старым ранам и подарила мне настоящее счастье.

И уже давно стало неважным всё, что было в прошлом. Канули в небытие былые обиды и страхи. Зато остались мы... такие, какими сделала нас жизнь, такие... какими мы стали рядом друг с другом.

– Я люблю тебя, Хельм, – сказала я, потому что эти слова просто рвались с языка.

А он нежно погладил меня по щеке и ответил:

– Ты мой свет, Элин. Я люблю тебя. Очень.

Он приподнялся, потушил лампу, а потом поцеловал меня в губы и крепко обнял.

Так мы и уснули, нежно вцепившись друг в друг, переплетаясь руками, ногами, душами.

А в соседней комнате мирно спал наш маленький сын. Да, его, наверняка, тоже ждёт непростая жизнь – иначе в нашем случае просто не может быть. Но он справится. А мы, как родители, сделаем всё, чтобы по своему пути он шёл, зная, что за его спиной крепкая семья. Семья, в которой его любят и всегда поддержат.

Конец

История входит в цикл «Крылатые маги» (ОДНОТОМНИКИ по одному миру).

Первая книга **«Трофей его высочества»**

Вторая книга **«Игрушка её светлости»**

Третья книга **«Невольница его величества»**

Читать можно отдельно!

Послесловие

Вот и закончилась история Анхельма и Эбелин. Они прошли большой путь, который не дался им легко, но всё-таки привёл к счастью. Помните, какой Эби была в начале, и какой она стала в конце? Да и мировоззрение Хельма существенно изменилось. Они оба так выросли, что гордость за них берёт.

Эта книга писалась на драйве, эмоциях, но вытянула из меня немало моральных сил. Я давно хотела написать историю Хельма, но увидела её лишь сейчас. Раньше он мне самой казался непробиваемым. Но, оказалось, что у него тоже есть совесть, сердце и чувства, просто он слишком долго держал их под строжайшим контролем.

Так уж сложилось, что, пока создавалась «Невольница», я несколько раз пыталась научиться кататься на горных лыжах. Для меня это был дичайший стресс! Я очень давно *мечтала* освоить этот вид спорта, в своих представлениях легко и просто скатывалась по склону, на деле же меня несколько раз накрывало самой настоящей паникой. Эмоции не то что искрили, они взрывались, сминая под собой любые заверения разума.

Из этой паники меня вытягивал любимый супруг и мои друзья. Раз за разом они уговаривали меня снова попробовать, учили, помогали, были рядом, даже ругали. Запрещали оставаться в номере и, как бы я ни упиралась, тащили на склон.

В итоге я всё-таки поняла суть катания на лыжах и чему очень рада. Но «Невольница» получилась такой острой на эмоции именно благодаря моей лыжной группе поддержки, заснеженным горам и вообще горнолыжному спорту. И я пообещала, что расскажу читателям, кто виноват в том, что книга получилась такой острой на эмоции (в некоторых местах почти триллер, хотя может так кажется только мне?).

Итак, Александр, Игорь, Евгения, Дима и Оксана. Вот люди, внесшие огромный вклад в эмоциональное состояние автора, который потом перенёс все эти эмоции в книгу.

Большое им за это спасибо!

Ну и конечно, хочу искренне поблагодарить моих дорогих читателей, которые поддерживали меня комментариями во время выкладки книги. Это для меня очень ценно!

Примечания

1

Эрни – уважительное обращение к айвирке из аристократического рода

Вернуться

2

История этой войны и её окончания, а также Эниремии и Мара описана в книге «Трофей его высочества».

Вернуться

3

Айвы – раса магически одарённых людей, чьей особенностью является способность призывать белые крылья

Вернуться

4

Хаити – в культуре Айвирии хаити называют девушку, которая, находясь в тесной связи с айвом, стабилизирует его магию.

Вернуться

5

История Кэтрин и ГERVина описана в книге «Игрушка её светлости»

Вернуться

6

Эрн – уважительное обращение к айву из аристократического рода

Вернуться

7

Ахна – уважительно обращение к женщине не из аристократического рода (простолюдинке) в Айвирии.

Вернуться

8

Ахен – обращение к айву без титула в Айвирии.

Вернуться